МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Ивановский государственный университет»

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

На правах рукописи

ФИЛИППОВА АЛЕНА ИГОРЕВНА

ПРОПАГАНДА В ДИНАСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ЭПОХИ ВОЙН РОЗ

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:

Доктор исторических наук, профессор,
профессор Ивановского Государственного университета
Евсеев Владимир Александрович

Иваново – 2026 г

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ... 3

ГЛАВА 1. ПРОПАГАНДА В ДОКУМЕНТАХ ОРГАНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ (КОРОЛЕВСКИЕ ПРОКЛАМАЦИИ, ПИСЬМА КОРОЛЕЙ И ИХ СТОРОННИКОВ, РЕЧИ К ПАРЛАМЕНТУ) ... 53

1.1. Прокламации как средство пропаганды в период династической борьбы второй половины XV века ... 53

1.2. Отражение династической борьбы эпохи Войн Роз в письмах английских королей и их сторонников ... 73

1.3. Пропаганда в актах, речах и петициях английского парламента эпохи Войн Роз ... 94

ГЛАВА 2. ЭЛЕМЕНТЫ ПРОПАГАНДЫ В ХРОНИКАХ ЭПОХИ ВОЙН РОЗ ... 130

2.1. Освещение событий Войн Роз в хрониках городской элиты Лондона (Уильяма Грегори и Роберта Бейла) ... 132

2.2. Анонимная хроника «История прибытия короля Эдуарда IV в Англию» как панегирик королю и пропаганда его деяний ... 149

2. 3. Магистр из Кембриджа – Уоркуорт о Войнах Роз и ее основных участниках ... 177

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 198

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ... 205

ВВЕДЕНИЕ

Пропаганда – это феномен социально-исторический, который возник вместе с развитием общественных структур и необходимостью управления коллективным сознанием больших групп населения.

Термин «пропаганда» имеет множество определений, однако в широком смысле он обозначает информационное воздействие, направленное на формирование определенного общественного мнения. Пропаганда одновременно влияет как на рациональное восприятие, так и эмоциональное состояние аудитории[1].

Современная отечественная исследовательница Бароне В.А., в частности, определяет цель этого явления следующим образом: «Пропаганда (в той мере, в которой допустимо применять этот термин по отношению к Средневековью) призвана формировать общественное мнение»[2].

С повышением ценности информации трансформировался и характер вооруженных конфликтов. В современном обществе, несомненно, война происходит в основном через средства массовой информации, что делает ключевым полем битвы умы целевых аудиторий[3]. Нарративы являются уникальным убедительным способом коммуникации и неотъемлемой частью человеческого понимания и формирования идентичности. Из-за этого, самые мощные пропагандистские средства – это повествования, вплоть до того, что «чья история побеждает» считается таким же важным, как «чья армия побеждает»[4].

Мнение о том, что пропаганда характерна лишь для современной эпохи XX–XXI вв. является ошибочным, так как она применялась как средство

[1] Карепова С.Г., Некрасов С. В., Пинчук А. Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления«НИНХ», 2020.Вып.4. С. 212-229.
[2] Бароне В.А. Антианглийские пропагандистские сочинения и книжная культура во Франции в первой половине XV века // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXII Международной научной конференции. М., 2019. С. 62–65.
[3] Colley, T. Strategic Narratives and War Propaganda / Baines, P., Nicholas O'Shaughnessy, and Nancy Snow, eds. The Sage Handbook of Propaganda. London: SAGE, 2020.P.39.
[4] Ibid. P.40.

информационной войны практически на протяжении всей истории существования человеческого общества. Примеры пропаганды встречались еще в древности. Один из первых случаев применения информационно-психологических методов воздействия относится еще к V в. до н. э., когда персидский царь Ксеркс I, пытаясь устрашить эллинов, распространял слухи о гигантских размерах своей армии. Фараоны Древнего Египта были одними из первых, кто использовал архитектуру для демонстрации престижа и династической легитимности.

В Античности пропаганда достигла высоко уровня у древних греков, которые начали ее применять с целью достижения общественной поддержки конкретных военных кампаний[5]. Данной опыт переняли и римляне, адаптировав методы греческой пропаганды под особенности своего менталитета, основанного на жесткой военной дисциплине. Когда сплоченность и единство ушли из армии, рассыпалась и римская пропаганда.

В Средние века война оставалась неотъемлемой частью жизни общества, а пропаганда стала еще более важным инструментом социального контроля, поддержания политического и религиозного порядка[6]. Церковь, особенно католическая, стала устанавливать свое духовное господство в Европе самыми различными способами. В том числе и с помощью пропаганды идеологии христианства. В Позднее Средневековье, наполненное крупными военными конфликтами и гражданскими войнами, пропаганда использовалась различными социальными силами как инструмент для оправдания и легитимизации своих действий[7].

Таким образом, вопрос об использовании пропаганды в различные периоды истории может быть признан актуальным, особенно, когда речь идет о временах нестабильности и кризиса. В подобные периоды главным участникам политических процессов требовалось не только сформировать определенную точку

[5] Taylor, Philip M. Munitions of the Mind: A History of Propaganda from the Ancient World to the Present Era. Manchester : Manchester University Press, 2003. P.25.
[6] Ibid.P. 89.
[7] Stevenson, K. Power and Propaganda : Scotland 1306-1488. Edinburgh UK : Edinburgh University Press, 2014.240 p.

зрения, но и транслировать ее в общество. Эпоха династических конфликтов, именуемая как Войны Роз вполне создавала такую необходимость.

Актуальность темы нашего исследования обусловлена рядом факторов.

Во-первых, изучение пропаганды в Англии второй половины XV века могло бы расширить научные представления о способах и механизмах династической борьбы между Йорками и Ланкастерами – боковыми ветвями королевской династии Плантагенетов.

Во-вторых, исследование пропаганды как инструмента династической борьбы периода Войн Роз дает возможность определить, насколько власть и представители политической элиты осознавали важность тех или иных способов ведения политики, в том числе через прокламируемое слово и источники личного происхождения.

В-третьих, в процессе исторического развития появлялись новые средства хранения и передачи информации, информационное противоборство становилось более разнообразным и изощренным. К тому же методы пропаганды все тщательнее учитывали особенности объекта воздействия – человеческой психики.[8] Поэтому важно проследить, каким был язык пропаганды, создающий определенные мифы, образы, стереотипы, а также оценить степень эффективности этого воздействия на аудиторию.

В трудах современных авторов, посвященных пропаганде в эпоху Позднего Средневековья до сих пор не дано четкого определения этому понятию. Исследователи, изучающие явление пропаганды: Чарльз Росс[9], Джеймс Дойг[10], Сара Гонт[11] так и не пришли к единому мнению относительно корректности

[8] Медовкина Л. Ю. Эволюция информационных войн от древности к современности / Л. Ю. Медовкина // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 3. 2017. С. 15-24.
[9]Ross Charles. «Rumour, Propaganda and Popular Opinion During the Wars of the Roses» in Ralph Griffiths /ed. Patronage, the Crown and the Provinces in Later Medieval England Alan Sutton: Gloucester, 1981. P. 15–32.
[10]Doig James. A. Political Propaganda and Royal Proclamations in Late Medieval England // Historical Research. 1998. vol. 71 (176). P. 253–280.
[11] Gaunt Sarah K. English Political Propaganda, 1377–1485. Doctoral thesis, The University of Huddersfield, 2018. 217 p.

использования термина «пропаганда» в контексте XV века. При этом один из основоположников теории пропаганды Колин Ричмонд заявлял, что «никакой пропаганды не было… до Войн Роз»[12].

Принято считать, что для пропаганды необходимы два основных фактора: политическая нестабильность и аудитория.[13] Другими элементами, связанными с теорией пропаганды, являются сообщение, намерение, лежащее в основе этого сообщения, и эффект этого сообщения. Данные критерии, по мнению исследователей, являются необходимыми для анализа пропаганды. Но их применение становится проблематичным, когда мы имеем дело с пропагандой XV века. При анализе источников на предмет наличия пропаганды исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью полагаться на два элемента. Во-первых, это внутренние доказательства из самого источника. Во-вторых, это политический и культурный контекст, в котором распространялись послания. При каких обстоятельствах они были переданы?

Аргументом против использования термина «пропаганда» в рамках XV века является то, что данное явление сопровождалось развитием средств массовой информации и, следовательно, требовало «массового сознания» и массовой аудитории. Поскольку средства массовой информации появились только в XIX-XX веках, необходимо полагать, что пропаганда не существовала до XIX века. Такая постановка вопроса действительно несколько ограничивает возможности исследования механизмов и форм пропаганды в эпоху Средневековья. Естественно, современные информационные войны во многом отличаются от информационных войн прошлого.

Однако, если современные методы информационного воздействия известны широкой аудитории, это любые технологические средства: телевидение, радио, Интернет [14], то со средневековыми дело обстоит намного сложнее. Средневековая

[12] Richmond C. Propaganda in the Wars of the Roses // History Today. 1992. Vol 42. P.14.
[13] Lambert, Richard. Propaganda. –London: Thomas Nelson and sons, 1938. P. 7–9.
[14]Медовкина Л. Ю. Указ. соч. С. 22.

пропаганда была призвана показать любовь Бога к королю и сформировать положительное отношение народа к правящей династии, чтобы укрепить ее положение. Для того чтобы достичь в этом максимального эффекта, создатели пропагандистских источников информации пытались оперировать идеями и представлениями, которые были хорошо знакомы, понятны и близки большинству населения.

Не исключением стал и вооруженный конфликт в борьбе за трон Англии в 1455-1485 гг., известный как Войны Роз. Это один из самых мифологизированных периодов истории Англии, что связано с созданием Тюдоровского мифа, процесс складывания которого был сложным. Он не ограничивался лишь корректировкой отдельно взятых сюжетов и шаблонным переписыванием хода произошедших событий, а представлял собой целенаправленное конструирование новой исторической реальности. Новое видение прошлого было необходимо для легитимации власти новой династии Тюдоров.

Таким образом, тема диссертационного исследования представляет собой актуальную проблему, поскольку изучает механизмы и формы пропагандистского влияния в эпоху Войн Роз.

СТЕПЕНЬ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ. В рамках тематики исследования корпус научных работ отечественных и зарубежных ученых можно разделить на несколько групп в соответствии с объектом изучения и содержанием настоящего исследования:

Первая группа исследований – это научная литература о причинах, хронологии, последствиях Войн Роз, которая насчитывает достаточно большое количество публикаций как зарубежных (преимущественно британских), так и отечественных исследователей.

Осмысливать политические катаклизмы второй половины XV века начали еще современники тех событий. Шекспировская трактовка Войн Роз, возникшая на основе Тюдоровского мифа, оставалась историографической нормой вплоть до

конца XIX века. Первые попытки пересмотреть тюдоровскую версию Войн Роз были предприняты только во второй половине XIX столетия[15]. При этом единого мнения по ключевым аспектам данного конфликта в историографии так и не сложилось. К числу наиболее дискуссионных проблем следует отнести: причины Войн Роз, хронологические рамки, оценку ключевых битв, характер и степень влияния конфликта на общество. Исследователи XX-XXI вв. старались глубже разобраться в этих аспектах.

Отечественная историография

В русской дореволюционной историографии события второй половины XV века практически не освещались. Первые исследования в отечественной исторической науке, которые были посвящены непосредственно Войнам Роз, появились только в конце 1950-х годов. До этого выходили только обобщающие труды, воспроизводившие тюдоровскую версию событий.

Первым в отечественной исторической науке исследователем, обратившимся к изучению Войн Роз, стал известный нижегородский медиевист – Е.В. Кузнецов, который связывал становление абсолютной монархии в Англии с правлением Эдуарда IV.[16] Кузнецов Е.В. понимал Войны Роз как проявление глобального кризиса, затронувшего все английское общество. Вслед за британскими коллегами – представителями марксисткой истории Е. В. Кузнецов видел причину политических катаклизмов в значительном влиянии народных движений на начало военных выступлений во время конфликта. Не обошел вниманием исследователь и аспект, касающийся датировки Войн Роз. В качестве хронологических рамок он указывал 1450-1502 гг., принимая за нижнюю границу восстание Джека Кэда.[17]

[15] Браун Е.Д. Войны Роз. История. Мифология. Историография. СПб: Центр гуманитарных инициатив. 2016. С. 4.
[16] Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в. (к проблеме возникновения английского абсолютизма). М.: Наука, 1958. 274 с.
[17] Кузнецов Е.В. Была ли битва при Босворте концом «Войны Роз»? (Из истории борьбы Генриха VII с заговорами английских феодалов) // Ученые записки Горьковского университета.. Вып. 67. Средние века и древний мир, 1965, С.138–158.

Особое место в отечественной историографии занимает едва-ли не единственный обобщающий труд по истории Средневековой Англии – монография В.В. Штокмар,[18] где значительное место уделено и Войнам Роз. В качестве причин Войн Роз называются соперничество баронов за власть, неспособность партии Ланкастеров справиться с глубоким кризисом и восстание Джека Кэда. В целом, исследовательница характеризует данные события как «жестокую борьбу двух баронских клик», «время разорения и смуты»[19].

Среди современных исследователей стоит отметить ученицу Е.В. Кузнецова – Т.Б. Меркулову (Сорокину), которая занимается изучением Севера Англии во времена Войн Роз[20]. Историк выделяет причины волнений на данной территории, а также характер поведения ее обитателей, преимущественно джентри. Выбранные территориальные рамки объясняются важной ролью английского севера в событиях XV века. Поэтому исследовательница отдельно рассмотрела восстание на Севере Англии в 1489 году[21]. Т.Б. Меркулова в своих научных изысканиях затрагивает и проблему критики источников, связанных с событиями в Англии во второй половине XV века, среди которых Хроника Уоркуорта[22]. Т.Б. Сорокина проводит подробный анализ хроники с точки зрения внешней и внутренней критики, а также обозначает ряд дискуссионных проблем, связанных с хроникой, таких как авторство и время создания. Однако автор не рассматривает данный исторический источник в контексте наличия элементов пропаганды.

Заслуживают внимания работы В.И. Золотова[23], посвященные истории Англии первой половины XV в. Причину Войн Роз автор видит в полном крахе системы местного управления. По его мнению, полный захват власти в регионах

[18] Штокмар В.В. История Англии в средние века. СПб.: Алетейя, 2005. 203 с.
[19] Там же. С. 129.
[20] Меркулова Т.Б. Север Англии в политической жизни страны второй половины XV века. Автореф. дис. .канд. ист. наук. Н. Новгород, 1999. 21 с.
[21] Сорокина Т.Б. Восстание на Севере Англии в 1489 году // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 4. 2019. С. 44-51.
[22] Сорокина Т.Б. Ревизия хроники Уоркуорта в современной английской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 3. Т. 1. 2017. С. 146.
[23] Золотов В.И. Английское общество накануне «Войны Роз» / Брянский гос. пед. ун-т. Брянск, 1996. 108 с.

магнатами подорвал основы государственного порядка и создал условия для узурпации короны. Также историк считает, что Войны Роз непосредственно обострялись мелкими стычками и негативно влияли на жизнь английского общества, прежде всего землевладельцев.

Отдельно необходимо отметить монографию Черновой Л.Н. «Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв.»[24], объектом исследования которой выступает лондонское купечество на рубеже Средних веков и раннего Нового времени. Историк раскрывает влияние данного социального слоя в лице олдерменов, мэров, шерифов на жизнь не только Лондона, но и всего государства, а также выявляет особенности и характер взаимоотношений городской элиты с королевской властью, в том числе в период династической борьбы.

Одной из значимых фигур современной отечественной исторической науки в области изучения периода Войн Роз, бесспорно, можно назвать Е.Д. Браун – автора целого ряда работ. В монографии «История. Мифология. Историография»[25] дается достаточно подробная историографическая справка, а также последовательно реконструируются три слоя восприятия Войн Роз: глазами джентри, живших во времена противостояния Йорков и Ланкастеров, с точки зрения англичан XVI в. и с позиции профессиональных историков. Особый интерес для нас представляет глава, в которой рассматриваются мифы, связанные с Войнами Роз. Основное внимание автор уделяет появлению и развитию Тюдоровского мифа[26].Однако Е.Д. Браун практически не затрагивает «Йоркский миф», заложенный Эдуардом IV Йорком и рассматривавший воцарение этого монарха как акт справедливости.

Продолжая тематику мифологизации и появления различных стереотипов относительно событий Войн Роз, необходимо отметить и другие исследования Елены Давыдовны Браун: Создание мифа о Войнах Роз (от Ричарда Йорка до

[24] Чернова Л.Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV-XVI веков. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив., 2016. 366 с.
[25] Браун, Е.Д. Войны Роз. История. Мифология. Историография. СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с.
[26] Там же. С.135-152.

Шекспира)[27]и Создание стереотипов правителей в «Новых хрониках Англии и Франции» Роберта Фабиана.[28] В данных трудах автор анализирует процесс создания мифов правителями с целью укрепления власти в период династической борьбы и становлении династии Тюдоров. В статье «Создание мифа о Войнах Роз (от Ричарда Йорка до Шекспира)» Елена Давыдовна опровергает устоявшееся мнение о том, что Тюдоровский миф является законченной концепцией, и отстаивает точку зрения о мифотворчестве каждым из правителей XV-XVI вв. Аспекты, рассмотренные в данных работах, были полезны для нас с точки зрения понимания процесса мифологизации, который имел место и в период Войн Роз..

Историографическая традиция Войн Роз также не осталась без внимания Е.Д. Браун. В одной из своих статей [29] автор анализирует англоязычную и отечественную литературу с целью выявления и сравнений позиций исследователей по основным вопросам, связанных с событиями Войн Роз: хронология, причины, характер влияния династической борьбы на английское общество.

В своих исследованиях последних лет Е.Д. Браун рассматривает малоизученные сюжеты о восприятии Войн Роз, среди которых мистическая трактовка событий. По мнению автора, восприятие событий сквозь призму греховности и благочестия определялось не только особенностями мировоззрения эпохи Средневековья, но и активной деятельностью придворных историков и пропагандистов [30]. Вопрос о трансформации осмысления событий династической борьбы современниками также становится темой для исследования Е.Д. Браун[31]. Исследователь отмечает, что изменение образа Войн Роз в исторической памяти

[27] Браун Е.Д. Создание мифа о Войнах Роз (от Ричарда Йорка до Шекспира). // История. Электронный научно-образовательный журнал / Институт всеобщей истории РАН, Центр истории исторического знания. М.: ИВИ РАН, 2012. Вып. 3 (11). С. 204 – 217.

[28] Браун, Е.Д. Создание стереотипов правителей в «Новых хрониках Англии и Франции» Роберта Фабиана // Люди и тексты. Исторический альманах, 2012. С. 161 – 183.

[29] Браун Е.Д. Войны Роз: сравнительный анализ подходов российской и англоязычной историографии // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». М., 2010. С. 243—257

[30] Браун Е. Д. Пророчества, проклятия и божья кара. мистическая трактовка войн роз в тюдоровской историографии // ЛиТ. Исторический альманах. 2022. №15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prorochestva-proklyatiya-i-bozhya-kara-misticheskaya-traktovka-voyn-roz-v-tyudorovskoy-istoriografii (дата обращения: 26.09.2024).

[31] Браун Е.Д. 90.Браун, Е. Д. История или политика? Представления о Войнах Роз в Великобритании XVII–XVIII вв. //Шаги (Steps). 2023. – №2.– С. 148–170.

англичан было плавным. В течение XVII–XVIII вв. началась реабилитация основных участников конфликта, его хронологические рамки были сужены с 1399–1485 до 1450–1485 гг. Изменения XVII–XVIII вв. подготовили почву для дальнейшей эволюции взглядов на указанный конфликт и стали отправной точкой для исторических концепций, сформировавшихся в XIX веке, Войны Роз перестали считать самым кровавым и неприятным отрезком английской истории. Вышеперечисленные статьи помогают нам изучить особенности мировоззрения представителей английского общества XV века.

Отличной от всех вышеперечисленных исследований является диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук Праздникова А.Г «Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века», [32] которая легла в основу одного из последних трудов историка – монографию «Люди войн Алой и Белой Розы. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века»[33]. Это исследование содержит масштабный анализ участников Войн Роз, принадлежавших к различным социальным слоям. Особого внимания заслуживает приложение данной работы, в котором поименно приведен список участников событий. В диссертации и монографии А.Г. Праздникова использован огромный массив исторических источников, что позволяет более комплексно подойти к решению поставленных исследователем задач. Выводы, сделанные Праздниковым А.Г. способствуют общему пониманию мотивов действий различных категорий участников Войн Роз.

Праздников А.Г. в своей статье «Войны Роз и развитие английских городов второй половины XV в.»[34] рассматривает процессы социально-экономического и

[32] Праздников, А. Г. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века : дис. ... док. истор. наук : 07.00.03 / Праздников Андрей Геннадьевич. Нижний Новгород, 2021. 711 с.
[33] Праздников А. Г. Люди войн Алой и Белой Розы. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века. СПб.: Евразия, 2023. 560 с.
[34] Праздников А.Г. Войны Роз и развитие английских городов второй половины XV в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 6 (29). URL: https://history.jes.su/s207987840000792-0-1/ (дата посещения:12.01.2025).

политического развития городов Англии, которые являлись активными участниками событий. По мнению автора, политическая борьба не оставила заметного отпечатка на облике жителей городов. При этом она способствовала усилению связей между купечеством и лордами, а также монархией. Данная позиция уже была затронута зарубежными историками.

Деятельность парламента в период Войн Роз так же стала объектом изучения для отечественных историков. Профессор Евсеев В.А. в своей статье «Политическая борьба эпохи войны Роз в законодательстве английского парламента»[35] рассматривает вопрос об использовании законодательной деятельности парламента в ходе династической борьбы для укрепления королевской власти, в частности при короле из династии Йорков – Эдуарде IV.Историк акцентирует, что парламент очень активно использовался монархами в своих целях в ходе династической борьбы.

Портнов А.А. продолжает изучение парламентского законодательства второй половины XV века и более детально рассматривает деятельность парламента по этапам Войн Роз[36], концентрируя свое внимание на роли актов парламента как средства укрепления власти королей – участников династической борьбы. Автор отмечает, что процесс борьбы между Йорками и Ланкастерами освещен неравномерно, так как документы ланканстерианских парламентов сохранились не в полном объеме и об их действиях приходится делать выводы опосредованно: через деятельность противоборствующей партии Йорков[37].Однако исследователь практически упускает из виду роль речей, произнесенных на заседаниях парламента, а также не рассматривает данный вопрос с точки зрения пропагандистской направленности.

Названные выше исследователи были сосредоточены на анализе лишь законодательных актов парламента, но не обращались к петициям и недооценивали

[35] Евсеев В.А. Политическая борьба эпохи войны Роз в законодательстве английского парламента // Британия: история, культура, образование. Ярославль, 2018. Вып. 4. С. 132-137.
[36] Портнов А. А. Политическая Борьба Эпохи Войн Роз в Свете Английского Парламентского Законодательства. Человеческий капитал. 2023. №. 1(169). С. 93–103.
[37] Там же. С.101.

пропагандистские аспекты деятельности парламента. Данный подход создает одностороннее восприятие этого важного института и его роли в ходе Войн Роз.

Таким образом, отечественные историки интерпретировали Войны Роз как выражение глубокого социального, экономического и политического кризиса, охватившего английское общество. Исследователи стремились выявить причины династической борьбы, обозначить ее ключевые этапы и проанализировать, как в этих событиях проявляли себя представители различных социальных слоев. Однако российская медиевистика пока не выработала целостной традиции изучения этого периода.

Зарубежная историография представлена в основном трудами британских исследователей, но также встречаются работы американских историков.

После окончания династического конфликта Генрих VII стремился укрепить свою власть, создавая исторический нарратив, оправдывавший законность своей династии и подчеркивавший необходимость стабильности и порядка. «Тюдоровская трактовка» Войн Роз нашла отражение в исторических трудах уже в начале XVI века, и в первую очередь, внимание хронистов было уделено причинам и итогам конфликта между Йорками и Ланкастерами. Так, хроники Холла и Холинешеда определяли в качестве причины конфликта свержение РичардаII, а окончание и итоги связывали с Генрихом VII[38].Особый взгляд на эпоху Войн Роз, утвердившийся в общественном сознании, впервые воплотился в «Исторических хрониках» Шекспира[39]. Английский драматург изобразил весь XV век как череду почти непрерывных беспорядков. Его пьесы фактически превратились в общепринятую версию исторических событий, пусть и довольно упрощенную.

[38] Браун Е.Д. Войны Роз: сравнительный… Указ. соч.С. 246.
[39] Уильям Шекспир. Генрих VI / Пер. Е. Бируковой // Уильям Шекспир. Полное собрание сочинений в восьми томах. М., 1957. Т. I.

Первые попытки пересмотреть тюдоровскую версию Войн Роз были предприняты только во второй половине XIX столетия, когда история уже сформировалась как научная дисциплина[40].

В отечественной историографии уже был проведен глубокий анализ работ зарубежных исследователей XIX–XX веков, посвященных общим вопросам Войн Роз. Российские историки не только изучили и систематизировали основные подходы западных авторов к этому периоду, но и рассмотрели эволюцию их взглядов – от традиционных концепций, акцентирующих внимание на династическом конфликте и становлении абсолютизма, до более современных интерпретаций, в которых акцент смещается на социальные и экономические причины, а также на влияние этих событий на развитие английского общества[41].

Исторические оценки Войн Роз и их последствий для Англии существенно менялись в зависимости от подхода и методологии исследователей. Если в трудах XIX века (Стаббс[42], Д. Грин[43]) акцент делался на конституционных изменениях и становлении абсолютной монархии, а также на противопоставлении династий, то в XX веке появились новые интерпретации. Марксистская историография (А.Мортон[44]) рассматривала эти события как проявление классовой борьбы, а Дж. Тревельян [45] подчеркивал роль «дурного управления» и значение сильных монархов для восстановления порядка.

Во второй половине XX века исследователи (МакФарлайн[46], Д.Р.Ландер[47]) пересмотрели традиционные взгляды, указав на ограниченное влияние Войн Роз на английское общество и поставив под сомнение их разрушительный характер.

[40] Браун Е.Д. Войны Роз. История .Указ. соч. С. 4.
[41] Браун Е.Д. Войны Роз: сравнительный… Указ. соч
[42] Stubbs W. The Constitutional History of England in Its Origin and Development. L.: Clar. press, 1875. 322 p.
[43] Грин. Д. Р. История Англии и английского народа : [пер. с англ.] / Д. Р. Грин. М.; Жуковский : Кучково поле, 2005. 896 с.
[44] Мортон А.Л. История Англии Москва: Издательство иностранной литературы, 1950. 464 с.
[45] Тревельян Дж.М. Социальная история Англии: Изд-во иностранной литературы, 1959. 608 с.
[46] Macfarlane, Alan. A guide to English historical records , Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 134 p.
[47] Ландер Дж.Р. Войны Роз..пер. с англ. А. А. Кралиной. СПб.: Нестор-История , 2013. 280 с.

Отличную от всех предыдущих точек зрения выдвинул Поллард А.Д.[48], согласно которой существовали две Войны Роз совершенно разного характера. Первая серия войн – это войны между Ланкастерами и Йорками (1459–1471), а вторая – между Йорками и Тюдорами (1483–1487). Исследователь определяет конфликт между Ланкастерами и Йорками как гражданскую войну, подчеркивая, что это была не просто борьба за престол, а глубокий внутренний раскол английского общества и элиты.

Таким образом, восприятие Войн Роз зарубежными исследователями трансформировалось от нарратива, сосредоточенного на политических событиях и личностях, к анализу социальных процессов и критическому переосмыслению.

К 80-м годам XX века англоязычные историки пришли к иной, абсолютно противоположной оценке тюдоровского мифа о Войнах Роз, нежели современники самих событий и историки XIX века. Все больше события Войн Роз рассматривались историками как череда случайностей. А также формировалось представление о Войнах Роз как о серии конфликтов, ограниченных рамками политической верхушки, практически не затрагивающих обычный уклад жизни большинства англичан, который оставался сравнительно стабильным. К такому выводу приходит Е.Д. Браун, проанализировав современную британскую историографию по данной теме[49]. Браун Е.Д.[50] пришла к выводу, что исследования британских, американских и российских ученых позволяют детально восстановить хронологию событий Войн Роз, включая детальное изучение хода битв и численности участников. Однако среди историков продолжаются дискуссии относительно точной датировки конфликта, его природы и степени воздействия на современников[51].

Наиболее отчетливо данная концепция Войн Роз как случайных событий,

[48] Pollard A.J. The Wars of the Roses. N.Y.: St. Martin press, 1988. P. 111.
[49] Браун Е.Д. Войны Роз: сравнительный... С. 248.
[50] Браун Е.Д. Войны Роз: сравнительный.Указ. соч.С. 253.
[51] Там же.

просто сменяющих друг друга выражена в работах Э. Гудмана[52]. Войны Роз рассматриваются исследователем как серия практически не связанных между собой выступлений магнатов и проявлений народного неповиновения, несколько раз прерывавших правление английских королей второй половины XV в. Стоит отметить, что вопрос относительно хронологических рамок династического конфликта так и не был урегулирован. Что немаловажно, исследователь отрицает обособленность данного периода от остальной истории Англии[53].

На рубеже XX-XXI вв. рассмотренная выше точка зрения относительно понимания о сущности, характере и последствиях Войн Роз для английского общества и истории в целом была подкорректирована.

Большинство современных британских историков считают, что Войны Роз затрагивали не только политическую элиту, но и другие слои населения. Исследователи также настаивают на наличии взаимосвязи событий 50–80-х годов XV века с особенностями политического устройства Англии. Так, К. Карпентер считает, что основная причина Войн Роз Войн Роз следует искать в самой системе управления страной, которая держалась на неустойчивом балансе между королевской властью и интересами аристократии.[54].

Консенсуса в вопросах о причинах, хронологических рамках конфликта, о количестве этапов Войн Роз, степени влияния на жизнь английского общества второй половины XV в. достигнуто так и не было.

В зарубежной историографии немало работ, которые посвящены конкретным личностям – участникам Войн Роз. Ознакомление с литературой биографического характера было полезно для определения влияния личностных особенностей на действия участников династической борьбы.

[52] Goodman A. The Wars of the Roses: Military activity and English society (1452– 1497). L.: Harper, 1981, 294 p.
[53] Ibid. P. 116.
[54] Carpenter Ch. The Wars of the Roses. Politics and the Constitution in England, 1437—1509. Cambridge, 1997. P. 94.

Нам удалось проанализировать биографию Эдуарда IV, написанную английским историком Чарльзом Диком Россом.[55]. Автор не согласен с историками, умаляющими заслуги Эдуарда, и считает, что именно его методы управления страной легли в основу начала правления Тюдоров. Важной составляющей данного труда является сюжет об отношениях монарха с политически активными сословиями (купцами, дворянством). Сведения, представленные Россом, помогают нам понять логику управления Эдуарда IV, механизмы формирования образа монарха в исторической памяти.

Джеффри Джеймс[56] – создатель биографии Эдуарда IV, не углубляется в детали его борьбы за трон, освещая этот сюжет лишь в общих чертах. Исследователь отмечает, что не многим английским монархам приходилось так отчаянно бороться за свою власть. Автор приводит личностную характеристику короля, особенно обращает внимание на его черты характера, такие как храбрость, способность перехватывать инициативу. Историк не обходит вниманием и моменты, касающиеся захвата власти Йорками и их сторонниками и начала войны.

С биографическими трудами, касающимися личности Генриха VI ситуация складывается иным образом. Среди новейших исследований следует отметить широко известную биографию Генриха VI, автором которой является Бертрам Перси Вольф, а предисловие к этой биографии принадлежит перу Джона Л. Уоттса.[57] В данной работе брошен вызов традиционному общепринятому взгляду на личность и деятельность Генриха VI, как на необыкновенного, отличающегося от всех некой простотой и невинностью монарха. Вместо этого нам предлагается критический портрет явно неспособного правителя. Используя широкий круг источников и современных исследований, Вольф подробно описывает неудачи всего правления Генриха VI. Также историк утверждает, что упомянутый ранее позитивный образ, даже некий культ, был создан и продвинут Генрихом VII как

[55] Ross Charles. Edward IV. Berkeley: University of California Press, 1974. 479 p.
[56] James Jeffrey. Edward IV: Glorious Son of York. Stroud: Amberley Publishing, 2015. 288 p.
[57] Wolffe, B. Henry VI. Yale English Monarchs series. Yale University Press. 2001

способ оправдать политические неудачи своего дяди и с целью исправить имидж возвысить династию в глазах общества.

В ходе настоящего исследования мы обращались к исследованию Е.Д. Браун «Ричард III»[58], для того чтобы определить характер его действий в династической борьбе, а также познакомится с языком пропаганды (формами, приемами), объектом которой стал этот монарх. Историк подробно реконструирует образ этого короля в историографической традиции, начиная с пропагандистов Тюдоровской эпохи. Е. Д. Браун резюмирует: историки, рассматривающие фигуры монархов прошлого, нередко сталкиваются с тем, что представление о короле меняется в зависимости от политических условий и культурных влияний каждой эпохи. Данная информация также для нас была полезна с точки зрения анализа изменений «портрета» одного из самых мифологизированных правителей Англии, личность которого и в настоящее время вызывает интерес среди исследователей и оценивается неоднозначно.

За последние несколько лет был опубликован целый ряд исследований, посвященных Войнам Роз, которые, будучи адресованными широкому кругу читателей, отличаются обилием фактов, описаний. Подобные труды вряд ли можно отнести к чисто научным, так как они написаны ярким простым языком и не содержат сложных концепций. Авторы данных трудов стремились популяризировать события эпохи Войн Роз. Среди таких работ, имеющих во многом научно-популярный характер следует назвать труды Дэвида Граммита[59], Элисон Уэйр[60], Дэна Джонса[61].

Проанализировав работы зарубежных историков, мы можем утверждать, что основные проблемы относительно Войн Роз еще далеки от своего разрешения.

[58] Браун Е.Д. Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз .М .: Вече, 2016. 432 с.
[59] Grummitt D. A short history of the Wars of the Roses. London: I. B. Tauris, 2014.494 p.
[60]Элисон ,Уэйр. Ланкастеры и Йорки. Война Алой и Белой розы. Пер. с англ. Вера Ахтырская. СПб.:Азбука, 2025. 640 с.
[61] Джонс Д.Война Алой и Белой розы: Крах Плантагенетов и воцарение Тюдоров /Дэн Джонс. Пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2023. 446 с.

Так, например, британские и американские историки спорят о хронологических рамках конфликта, количестве этапов Войн Роз, степени влияния событий на жизнь различных сословий английского общества второй половины XV века и их отношению к представителям династий, борющихся за власть.

Второй блок трудов историографического раздела посвящен исследованиям, в которых рассматривается феномен пропаганды как средства информационной войны. Как в российской, так и в зарубежной историографии большое количество научных трудов: монографий, статей, диссертационных работ отвечают данной тематике. Однако практически все они рассматривают и характеризуют события нового и новейшего времени. В основном это мировые войны, Холодная война, иные внешнеполитические отношения ведущих государств во всех их проявлениях.

Некоторые фундаментальные труды использовались нами с ознакомительной целью, чтобы разобрать основные понятия и концепции, связанные с пропагандистской тематикой. Среди таких можно назвать двухтомник доктора филологический наук, профессора СПбГУ Н.Л. Волковского «История информационных войн»[62]. Данный труд – первая попытка целостного анализа информационного противостояния в ходе крупных кризисов в истории: с древности до начала XXI века. Труд был создан на основе огромного фактологического материала, также автором рассмотрен широкий круг вопросов: роль огласки политических тайн, механизмы воздействия пропаганды на общество и общественное мнение и т.п.

Актуальность информации во время кризисных моментов в истории, а также краткая историческая справка рассмотрены Л.Ю. Медовкиной в статье «Эволюция информационных войн от древности к современности» [63]. Автор акцентирует внимание на том, что с течением времени технологии информационного

[62] Волковский Н. Л.. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. СПб.: ООО «Издательство «Полигон». 2003. 736 с.
[63] Медовкина Л. Ю. Указ. соч. С. 84.

воздействия изменились, вследствие чего информационные войны стали необходимой составляющей внешнеполитического курса государств.

О сущности понятия «информационная война» и вопросах, связанных с данным феноменом, рассуждает Л.Л. Штофлер. В своей статье «Информационная война как радикальная форма политической борьбы»[64] исследователь ставит проблему многообразия научных подходов к пониманию информационной войны как системной форме противоборства.

Среди отечественных медиевистов, впервые обратившихся к теме пропаганды в эпоху Средневековья, следует назвать доцента кафедры всеобщей истории РГГУ Викторию Александровну Бароне. Ее статьи «Антианглийские пропагандистские сочинения и книжная культура во Франции в первой половине XV века»[65] и «Договор в Труа глазами авторов французской пропагандистской литературы первой половины XV в.»[66] являются первыми по средневековой политической пропаганде в отечественной медиевистике. Историк рассматривал трактаты, появление которых было вызвано политической и событийной обстановкой этого периода – Столетней войной, гражданской войной между арманьяками и бургиньонами, «оккупацией» Нормандии англичанами, договором в Труа об объединении Англии и Франции. Несмотря на относительную хронологическую близость эпохи Войн Роз к периоду, являвшемуся предметом изучения для В.А. Бароне, в отечественной историографии отсутствуют конкретные работы, посвященные проблематике пропаганды в Войнах Роз.

[64] Штофлер Л. Л. Информационная война как радикальная форма политической борьбы // Гуманитарий Юга России. 2018. Том. 7. № 4. С. 158-174.
[65] Бароне В.А. Антианглийские пропагандистские сочинения и книжная культура во Франции в первой половине XV века // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXII Международной научной конференции. М., 2019. С. 62–65.
[66] Бароне В.А. Договор в Труа глазами авторов французской пропагандистской литературы первой половины XV в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М., 2017. №10. С. 64–73.

Российские историки, специализирующиеся на эпохе Войн Роз и создавшие фундаментальные труды в рамках данной тематики: Праздников.[67], Браун Е.Д.[68] лишь эпизодически упоминают в своих работах применение пропаганды для воздействия на общественное мнение в ходе борьбы за власть.

Браун Е.Д. упоминает о письмах королей и документах, которые «во время Войн Роз руководители партий Йорков и Ланкастеров рассылали наиболее влиятельным дворянам с пропагандистской целью»[69]. Однако историки не развивают тематику пропаганды: не определяют, какими именно способами и с помощью каких средств осуществлялась пропаганда и насколько эффективно использовались инструменты агитации в ходе борьбы между династиями Йорков и Ланкастеров.

Тематику пропаганды в эпоху Позднего Средневековья развивает современный нижегородский историк Д.В. Кирюхин[70]. Однако хронологические рамки его исследований выходят за период Войн Роз и соответствуют восшествию на престол новой династии Тюдоров в 1485 г. Автор рассматривает способы легитимизации и пропаганды династии Тюдоров, среди которых создание новой династической мифологии, придворной историографии, разработка соответствующих ритуалов[71].

Одним из первых, кто обратился к тематике пропаганды, в англоязычной литературе является британский исследователь Чарльз Росс. Не будет преувеличением сказать, что этот ученый заложил фундамент для изучения феномена пропаганды в контексте XV века. Именно его работы стали отправной

[67] Праздников, А. Г. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века : дис. ... док. истор. наук : 07.00.03 / Праздников Андрей Геннадьевич. Нижний Новгород, 2021. 711 с. Праздников А. Г. Люди войн Алой и Белой Розы. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века. СПб.: Евразия, 2023. 560 с.
[68] Браун Е.Д. Войны Роз. История. Мифология. Историография. СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с.
[69] Браун Е.Д. Войны Роз. История. Мифология. Историография… С. 23.
[70] Кирюхин Д.В. Стратегия репрезентации королевской власти в культурной и интеллектуальной жизни английского двора в 1485–1533 гг.: дис. канд. ист. наук. Н.Новгород, 2014. 178 с.; Кирюхин, Д.В. Репрезентация власти первых Тюдоров в рамках новой политической истории // Вестник Мининского университета. – Нижний Новгород, 2016. №1-2 (14). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-vlasti-pervyh-tyudorov-v-ramkah-novoy-politicheskoy-istorii (дата обращения: 10.12.2025).
[71] Кирюхин Д.В. Стратегия репрезентации королевской власти. Указ. Соч. С.17.

точкой для понимания этого явления в контексте событий Войн Роз. Методы исследования Росса, подходы к анализу исторических источников и способы построения исторических нарративов были взяты на вооружение другими учеными. В статье «Rumour, Propaganda and Popular Opinion During the Wars of the Roses» (Слухи, пропаганда и общественное мнение во время Войн Роз)[72] историк четко обозначает, что: «история Англии пятнадцатого века, особенно в его неспокойную и противоречивую вторую половину, отмечена чрезвычайным повышением использования всех видов пропаганды, в большинстве более сложных, чем были раньше»[73]. Данным заявлением Росс четко обозначил свою позицию относительно возможности применения термина «пропаганда», в контексте XV века. В немногочисленных трудах по данной тематике подобные однозначные утверждения отсутствуют. Росс основное внимание уделял самому явлению йоркистской пропаганды, но без основательного анализа исторических источников и их сравнения на предмет выявления сходств и различий в языке пропаганды.

Фундаментальным трудом в области теоретических аспектов пропаганды является монография французского социолога Жака Эллюля «Propaganda; the formation of men's attitudes»[74]. Его подход отличается от большинства других тем, что рассматривает пропаганду не как целенаправленное творение отдельных лиц, а как целостный социальный процесс[75]. Эллюль отмечает, что многие люди ошибочно полагают, якобы пропаганда – это исключительно ложь и выдумки, а истина не может быть ее частью. Однако данный труд является современным социологическим исследованием, поэтому пропаганда не рассматривается автором в контексте XV века. Эллюль делает попытки разделить пропаганду на агитационную и интеграционную[76]. Агитация, по мнению Эллюля, является

[72] Ross Charles. «Rumour, Propaganda and Popular Opinion During the Wars of the Roses» in Ralph Griffiths/ ed. Patronage, the Crown and the Provinces in Later Medieval England Alan Sutton: Gloucester, 1981. P. 15–32.
[73] Charles Ross, «Rumour, Propaganda and Popular Opinion During. P.15
[74] Ellul, J. Propaganda; the formation of men's attitudes. – New York: Knopf,1965. –360 p.
[75]Ibid. P. 4-33.
[76] Ibid. P. 72.

взрывоопасной и действует внутри кризисной ситуации или даже создает ее. Интеграционная пропаганда, с другой стороны, стремится к конформизму и имеет долгосрочную цель, требует более всестороннего и комплексного подхода[77].

Существенный вклад в понимание роли пропаганды в период Войн Роз внесен Элисон Аллан. В статье «Йоркистская пропаганда: родословная, пророчество и «британская история» в правление Эдуарда IV» историк определял цели, темы, особенности и методологию йоркистской пропаганды в правление Эдуарда IV на основе генеалогических хроник и манускриптов, содержащих пророчества[78]. Аллан начинал свои рассуждения с обозначения причины использования генеалогических материалов и пророчеств в качестве средств пропаганды Эдуардом IV. Историк убежден, что законность монархии Эдуарда IV могла основываться только на неоспоримых претензиях на наследственное право. Для этого, по мнению исследователя, «новоиспеченному монарху» и нужна была пропаганда, ядро которой должны были составить истории, придающие королю Йорков впечатляющую родословную, подчеркивающую древность этой королевской линии. Элисон Аллан определяет методы распространения такого рода пропаганды и аудиторию, которую должны были охватывать данные источники. Исследователь полагал, что генеалогические хроники предназначались для светской аудитории, поэтому выполнялись «в изысканной манере» в виде свитков и книг, в отличие от прокламаций, которые расклеивались или разбрасывались на улицах в людных местах. Также автор рассмотрел и пророческую литературу с точки зрения ее пропагандистской направленности и пришел к выводу, что многочисленные пророчества были представлены таким образом, чтобы указать на их актуальность для судеб дома Йорков и подтвердить наследственные права Эдуарда IV.В качестве особенности использования данного источника как средства пропаганды автор выделяет следующее: в каждом манускрипте приводились

[77] Ibid. P. 77.
[78] Alison Allan. Yorkist Propaganda: Pedigree, Prophecy and the «British History» in the Reign of Edward IV in Charles Ross (ed.) Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England, Alan Sutton: Gloucester, 1979. P. 171—192.

критерии, по которым можно было определить законного и узурпирующего короля. В результате своих научных изысканий, историк установил, что подобные йоркистские документы были бы привлекательны для знати и джентри[79].

Однако исследователя интересовали и более массовые источники, такие как прокламации. Анализа королевских прокламаций второй половины XV века послужил материалом для статьи «Королевская пропаганда и прокламации Эдуарда IV»[80]. Свой труд историк начинает с обоснования важности прокламаций как средства пропаганды. По его мнению, к XV веку прокламации стали довольно распространенной «чертой жизни королевства и самым непосредственным обращением короля к большинству своих подданных»[81]. Автор убежден, что при Эдуарде IV прокламации, уже прочно закрепившиеся как средство общения между короной и подданными, окончательно превратились в «передовое оружие королевской пропаганды»[82]. Исследователь утверждает, что «сами тексты содержали информацию, аргументы, оправдания, обращения к общественным чувствам, страхам и мнениям, приказы и увещевания, и все это намеренно было написано энергичным и часто эмоциональным языком»[83]. В завершение историк опровергает укоренившуюся в историографии мысль о том, что прокламации стали средством пропаганды лишь при Тюдорах и подчеркивает, что именно прогресс, достигнутый в правление первого короля из династии Йорков, позволил прокламациям так быстро и так заметно занять свое место в пропаганде Тюдоров[84].

Современный британский историк Колин Ричмонд изложил аналогичные сюжеты в своей статье «Пропаганда в войну Алой и Белой розы»[85]. Исследователь определял пропаганду данного периода как реакцию или катализатор на определенные кризисы. А после 1470 года однозначно назвал данное явление

[79] Ibid.P.191.
[80] Alison Allan. Royal Propaganda and the Proclamations of Edward IV, Bulletin of the Institute of Historical Research, vol. 59. 1986. P. 146–54.
[81] Ibid. P.148.
[82] Ibid. P.151
[83] Ibid. P. 151.
[84] Ibid. P. 12.
[85] Richmond C. Propaganda in the Wars of the Roses // History Today. 1992. №42. P. 12–18.

частью постоянной политики не только Эдуарда IV Йорка, но и королей из династии Тюдоров[86]. Ричмонд выразил согласие с Элисон Аллан в том, что власти использовали прокламации как основное средство распространения информации: «такие воззвания выкрикивались на рыночных площадях, в окружных судах и с церковных кафедр»[87]. Историк затронул аспекты, которые не были освещены ранее. Так, Ричмонд определяет задачу прокламаций именно как средства пропаганды, а не просто источника информации: пропаганда, безусловно, должна искажать правду до определенной степени; если правда не искажается, прокламация остается лишь объявлением[88]. Также исследователь пошел дальше, чем его предшественник и в вопросе относительно аудитории, на которую должно было распространяться действие прокламаций. Ричмонд рассматривал данный аспект, анализируя процесс перехода с латыни на английский язык.

Историк отмечал и различную направленность пропагандистского воздействия партии Йорков в разные периоды династической борьбы: «в 1459–1461 годах они искали поддержку элиты; в 1469–1471 годах они стали применять новаторские подходы, чтобы найти более широкую аудиторию»[89]. В своем труде Ричмонд упомянул три «пропагандистских произведения»: «Манер и руководство графа Уорика в Анжере в июле и августе 1470 года», «Хроники восстания в Линкольншире» и ««История прибытия Эдуарда IV в Англию»[90]. Исследователь обозначил цель создания каждого источника как инструмента пропаганды. Однако Ричмонд не провел подробного анализа текстов произведений и лишь кратко обозначил методы, которые были использованы в них как пропаганда.

Колин Ричмонд, в отличие от своего предшественника Э. Аллана, четко определил причину, по которой короли прибегали к пропаганде (средством которой и являлись рассматриваемые им источники): «английские короли становились пропагандистами (а не просто публицистами) лишь тогда, когда их к

[86] Ibid. P. 14.
[87] Ibid. P. 12.
[88] Ibud. P. 14.
[89] Ibid. P. 14.
[90] Ibid. P. 14-15.

этому вынуждали»[91]. В результате своих научных изысканий историк приходит к выводу о деморализующем воздействии Войн Роз на английское общество, во всяком случае, на политическую элиту.

В вышеперечисленных работах, посвященных пропаганде, были обозначены некоторые важные концептуальные вопросы в рамках рассматриваемой тематики: совершена попытка определения сущности пропаганды как явления, предложены варианты целей, средств и особенностей пропаганды в контексте династической борьбы второй половины XV века.

Однако в трудах, с которых началось изучение пропаганды как явления XV века, так и не была сформирована теоретическая база, которую могли бы использовать другие исследователи, в том числе и мы. К тому же авторы рассмотренных нами статей сконцентрировали основное внимание лишь на конкретных примерах пропаганды йоркистов начала Войн Роз и не затронули другие важные этапы конфликта, а также оставили в тени пропаганду противников Йорков – династии Ланкастеров.

Все вышеперечисленные работы вошли в историографический обзор диссертации Эндрю Брортджеса «Завоевание голоса народа»: узурпация, пропаганда и влияние государства на историю в Англии пятнадцатого века»,[92] в которой ставится проблема определения особенностей и характерных черт отражения событий династического конфликта XV века в Англии в источниках того же периода, в том числе с точки зрения присутствия пропаганды.

Во введении диссертации исследователь задает концептуально важные вопросы, ответ на которые не был дан предшественниками, чьи работы были им прокомментированы. А именно: как политические послания, связанные с английской политикой XV века повлияли на историографическую; какова возможность определения этих сообщений как пропаганды; вероятно ли увидеть

[91] Ibid. P. 16.
[92] Broertjes, A. Winning the people's voice: usurpation, propaganda and state-influenced history in fifteenth-century England: This thesis is presented for the Doctor of Philosophy of the University of Western Australia / Broertjes, A. – UWA., 2006. – 328 p.

влияние этих сообщений на истории, написанные в то время. Также Эндрю Брортджес, как и его предшественники, ставит вопрос о возможности применения термина «пропаганда», появившегося только в XVII веке, в контексте XV века. Прежде чем попытаться рассмотреть эти проблемы, исследователь обобщил работы по данной тематике, поэтому в диссертации представлен обширный историографический обзор. В ходе изучения отдельных политических посланий эпохи Войн Роз, историк выделил более широкий контекст использования таких материалов. Брортджес не только попытался описать сами послания, содержащие пропаганду, но и определить способы их распространения, а также целевую аудиторию. Однако автор приводит по несколько примеров из источников, имеющих пропагандистскую направленность, не проводя при этом целостного анализа. Вероятно, Брортжерс и не ставил перед собой такую задачу, а стремился в общем проследить как информация, «содержащаяся в пропагандистских документах становилась частью более широкой литературной культуры, которая развивалась с конца XIV века, а затем, в свою очередь, становилась частью истории»[93]. По мнению исследователя именно политические послания и факторы, связанные с их созданием и распространением в целом, создали определенное представление об Англии XV века как в глазах современников того времени, так и историков.

Диссертация Сары К. Гонт «English Political Propaganda, 1377–1485 » (Английская политическая пропаганда, 1377–1485) [94] – объемный труд, основанный на междисциплинарном подходе и охватывающий период с 1377 по 1485 годы. Основные утверждения диссертации состоят из трех пунктов. Во-первых, визуальная пропаганда играла более значительную и влиятельную роль, особенно для неграмотного населения, чем ранее признавалось в политической коммуникации.[95]. Во-вторых, по мнению С. Гонт, пропаганда монарха не могла компенсировать слабость личности. В-третьих, С. Гонт расширила понятие

[93] Ibid. P.299.
[94] Gaunt Sarah K. English Political Propaganda 1377–1485. 2018. 218p.
[95] Ibid. P.32.

пропаганды,[96] данное Эллюлем. Согласно его концепции, пропаганда применялась либо для агитации, либо для интеграции аудитории. С. Гонт уточнила, что данное явление представляет собой более тонкую форму убеждения, часто имеющую долгосрочные цели. Однако историк не приводит конкретные примеры, которые могли бы подтвердить данный тезис. Вследствие того, что внимание С. Гонт в основном сосредоточено на пропаганде первой половины XV века, связанной с событиями Столетней войны, период Войн Роз, а особенно 1470-1471 гг. освещены достаточно скудно. Также С. Гонт сосредотачивается на визуальных источниках, тогда как нарративные источники рассматриваются ей не так подробно или вовсе лишь упоминаются без последующего анализа. Таким образом, возникает исследовательский пробел в изучении пропагандистского влияния различных письменных источников эпохи Войн Роз.

Джеймс Дойг, в своей статье «Политическая пропаганда и королевские прокламации в позднесредневековой Англии» [97] , опубликованной в 1998 году в журнале Historical Research, пытался определить эффективность королевских прокламаций как инструмента для распространения пропаганды среди широкой аудитории в Англии Позднего Средневековья. Джеймс Дойг отмечал, что рост грамотности не был критически важен для передачи политического заявления: «хотя и способствовал усложнению политической коммуникации, он не увеличил число людей, на которых влияли политические сообщения. Массы населения продолжали получать информацию через слуховые и визуальные средства массовой информации»[98]. Дойг убежден: в обществе, где большинство людей было неграмотными, прокламации могли быть мощным средством для распространения политической пропаганды. Анализируя текст прокламаций, исследователь подчеркивал, что в большинстве случаев любой пропагандистский призыв содержался в преамбуле, а не в основном тексте. Особое внимание автор обращает

[96] Ellul J. Propaganda; the formation of men's attitudes. New York: Knopf,1965. P. 9.
[97] Doig James A. Political Propaganda and Royal Proclamations in Late Medieval England. Op.cit. P. 253–280.
[98] Ibid. P. 258.

на усилия короны по распространению прокламаций местными чиновниками среди широкой и разнообразной аудитории с максимальной точностью.

Единственной научной работой, в которой речи, произносимые на заседаниях парламента, рассматриваются с точки зрения объекта пропаганды, является статья Р. Бутчера «Пропаганда в подготовленных парламентских речах 1455-1461 гг.»[99]. Р. Бутчер предположил, что парламентские речи – относительно неизученная область пропаганды, возможно, потому что они доходили до ушей лишь немногих. Историк резюмирует: речи записывались дословно или перефразировались в официальных протоколах, парламентских списках, но их истинное воздействие заключалось в самом устном выступлении. Исследователь проводит аналогию между пропагандой периода династической борьбы и современной (для его времени). Особое внимание исследователь уделяет вопросу о выборе спикеров для произнесения речей и приходит к выводу, что: «тогда, как и сейчас, убедительность [речей] зависела от убедительности оратора и от его слов»[100]. Прежде чем перейти к анализу парламентских речей 1455– 1461гг., Бутчер заостряет внимание на роли парламента в ходе династической борьбы Йорков и Ланкастеров. Историк убежден: парламент считался одним из самых влиятельных и важных институтов в стране. Именно возможность законно лишать власти и легитимизировать ее делала парламент идеальным местом для фракционной мести в 1450-х годах и заключения династических соглашений в 1460 и 1461 годах. Решения, принятые в парламенте, имели силу закона и были неизменными, что убеждало преобладающую фракцию в ее собственном превосходстве.

Проанализировав содержание речей, произнесенных на заседаниях парламента 1455 года, 1459 года, 1460 года и 1461 года, Бутчер резюмировал: «все четыре парламента имели своей конечной целью мир, но различными путями: парламент 1455 года стремился к достижению мира путем примирения, 1459 –

[99] Butcher Russell «Propaganda in the Prepared Parliamentary Speeches of 1455-1461» in The Ricardian, 14, 2004. P. 37–53.
[100] Ibid. P.39.

путем уничтожения, 1460 – путем возмездия и попытки захвата, а 1461 – путем низложения в пользу лучшего короля»[101].

Несмотря на ценность данного труда для нашего исследования, его хронологические рамки ограничиваются лишь началом Войн Роз и не затрагивают все последующие события и созывы парламента. Однако, именно парламент и в последующие ходы династической борьбы являлся не только «активным участником», но и инструментом, который умело использовался королем для укрепления своей власти и подавления оппозиции. Особенно активно использовал парламент в своих целях Эдуард IV, а именно для легитимации своей власти и привлечения сторонников.

Прямое отношение к тематике нашей работы имеет статья «Power, propaganda, and medieval historiography»[102] , выпущенная в 2025 году в «Journal of Medieval History». Данная работа представляет собой анализ взаимосвязи между историческим письмом, властью и политикой в средневековой Европе. В центре данного исследования труд Антонии Грансден «»[103], который рассматривался и нами в рамках характеристики источников. Кьер Ларс сравнивает работу Антинии Грансден с рядом исследований в рамках данной тематики, созданных на рубеже XX-XXIвв. Проанализировав подход ряда историков, автор статьи приходит к выводу, что помимо анализа политического значения исторических текстов, их функций и роли в укреплении или оспаривании власти правящей династии, необходимо серьезно относиться и к самим авторам. По мнению Кьера, мотивация авторов текстов не ограничивалась исключительно прагматикой, а включала в себя желание создавать красивые тексты для обмена с коллегами. Исследователь подчеркивает, что именно такой подход открывает дополнительные возможности для понимания мотивации средневековых авторов и созданных ими текстов.

[101] Ibid. P.41.
[102] Kjær, L. Power, Propaganda, and Medieval Historiography // Journal of Medieval History. Northeastern University, London, UK, 2025. Vol. 4. P. 466-484.
[103] Ibid.468.

Труды, упомянутые в данной группе исследований, несомненно, вносят вклад в идею тезиса, о том, что XV век стал поворотным моментом в английской политической пропаганде и попытках государственной власти в лице короля манипулировать мнением общественности с помощью различных инструментов.

Ряд источников, созданных в эпоху Войн Роз, действительно рассматривались историками с точки зрения наличия элементов пропаганды. Однако работ подобного толка лишь единицы. Основоположником изучения пропаганды как явления в контексте XV столетия, бесспорно, признается Чарльз Росс. Именно он и поставил вопрос о понимании термина пропаганда и возможности его применения для данного периода. Немногочисленные последователи Чарльза Росса брали за основу его идеи, соглашаясь с ним или поправляя его доводы.

Далеко не все виды источников по Войнам Роз, в том числе проанализированные в настоящей диссертации, стали объектом исследования историков с точки зрения их пропагандистского воздействия. К таковым относятся: хроники, письма королей и их сторонников, речи, произнесенные на заседаниях парламентов, созванных после 1461 года.

Таким образом, проанализировав зарубежные и отечественные труды по тематике нашей работы, мы пришли к выводу, что тема Войн Роз в историографии освещена достаточно полно, особенно восстановлен событийный ряд. Однако среди исследователей нет единого мнения по основным проблемным вопросам, таким как: временные рамки конфликта, его причины и сущность, а также влияние на различные сословия общества той эпохи.

Если говорить о степени изученности темы, а именно относительно методов и приемов пропаганды, применяемых в ходе династического конфликта между Йорками и Ланкастерами, мы можем прийти к выводу, что данный аспект исследован очень слабо. Анализ приведенных выше трудов показывает, что научное сообщество еще не заняло однозначной позиции по вопросу относительно возможности использования термина «пропаганда» в контексте XV века. В данном

случае, мы можем полагаться только на историографическую традицию[104]. Не выработана методика работы с текстами источников, имеющих пропагандистскую направленность. Имеющиеся в отечественной и зарубежной науке исследования в рамках данной тематики носят фрагментарный характер и не позволяют сформировать целостную теоретическую базу.

Существует ряд неясных моментов и пробелов, которые требуют пристального внимания и дальнейших исследований.

В отечественной исторической науке до сих пор не уделялось должного внимания изучению пропагандистской составляющей источников, отражающих события Войн Роз, таких как хроники, официальные прокламации, личная переписка и обращения к парламенту. Это означает, что мы мало знаем о том, как эти тексты использовались участниками династического конфликта для формирования общественного мнения и продвижения определенных идей.

В то же время, работы зарубежные ученых, хотя и затрагивают эти вопросы, но не предлагают анализа самих текстов, ограничиваясь лишь общими выводами[105]. Либо хронологические рамки исследований достаточно узкие. Например, в единственном труде, освещающем тему элементов пропаганды в парламентских речах, рассматриваются парламенты 1455- 1461гг, остальные парламенты с точки зрения данного вопроса остаются вне поле зрения автора[106]. Вышеперечисленные лакуны открывают новые перспективы для дальнейших исследований.

Объектом исследования выступает пропаганда в эпоху Войн Роз, отраженная в исторических источниках данного периода: хрониках, королевских

[104] Ross, Charles. Rumour, Propaganda and Popular Opinion During the Wars of the Roses in Ralph Griffiths. P.17. Allan, A. Royal Propaganda and the Proclamations of Edward IV P.146. Gaunt, Sarah K. English Political Propaganda, 1377–1485. P. 28.
[105] Richmond, C. Propaganda in the Wars of the Roses.Op.cit.
[106] Butcher, R. Propaganda in the Prepared Parliamentary Speeches of 1455–1461.Op.cit.

прокламациях, письмах королей и их сторонников, актах, петициях к парламенту и речах, произнесенных на его заседаниях.

Предметом исследования является язык пропаганды, методы и формы контрпропаганды**,** а также порождаемые ей идеи и образы.

Цель исследования – определение места, роли пропаганды, и способов ее проявления в период династической борьбы эпохи Войн Роз.

Для решения поставленной цели выдвигаются следующие **задачи**:

1. Определить место и цели пропаганды как исторического явления применительно к периоду династической борьбы эпохи Войн Роз;
2. Выяснить цели и роль применения королевских прокламаций в качестве официальной пропаганды в династической борьбе эпохи Войн Роз;
3. Исследовать цели, особенности и язык пропаганды в эпистолярных источниках: письмах королей и их сторонников – непосредственных участников династического конфликта;
4. Выявить роль и место использования речей и петиций, произнесенных на заседаниях английского парламента, в качестве легитимизации своих действий противоборствующими династиями Йорков и Ланкастеров;
5. Оценить репрезентацию событий династического конфликта и изображение ключевых участников Войн Роз в хрониках современников того времени (Анонима, Уоркуорта, Грегори и Бейла) с точки зрения пропаганды, определив какие приемы использовались авторами для легитимации и дискредитации противоборствующих сторон.

Необходимо отметить, что периодизация Войн Роз до сих пор вызывает дискуссии среди историков[107]. **Хронологические рамки** настоящего исследования соответствуют периоду, отраженному в тексте источников с 1452 г. по август 1485г.

[107] Goodman A. The Wars of the Roses: Military Activity and English Society… P. 12.; Браун, Е.Д. Войны Роз. История. Мифология. Историография…С7.; Кузнецов Е.В. Борьба магнатских партий в Англии в 50-х гг. XV в. Политическая программа Йоркской партии Указ. Соч. С. 123.

Нижняя хронологическая граница определяется письмом Ричарда герцога Йоркского жителям Шрусбери отправленное во время его похода на Лондон в 1452 году[108].

Верхняя граница определяется письмом Генриха VII своим поданным после битве при Босфорте от 1485 года, в котором Генрих сообщает о смерти своего противника Ричарда III. В источнике нет указания конкретной даты, когда это письмо было написано, поэтому мы можем лишь предположить, что письмо было создано после вскоре после завершения битвы при Босфорте 22 августа 1485 года.

Географические рамки включают в себя всю территории Англии второй половины XV века, которую затронули события династического конфликта между Йорками и Ланкастерами.

Характеристика источников. В рамках данного исследования был проанализирован ряд источников, которые могут быть разделены на несколько групп.

К первой группе исторических источников относятся королевские прокламации, являющиеся официальными источниками по Войнам Роз. Calendar of the Close Rolls (CCR)[109], представляют собой документы (свитки или грамоты), выходившие из стен канцелярии короля и казначейства, скрепленные королевской печатью.

Calendar of the Close Rolls (CCR) были названы так, потому что эти документы, будучи сравнительно частными по своему характеру и адресованными конкретным лицам, были сложены в виде небольших свитков, по-видимому, закрепленных узкой полоской пергамента с печатью[110]. Ценность данного источника состоит в том Свитки содержат записи самого разнообразного характера, иллюстрирующие историю различных отраслей государственного управления.

[108] Original letters, illustrative of English history : including numerous royal letters : from autographs in the British Museum, the state paper office, and 1 or 2 other collection / with notes and illustration by Sir Henry Ellis. : Richard Bentley. 1866. Volume 1. P.124

[109] Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office. Vol. 6 (1454–1461). London, 1947. 590 p. Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office. Edward IV. Vol. 2 (1468–1476). London, 1953. 664 p.

[110] Alison Allan. Royal Propaganda. P. 174.

Следует различать прокламации по содержанию: те, которые транслировали статуты парламента и послания короля. Calendar of the Close Rolls также содержат копии огромного количества актов, соглашений и наград частных лиц, которые были выставлены в канцелярии для регистрации[111].

Хронологические рамки нашего исследования охватывают 3 тома Calendar of the Close Rolls: том VI – 1454–1461 годы[112], том II –1468–1476[113], 1476-1485гг[114]. Российские историки лишь упоминали прокламации в качестве источников о событиях Войн Роз в своих трудах: Праздников А.Г.[115],Браун Е.Д.[116], но не рассматривали их подробно, в том числе с точки зрения пропаганды.

Вторую группу источников составляют письма королей и их приближенных – непосредственных участников династической борьбы.

Письма королей и их сторонников, в отличие от архивов писем дворянских семей Пастонов, Стоноров и Пламптонов, проанализированных Е.Д. Браун с точки зрения отношения представителей джентри к событиям Войн Роз, практически не освещены не только в отечественной, но и в британской историографии. Краткий обзор писем XV века содержится в сборнике «English Historical Literature. in the Fifteenth Century»[117]. В трудах отечественных исследователей письма королей – участников Войн Роз не стали объектом изучения, в некоторых работах они упоминаются лишь в качестве источников[118].

Одно из собраний Королевских писем «Письма королей Англии, впервые собранные из Королевских архивов, и других достоверных источников, как частных, так и публичных: отредактированные, с историческим введением и примечаниями Джеймса Орчарда Холливелла» было опубликовано в 1848 году

[111] Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office. Vol. 1. Edward I 1272—1279. London, 1900. 808 p.
[112] Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office. Vol. 6 (1454–1461). London, 1947. 664 p.
[113] Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office. Edward IV. Vol. 2 (1468–1476). London, 1953. 590 p.
[114] Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office. Edward IV. Edward V and Richard III (1476–1483). London, 1954. 576 p.
[115] Праздников А. Г. Люди войн Алой и Белой Розы. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века. СПб.: Евразия, 2023. 560 с.
[116] Браун Е.Д. Войны Роз. История. Мифология. Историография. СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с.;
[117] Kingsford, M. A English Historical Literature in the Fifteenth Century. – New-York: B. Franklin, 1963. – 429 p.
[118] Праздников А. Г. Состав и модели поведения. Указ соч. С. 73

британским издателем Генри Колберном[119]. Эта работа состоит из двух томов и представляет собой подборку писем королей Англии, начиная с Ричарда I и заканчивая Карлом I. Письма позволяют пролить свет на характеры адресатов и их взаимодействие с другими ключевыми фигурами средневековой Англии. По интересующему нас периоду в первом томе вышеупомянутого сборника содержится более пятидесяти писем английский монархов, включая письма королей периода Войн Роз: Генриха VI, Эдуарда IV, Ричарда III, Генриха VII.

Во введении, к сожалению, нет информации о самом авторе данной публикации, однако им объяснена цель создания этого собрания писем: «сделать популярным исследование, которое до сих пор из-за технических предрассудков оставалось почти закрытой наукой»[120]. Автор отмечает, что данное собрание создавалось для широкой аудитории читателей, в том числе, не обладающей знаниями среднеанглийского языка (на котором говорили и писали до конца XV века), латыни и иных иностранных языков. Поэтому орфография была приведена в соответствие с современным употреблением (для XIX века). В связи с этим, если оригинал письма был найден на латыни, французском, англо-нормандском или любом другом иностранном языке, то он был переведен на английский «никоим образом, не нарушая целостности истории или самих рукописей»[121].

Несколько королевских писем, относящихся к хронологическим рамкам нашего исследования, содержится в собрании сэра Генри Эллиса: «Оригинальные письма, иллюстрирующие английскую историю»[122]. Генри Эллис являлся библиотекарем и антикваром, занимал должность главного библиотекаря Британского музея. Пользуясь должностью главы отдела рукописей, он подготовил и выпустил данный сборник в трех сериях в 1824г., 1827г. и 1846г. на основе рукописей из коллекций Британского музея и Государственного архива.

[119] Letters of the Kings of England. Vol.1 / Ed. J.C. Halliwell. L., 1848. p.501.
[120] Ibid. P. 21.
[121] Ibid.P.22.
[122] Original letters, illustrative of English history : Vol. 1 : including numerous royal letters : from autographs in the British Museum, the state paper office, and 1 or 2 other collection / with notes and illustration by Sir Henry Ellis. - Richard Bentley, 1866. 381 c.

Третью группу источников представляют документы, фиксирующие использование пропагандистских инструментов в парламентских речах и петициях, адресованных данному органу власти.

Речи и петиции были опубликованы в сборнике «Rotuli parliamentorum; ut et petitiones, et placita in parliamento» (далее RP) [123] под редакцией Джона Стрейчи и Ричарда Блейка. В составе сборника 6 томов, содержание которых охватывает правление монархов от Эдуарда I до Генриха VII, а именно 1278–1503гг. (списки заканчиваются в начале 1504 года, потому что Генрих VII не созывал парламент в течение последних 5 лет своего правления). До 1483 года эта серия регистрирует парламентские разбирательства (петиции, законопроекты и ответы, как публичные, так и частные), которые легли в основу актов парламента, но в нем редко встречаются сами статуты. Сборник «Rotuli Parliamentorum» 1766-1767 г. стал первой масштабной попыткой систематизировать и опубликовать парламентские протоколы. В 1832 году к данному сборнику был выпущен указатель. При транскрипции сохранялись языки оригиналов — преимущественно латынь и англо-нормандский, французский. В сборник вошли общественные петиции, законопроекты и постановления, имеющие центральное значение для законодательной деятельности, а также отдельные частные петиции.

Хронологическим рамкам нашего исследования соответствуют V[124] и VI[125] тома RP. Более полное и переписанное со средневекового английского языка издание опубликовано в 2005 году под названием: Парламентские списки средневековой Англии 1275–1504 гг.[126], однако в электронном формате оно не доступно.

[123] Rotuli Parliamentorum ut et petitiones, et placita in Parliamento tempore Edwardi RI ad finem Henrici R. VII. London: Goldsmith Kress Library of Economic Literature, Research Publications, 1767. Vol. V– VI.
[124] Rotuli Parliamentorum ut et petitiones, et placita in Parliamento tempore Edwardi RI ad finem Henrici R. VII, Goldsmith-Kress Library of Economic Literature/Research Publications, 1767. Vol. V.651p.
[125] Rotuli Parliamentorum ut et petitiones, et placita in Parliamento tempore Edwardi RI ad finem Henrici R. VII. – London: Goldsmith Kress Library of Economic Literature, Research Publications, 1767. Vol. VI. 576p.
[126]The Parliament rolls of medieval England, 1275-1504 / ed. Chris Given-Wilson. – Woodbridge : Boydell press ; London : Nat. arch., 2005. Vol. X– XV.

Источниковедческий обзор завершают хроники, созданные современниками Войн Роз.

Хроника Грегори[127] и Хроника Бейла[128] были опубликованы в сборниках Чарльза Кингсфорда [129]и Ральфа Фленли[130]. Примечательно, что данные издания содержат не только публикацию текстов хроник с примечаниями, но и вступительную часть, в которой авторы издания предоставили свой анализ данных хроник с точки зрения определения авторства, времени и места появления.

В хронике Грегори автором были описаны события, охватывающие период с 1189 г. до времени его мэрства, т.е. до 1451 года. Автором первой части хроники практически единогласно исследователи называют Уильяма Грегори. Вторая часть, в данном отношении, вызывает трудности. Данный источник сохранился в единственной рукописи из собрания Британской библиотеки, которую историки окрестили Хроникой Грегори. Во введении к изданию рукописи специалист по истории XV века Джеймс Гарднер указывает, что «автором хроники был некий Грегори Скиннер (имеется в виду Уильям Грегори из компании Скиннеров), который был мэром Лондона в 1451 году»[131]. Вторая часть произведения написана анонимным продолжателем Уильяма Грегори и доведена до 1469 года. Вопрос об анонимном продолжателе автора был затронут Дж. Томпсоном в статье «Продолжение "Хроники Грегори": возможный автор?»[132]. Историк считал, что создатель хроники должен был быть со «связями в Лондоне и гордостью города» [133].

[127] Chronicle of London by William Gregory, scinner / ed. by James Gairdner // The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century. London: Printed for the Camden Society, 1876. P. 55–239.
[128] Bale's Chronicle. Six town chronicles of England, ed. by Ralph Flenley. Oxford: Clarendon Press, 1911. 216 p.
[129] Kingsford, C. Chronicles of London. – Oxford: Clarendon Press, 1905. 368 p.
[130] Bale's Chronicle. Six town chronicles of England. P.11.
[131] Gairdner James. Gregory, William // Dictionary of National Biography. London: Smith, Elder & Co, 1890. Vol. 23. P. 103–104.
[132] Thomson J. The Continuation of «Gregory's Chronicle»: A Possible Author? // The British Museum Quarterly. London, 1972. Vol. 36. P. 92–97.
[133] Ibid.P.93.

Рукопись другой лондонской хроники была найдена в библиотеке Тринити–колледжа в Дублине и идентифицирована как общая книга Роберта Бейла. Она была составлена на английском и латыни и представляла собой том, состоящий из 153 листов пергамента размером девять на пять дюймов. Текст написан «одним очень четким, хотя и мелким почерком, за исключением текста последних лет хроники, который менее аккуратен. Судя по его содержанию, предположительно составлен в Лондоне»[134].

Заключительная часть хроники Роберта Бейла (за 1437–1460 гг.) была издана с комментариями в переводе со среднеанглийского и латыни на современный английский в 1911 году профессором истории Оксфордского университета Ральфом Фленли и включена в сборник «Шесть городских хроник Англии»[135]. Во введении к хронике Бейла Фленли указывает, что ему удалось установить следующее: в середине XVI столетия манускрипт оказался в Ирландии, в собрании епископа Оссори, вследствие чего стал недоступным для английских историков эпохи Тюдоров, только Холиншеду удалось воспользовался поздней копией рукописи[136]. Полное научное издание латинского оригинала хроники и других сочинений Бейла до сих пор не осуществлено. Британский историк Чарльз Летбридж Кингсфорд отождествил Р. Бейла с городским писарем Джоном Бейлом[137].

В статье Мэри К. Эрлер «Библиотека Гилдхолла, Роберт Бейл и написание истории Лондона» произведена попытка исправить некоторые ошибки в биографии Р. Бейла, а также определить влияние его рукописи на другие лондонские хроники[138].

К сожалению, упомянутые выше историки были зациклены на вопросе об авторстве хроник, а не многоаспектном анализе их содержания. Хроника Бейла и

[134]Flenley R Six town chronicles of England. Oxford, Clarendon Press, 1911. P.67–68.
[135] Bale's Chronicle. Six town chronicles of England. 216 p.
[136] Ibid.P.23.
[137] Kingsford C. Robert Bale, the London Chronicler // The English Historical Review. Oxford University Press, 1916. Vol. 31. № 121. P.128—137.
[138] Erler M. The Guildhall Library, Robert Bale and the writing of London history, Historical Research, vol. 89. 2016. P. 70.

хроника Грегори вовсе не изучались с точки зрения особенностей изображения событий, представленных хронистами (представителями образованной интеллигенции Лондона) и наличия элементов пропаганды.

The History of the Arrival of King Edward IV in England and the Finall Recoverie of his Kingdoms from Henry VI («История прибытия короля Эдуарда IV») входит в сборник под названием «Белая роза Йорка» и описывает период с марта 1471 года по май 1472 года [139].

Эта хроника была написана одним из сторонников Эдуарда IV вскоре после событий 1471 г., которым она и посвящена. Мы предполагаем, что автор, возможно, входил в состав слуг близких к королевскому двору, ибо имел возможность наблюдать за королем во время его похода с целью возвращения престола после реставрации династии Ланкастеров. По этой причине в хронике должна быть ясно отражена официальная точка зрения на происходящие события. Текст повествования был записан известным английским хронистом XVI века Джоном Стоу. Автор «Прибытия» неизвестен, своего имени в тексте он не называет, но говорит, что был слугой ЭдуардаIV и «в настоящее время видел, по сути, большую часть его подвигов и знал истинное отношение к ним»[140]. По мнению Джона Брюса данная хроника считается наиболее авторитетным источником того периода, в большей степени, чем, например, Кройландские хроники или труды Полидора Вергилия[141].

Утверждение создателя хроники о том, что он лично наблюдал происходящие события или узнал о них от приближенных к нему людей, а также отсутствие ссылок на других хронистов, свидетельствуют о том, что он не использовал каких-либо письменных источников, созданных ранее. Следовательно его позиция относительно прибытия короля Эдуарда IV, отношение к Генриху VI определяются

[139] The History of the Arrival of King Edward IV in England and the Finall Recoverie of his Kingdoms from Henry VI.(1843)// The chronicles «White Rose of York». Harvard College Winder Library Cambrige, 1998. P.35–101.
[140] Bruce John. Historie of the Arrivall of Edward IV in England and the Finall Recouerye of His Kingdoms from Henry VI A. D. M.CCCC.-LXXI. Printed for the Camden society London, 1838.84p.
[141] Ibid. P. 11.

только его принадлежностью к сторонникам династии Йорков, а не влиянием предшественников.

К сожалению, в тексте хроники нет сведений об имени, положении, месте служения, а также любой другой информации, которая позволила бы нам хотя бы что-то узнать о личности автора.

Цель создания хроники – осветить события, отражающие прибытие Эдуарда Йорка в Англию, охарактеризовать его действия по возвращению трона исключительно с положительной стороны и подтвердить законность его притязаний на престол.

Хроника существует в двух версиях с совершенно одинаковой последовательность событий[142]. Наряду с полной официальной есть еще и сокращенная, изначально написанная на французском языке. Эта версия была разослана в знак признательности за гостеприимство жителям Брюгге – города, где Эдуард IV нашел убежище в момент бегства в 1470 году[143]. Вместе с хроникой жителям Брюгге было отправлено письмо, которое подтверждало официальность изложенного[144].

Таким образом, хроника Прибытия была принята как официальная версия изложения событий и считалась полностью йоркистской по своему тону и духу[145]. Данный факт объясняет следующее почему Аноним намеренно пытался избежать моментов, которые бы противоречили общей концепции его повествования, а именно это обстоятельства, которые могли бы показать его покровителя – Эдуарда IV с отрицательной стороны.

Было установлено, что хроника сохранилась в библиотеке Флитвуда, известного лондонского регистратора времен королевы Елизаветы I. Флитвуд составил повествование о реставрации Эдуарда, которое было включено в

[142] Ibid. P.13.
[143] Green R. The Short Version of The Arrival of Edward IV// Speculum. 1981. Vol. 56 (2). P. 326.
[144] Bruce John. Op.cit. P. 13
[145] Ibid.

«Хроники Холиншеда» и названо его автором по имени «У. Флитвуд», что было указано на полях[146].

«История прибытия…» неоднократно издавалась. Впервые она была издана Джоном Брюсом при поддержке Камденского общества Великобритании в 1838 году.

В 1971 году данная хроника была опубликована Ричардом Грином в журнале средневековых исследований: Speculum, издательством Чикагского университета. В 1981 году она была представлена в этом же журнале Э.Томпсоном в сокращенном виде с историографическими пояснениями. В своей работе, мы пользовались изданием 1843 года, которое входит в сборник «Белая роза Йорка», выпущенный в 1998 году[147].

Во введении, составленном Джоном Брюсом – первым издателем хроники 1838 года[148] , содержится краткий анализ отраженных в хронике событий, оговариваются условия, в которых она создавалась. Кроме того, введение содержит историографический обзор, в котором Брюс приводит характеристику источников, отражающих события Войн Роз. Возможно для сравнения сведений, представленных их авторами и самим Анонимом[149]. В данный обзор вошли: Второе продолжение истории Кройленда; Хроника Фабиана; Английская хроника; Anglica Historia Полидора Вергилия и Мемуары Филиппа де Комина. По мнению историографа Дж. Брюса, содержание данных источников впоследствии корректировалось историками в соответствии с установками власти по отношению к историческим событиям[150].

[146] Ibid. P.15.
[147] The History of the Arrival of King Edward IV. Op.cit. P.13.
[148] Bruce John. Op.cit. P.3–15.
[149] Ibid P. 81.
[150]Ibid. P.13.

Ввиду обстоятельств и цели создания данный источник имеет значительный исследовательский потенциал, особенно с точки зрения пропагандистской направленности.

Другим источником нашей работы является «A chronicle of the first thirteen years of the reign of King Edward the Fourth» (Хроника Уоркуорта)[151].

Хроника впервые была опубликована в 1839 г. Джоном Холливелом, который обнаружил ее среди архивов колледжа св. Петра в Кембридже. Рукопись с текстом хроники была подарена архиву Джоном Уоркуортом – магистром колледжа с 1473 года до 1500 год и долгое время считалась единственной. Наряду с первой версией, обнаруженной в архиве в Кембридже, появилась и вторая в архиве в Глазго, которая ранее рассматривалась историками в качестве копии первой рукописи. Первый вариант оставался в колледже до тех пор, пока не был перенесен в библиотеку Кембриджского университета.[152] История нахождения второго варианта вызывает достаточно много вопросов и не совсем ясна. Есть версия, что до XVI в. рукопись находилась в частных архивах жителей Лондона, а затем была приобретена сыном короля Якова I. Далее ее местонахождение было неизвестно до XVIII века. В это время рукопись купил врач и антиквар В. Хантер и привез ее в архив Глазго, где она и была обнаружена.

Авторство источника также вызывает сомнения. Выдвигались предположения о том, что Уоркуорт, возможно, выполнял чей-то заказ или являлся собственником хроники, а затем подарил ее колледжу. Хроника, по мнению Дж. Томсона, в большей степени имеет проланкастерский характер[153]. Дискуссии, связанные с внешней и внутренней критикой источника, требуют дальнейшего ее

[151] Warkworth, J. A Chronicle of the First Thirteen Years of the Reign of King Edward IV / ed. J. A. Halliwell. L., 1839. 79 p.
[152] Сорокина Т.Б. Ревизия хроники Уоркуорта в современной английской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 3. Т. 1. 2017. С. 146.
[153] Thomson J. A. F. Warkworth's Chronicle' Reconsidered // The English Historical Review. Volume 116. Issue 467. Oxford University Press, 2001. P. 657–664.

анализа. Благодаря богатому фактическому материалу хроника Уоркуорта является одним из самых востребованных источников по рассматриваемому нами периоду.

В статье Сорокиной Т.Б. проводится краткая внешняя и внутренняя критика источника, отмечены дискуссионные вопросы по поводу содержания хроники, а также обстоятельств, при которых она была создана[154]. Также историк сравнила сведения, содержащиеся в двух рукописях хроники с другими источниками похожего происхождения периода Войны Роз, среди которых и «История прибытия короля Эдуарда IV». В своих научных изысканиях Сорокина Т.Б. опиралась на исследование Дж. Томсона и пыталась рассмотреть вопрос о происхождении хроники, который вызывал немало сомнений среди историков и вызывает до сих пор.[155]

Лондонские хроники неоднократно становились объектом изучения как в англоязычной, так и в отечественной историографии. Зарубежные историки не только создали обобщающие труды, отражающие основные тенденции историописания, но и предметно проанализировали конкретные источники данной группы, в том числе хроники Бейла и Грегори.

Следует отметить, что английские средневековые хроники традиционно привлекали внимание главным образом британских исследователей. Следовательно, важно также рассмотреть этот аспект, чтобы более полно раскрыть познавательные и исследовательские возможности данного вида нарративных источников.

Двухтомный труд «Историческое письмо в Англии»[156] английского историка–медиевиста Антонии Грансден представляет собой всесторонний критический обзор исторического письма в Англии с середины VI века до начала XVI века. Две главы второго тома посвящены английским и иностранным источникам, освещающим события периода Войн Роз. Автор не только подробно

[154] Сорокина Т.Б. Ревизия хроники Уоркуорта. С. 145–147.
[155] Thomson J. A. Op.cit. P. 657–664.
[156] Gransden A. Historical writing in England, II: c. 1307 to the early sixteenth century. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1982. 644 p.

их анализирует, но и критикует за различные предрассудки, неточности[157]. Грандсен также определяет высокую степень полезности хроник, созданных в период Войн Роз, для современного историка.

Профессор Крис Гивен-Уилсон в своей монографии «Хроники: Написание истории в средневековой Англии» [158]ставит задачи: определить роль хроник в формировании историографической традиции и оценить степень их достоверности. По его мнению, хроники являлись не только сообщениями о фактах, но и были предназначены для того, чтобы «быть учебниками, сообщающими читателю универсальные истины и советы»[159].

В вышеперечисленных работах историки рассматривали изучаемые нами хроники в контексте общей традиции создания исторических источников в Англии XV века, посвящая им лишь отдельные пункты в своих трудах**.**

Фундаментальным трудом является монография «Лондонские хроники пятнадцатого века: Революция в английском письме» Мэри-Роуз Макларен[160], в котором подробно анализируется историографическая традиция изучения лондонских анналов, а также непосредственно текст ряда хроник. В данную группу попали и хроники Бейла, и Грегори. Историк пытается выяснить происхождение данных источников, проследить взаимосвязь между ними и определить характер влияния на аудиторию, но без контекста пропаганды.

Подводя итог обзору источников, резюмируем, что прокламации, письма королей и их сторонников, речи к парламенту, а также хроники, созданные современниками событий, позволяют в различной степени сформировать представление о пропаганде в эпоху Войн Роз, определить цели и направленность данных документов, аудиторию их воздействия, а также выявить язык пропаганды: формы, приемы.

---

[157] Ibid. P. 48–54, 68–71.
[158] Given-Wilson C. Chronicles: The Writing of History in Medieval England. L.; N. Y.: Hambledon and London, 2004. 292 p.
[159] Ibid. P.28.
[160] McLaren, M-R. The London Chronicles of the Fifteenth Century. A revolution in English Writing. – Cambridge: D.S.Brewer, 2002. 294 p.

Методологическую базу нашего исследования составляет совокупность подходов как общенаучного характера, так и специально исторического. Настоящее исследование подчиняется базовым принципам: историзма и научной объективности.

Структурно-семантический анализ текста исторических источников, историко-компаративный метод предполагают изучение особенностей стиля отражения событий Войн Роз создателями ряда исторических источников по данному периоду. Также компаративный метод необходим при выявлении сходств и различий в приемах пропаганды, используемых современниками событий для воздействия на общественное мнение. На основе историко-типологического метода выделяются модели Йоркской и Ланкастерской пропаганды в условиях династического конфликта.

В центре исследований «новой» социальной истории находятся отношения человека с обществом применительно к прошлому. Методы, используемые в рамках данного направления, позволяют рассматривать исторический источники по Войнам Роз и содержащиеся в них элементы пропаганды с точки зрения непосредственно участников и современников тех событий, изучить ментальность и обыденное сознание адресатов сообщений, возможность получения и понимания ими различных видов источников, символические системы эпохи.

При работе с материалом применяется контент-анализ, который помогает выделить ключевые темы, которые легли в основу применения пропаганды, а также определить как они связаны между собой, частоту и контекст их употребления в изучаемых нами источниках.

В использовании методов, перечисленных выше, проявляется междисциплинарный характер исследования на пересечении истории и других гуманитарных дисциплин.

Область исследования соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности, утвержденного ВАК РФ: 5.6.2. Всеобщая история; направления исследований: 3. История Средних веков (история Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы, история Византии, история славян, история Средневекового Востока); 18. Человек в истории (весь комплекс культурно-антропологической проблематики, в том числе история ментальности, история повседневности, историческая имагология и т.п.); 20. История общественной мысли. Интеллектуальная история.

Научная новизна темы определяется следующими аспектами:

Во-первых, в отечественной историографии пока нет работ, посвященных исследованию пропаганды в эпоху Войн Роз. Англоязычные авторы не занимались анализом рассматриваемых нами источников с точки зрения пропаганды

Во-вторых, в нашем исследовании мы анализировали источники, которые ранее не рассматривались в отечественной историографии с точки зрения их агитационной направленности в эпоху Войн Роз. Это королевские прокламации, письма королей и их сторонников, речи спикеров парламента, фрагменты «Хроники Грегори», хроника Уоркуорта, хроника «Роберта Бейла», часть хроники «Прибытия короля Эдуарда IV в Англию»;

В-третьих, до сих пор проблема применения термина «пропаганда» в рамках событий XV века и отражении данного явления в источниках периода Войн Роз является дискуссионной; не разработана методологическая база изучения пропаганды как инструмента воздействия на общественное мнение в XV веке.

Теоретическая значимость исследования обусловлена расширением предметного поля изучения Войн Роз с точки зрения пропаганды. Введение в научный оборот ряда исторических источников, отражающих события династической борьбы второй половины XV века с точки зрения пропагандистской направленности.

Впервые в отечественной науке комплексно анализируются данные источники в целом, а также с точки зрения пропагандистской направленности.

Нами предпринимается попытка определить методы пропаганды, которые встречаются в вышеуказанных источниках, при том, что методологическая база по данной проблеме отсутствует.

Практическая значимость состоит в том, что результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при изучении истории Позднего Средневековья, истории пропаганды и разработке учебных курсов в рамках данной тематики.

Положения, выносимые на защиту:

– установлено, что эпоха Войн Роз стала временем активного использования пропаганды в условиях династической борьбы. Данное явление нашло отражение в королевских прокламациях, речах, адресованных парламенту, а также источниках личного происхождения (хрониках, письмах королей и их сторонников).

– выявлено, что именно королевские прокламации являлись наиболее эффективным методом официальной пропаганды для восприятия всеми слоями населения и играли ключевую роль в формировании общественного мнения и мобилизации населения, так как охватывали даже неграмотные слои, благодаря специальному порядку оглашения текста перед народом.

- отмечено, что Генрих VI слабо использовал прокламации, как способ влияния на общественное мнение с целью обретения поддержки для своей власти. А прокламации, изданные Эдуардом IV, напротив, были насыщены различными убедительными фрагментами пропаганды, показывающими представителей противоборствующей династии Ланкастеров исключительно с отрицательной стороны. Определено, что Эдуард IV принимал меры для того, чтобы его воля, выраженная в прокламациях, была доведена до сведения его подданных без искажений. Вследствие чего, в приказах, рассылаемых по городам и графствам, содержались четкие инструкции по публикации данных документов и действиях по отношению к прокламациям противников.

– показано, как короли и их ближайшее окружение в своих письмах воздействовали на мнение общества в пользу правящей династии, а также стремились получить

денежную, военную или дипломатическую помощь от союзников. Особенностью писем как типа источников является намеренное опущение адресатами важных сведений, вместо которых делалась ссылка на устные сообщения доверенных лиц. Выявлено, что авторы писем стремились не только привлечь как можно больше сторонников для себя или своего покровителя, показать праведность своих действий и добиться помощи у влиятельных людей, но и выставить представителей противоборствующей династии в самом невыгодном свете.

– прослежена динамика использования пропаганды в парламентских речах, произнесенных на заседаниях парламента, либо оформленных в виде петиций, с помощью которых каждая из противоборствующих сторон в ходе династической борьбы пыталась убедить членов парламента в необходимости поддержки именно своей позиции.

– установлено, что формы и характер пропаганды в хрониках, составленных современниками событий Войн Роз зависели от индивидуальной позиции хронистов по отношению к ходу конфликта и их социального положения. Так, представители лондонской интеллигенции Грегори и Бейл напрямую не указывали на свою поддержку династии Йорков, однако они в целом положительно оценивали политику Эдуарда IV. Хронисты, используя косвенные пропагандистские приемы, выражали восхищение личностными качествами Эдуарда IV, замалчивали факты, не соответствующие его положительному образу; напротив, концентрировались на действиях или бездействиях Генриха VI, характеризующих его как «неспособного» правителя.

– выявлена явная пропагандистская направленность хроники Анонимного автора, фактически представлявшего официальную точку зрения на возвращение Эдуарда IV в Англию летом 1471 года. Определены методы пропаганды, с помощью которых автор хроники стремился сформировать у современников образ Эдуарда IV как законного и справедливого монарха, а его противников – как узурпаторов.

– отмечено, что наименьшее количество пропагандистских приемов было использовано в своей хронике Джоном Уоркуортом – магистром колледжа св. Петра

в Кембридже. Автор как академический преподаватель, в основном, основывался на уже имеющихся источниках и старался сохранять нейтральную позицию, не комментируя описываемые им события и не обозначая свою приверженность к противоборствующим династиям.

–установлено, что представители дома Йорков, особенно Эдуард IV, отличались большей инициативой и энергичностью в проведении пропаганды. Акцент пропаганды Йорков был сделан на чувствах справедливости и патриотизма подданных, в первую очередь на незаконности власти династии Ланкастеров, а также некомпетентности и злоупотреблениями их сподвижников. Напротив, король Генрих VI из династии Ланкастеров не использовал пропаганду так активно, как это делали его противники, ввиду определенных личностных качеств.

–показано, что в эпоху Войн Роз обе враждующие партии с различной интенсивностью прибегали к разнообразным приемам агитационной пропаганды, включая повтор, гиперболизацию (преувеличение) в различном контексте и стремились создать положительные образы своих сторонников и негативные образы своих оппонентов.

Цель и задачи определяют **структуру** исследования. Работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка исторических источников и литературы. Главы расположены по принципу степени пропагандистского воздействия документов, на различные слои населения. В первой главе мы обращаемся к документам, которые изначально создавались, чтобы напрямую воздействовать на адресатов. В отличие от хроник, которые, в первую очередь, транслировали происходящие события и имели меньшую аудиторию. Речь идет о документах центральных органов власти Англии, включая королевские прокламации, письма монархов и парламентские выступления. В рамках данной главы мы стремились выяснить и показать, как участники событий целенаправленно формировали выгодную им картину произошедшего с помощью указанных выше источников.

Во второй главе рассматриваются конкретные случаи пропагандистских элементов, формировавших определенное видение произошедшего, которые содержались в хрониках, созданных непосредственно в течение или сразу после завершения династического противостояния между домами Йорков и Ланкастеров. Параграфы главы расположены по хронологическому принципу, а именно времени создания хроник и событий, нашедших в них отражение.

В конце каждой главы приводятся выводы в соответствии с задачами нашей работы.

В заключении подводятся итоги проделанной работы, формулируются основные выводы.

ГЛАВА 1

ПРОПАГАНДА В ДОКУМЕНТАХ ОРГАНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ (КОРОЛЕВСКИЕ ПРОКЛАМАЦИИ, ПИСЬМА КОРОЛЕЙ И ИХ СТОРОННИКОВ, РЕЧИ К ПАРЛАМЕНТУ)

Документы центральных органов власти Англии, включая королевские прокламации, письма монархов и их сподвижников, а также парламентские выступления играли важную роль в формировании мировоззрения и моделей поведения подданных в соответствии с интересами правящих кругов. Эти формы коммуникации использовались не только для информирования народа о решениях властей и ходе событий, но и для продвижения определенных ценностей, убеждений и установок с помощью элементов пропаганды.

Данные источники объединены в одну главу на основании того, что они были созданы центральными органами власти: королями, их сподвижниками, входящими в правительство, парламентом – законодательной властью.

1.1. Прокламации как средство пропаганды в период династической борьбы второй половины XV века

Прокламации – опубликованные обращения к народу. Издавались прокламации, как правило, королем (королевой) по самым актуальным вопросам социальной, экономической или политической жизни государства, подтверждали или аннулировали действие какого- либо акта или парламентского статута[161].

К XV веку прокламации стали важной частью общественно-политической жизни Англии и применялись еще до событий Войн Роз. Например, довольно частые прокламации помогали подданным Генриха V в Англии судить о ходе его французских кампаний и в основном были посвящены событиям Столетней войны 1337-1453гг.[162].

[161] Чернова Л. Н. Королевские хартии и прокламация Лондону (XVI в.) / Пер. с англ. и коммент. Е. В. Двойниной и Л. Н. Черновой // Средневековый город. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. Вып. 18. С. 240–251.

[162] Doig James A. Political Propaganda and Royal Proclamations in Late Medieval England. Op. cit. P. 255.

Также в качестве примера можно привести прокламацию, которая была принята в 1436 году и адресована шерифам Лондона. В ней были обозначены наказания за распространение ложных сведений «приказать по прибытии издать прокламацию от имени короля, запрещающую любому человеку любого состояния или положения под страхом конфискации и тюремного заключения выдумывать, рассказывать или публиковать ложные слухи или тайно или открыто писать, подготавливать, подделывать или выбрасывать любые буллы, письма или другие нечестивые, ложные или мятежные писания во вред королю»[163]. Таким образом, еще до событий династической борьбы между Йорками и Ланкастерами была выявлена важность контроля над распространением прокламаций и предупреждения возможных негативных последствий неконтролируемого распространения слухов и поддельных документов.

Постоянная система передачи информации курьерами и посыльными позволяла короне оперативно получать сведения обо всех значимых событиях внутри государства, а в периоды военных действий представители двора регулярно направлялись за пределы страны[164]. Так, в истории Прибытия Эдуарда IV, рассказывающей о том, как Эдуард IV вернул себе трон в 1471 году, подчеркивается, насколько эффективно функционировал такой механизм коммуникации. Автор описывает, как король получал «ежедневные послания от лордов в Лондоне, как этот бастард из Фоконберга (Томас Невилл) собрал великих людей»[165]. Данная деталь свидетельствует о важности оперативной доставки информации королю для руководства страной в кризисные моменты.

Прежде чем детально рассматривать проявления, язык и методы пропаганды в прокламациях, необходимо кратко обозначить в каких исторических источниках содержались данные документы. Речь идет о Calendar of the Close Rolls (Закрытые

[163] Order upon sight to cause proclamation to be made, on the king's behalf forbidding any man of whatsoever estate or condition under pain of forfeiture and imprisonment to invent, tell or publish false rumours, or secretly or openly to write, set, fix up or cast forth any bulls, letters or other nefarious, false or seditious writings to the prejudice of the king. CCR,1435-1441. Op. cit. P. 60.
[164] Doig, James. A. Political Propaganda and Royal Proclamations in Late Medieval England. Op. cit. P.256.
[165] The History of the Arrival. Op. cit. P. 33.

свитки) – документы канцелярии и казначейства (свитки или грамоты), скрепленными печатью короля[166].

В настоящем параграфе речь пойдет именно о посланиях короля.

До середины XV века большая часть официальных объявлений издавалась на латинском языке, что вынуждало представителей государственного аппарата привлекать клерков для перевода прокламаций на разговорный английский, доступный населению. Именно эти документы и были наиболее яркой формой воздействия на общественное мнение.

Прокламации рассылались по городам, провозглашались глашатаями, нанятыми городскими властями на рыночных площадях, ярмарках, общественных мероприятиях, а также выставлялись на всеобщее обозрение путем размещения в многолюдных местах[167]. Такой порядок распространения прокламаций свидетельствует о крайней необходимости доведения содержания этих документов до максимально возможного количества людей. Власти хотели, чтобы подданные знали, что происходит в стране, и, как заметил Колин Ричмонд, «английское политическое сообщество пятнадцатого века было маленьким миром»[168].

В чрезвычайных ситуациях текст прокламаций провозглашался лично высокопоставленными королевскими или другими должностными лицами[169], для того чтобы точно передать содержание документа и показать важность его содержания.

Королевские прокламации, основанные на парламентском законодательстве и зафиксированные в правительственных источниках, были часто краткими и зависели от непосредственного контекста. Именно эти краткие тексты и были более актуальны и понятны для слушателей, нежели подробные прокламации законов[170].

Король, несомненно, принимал собственные меры для того, чтобы его воля, выраженная в прокламациях, была доведена до сведения его подданных без

[166] British History Online : digital archive. URL: https://www.british-history.ac.uk/ (дата обращения: 12.03.2024).
[167] Allan A. Royal Propaganda. Op. cit. P. 142.
[168] Richmond C. Hand and Mouth. Op. cit. P. 174.
[169] Allan A. Royal Propaganda. Op. cit. P. 147.
[170] Doig James. A. Political Propaganda and Royal Proclamations in Late Medieval England. Op. cit. P.253.

искажений. Вследствие чего, в приказах, рассылаемых по городам и графствам, содержались четкие инструкции по публикации данных документов[171]. Иногда местом для оглашения прокламаций был окружной суд. Чаще указывался более широкий круг мест, или это оставалось на усмотрение получателя[172]. К XV веку выездные заседания стали все более распространенными местами провозглашения прокламаций, возможно, заменив окружные суды[173].

Городская площадь или рынок, безусловно, были еще одним основным местом для провозглашения прокламаций, и, действительно, пространственные аспекты таких мест важны[174]. Рынки были местом, где присутствовали приезжие гости, а также большое количество горожан.

Частота, срочность и территория распространения прокламаций зависели, вероятно, от их содержания. В условиях политической борьбы и необходимости получения поддержки среди населения, либо для сбора войска, правителям было необходимо донести информацию до наибольшего количества людей, поэтому распространение прокламаций – фактически самый простой способ доведения воли короля большинству его подданных. Местные власти также использовали их для распространения официальной информации[175].

Королевские прокламации охватывали самые разные темы: объявление перемирия, объявление войны, военные экспедиции, торговые правила, налоги, нарушение мира, королевское помилование. Содержание прокламаций затрагивало интересы различных слоев населения. с 1461 по 1485 год из 52 прокламаций, не менее 24 были связаны с объявлением перемирий и союзов, 4 – чеканкой монет, 8 – обвинениями в мятеже, 3 – незаконными играми[176].

Так, например, после беспорядков и бунтов, причастные к ним с нетерпением ждали объявления карательных мер или обещания королевского помилования.

[171] Ibid. P.150.
[172] Allan A. Royal Propaganda. Op. cit. P. 146.
[173] Ibid. P. 147.
[174] Gaunt Sarah K. English Political Propaganda, 1377–1485. Op. cit. P.134.
[175] Doig James. A. Political Propaganda and Royal Proclamations in Late Medieval England.P.256.
[176] Rowland D. The Publication and Reception of Local and Parliamentary Legislation in England, 1422– c.1485. London: University of London, 2017. P.70.

Иногда в прокламации предлагалось вознаграждение за содействие в поимке преступников или противников короля. В 1470 году Эдуард IV пообещал, что тот, кто захватит герцога Кларенса или графа Уорвика, получит награду для себя или своих наследников[177]. Данное обещание транслировалось через прокламации.

В качестве источника новостей как о внутренних, так и о внешних делах, прокламации представляли огромную важность[178].

Также серьезной проблемой для государства в решающие моменты династической борьбы было распространение антиправительственных посланий.

Распространение подстрекательских посланий затронуло правительство Ланкастеров, и 14 апреля 1450 года были изданы прокламации со следующим содержанием: «Шерифам Лондона и Миддлсекса. Прикажите на свой страх и риск сделать прокламацию, запрещающую любому человеку читать, произносить, публиковать, доставлять или показывать, копировать или передавать любому человеку тайно или открыто любую подстрекательскую информацию. Любая позорная клевета, которая попала в его руки должна быть немедленно сожжена или разорвана»[179]. Также данная прокламация определяла роль короля в борьбе с подстрекательством: «король обязан оказывать особое сопротивление тем, кто может вызвать смуту внутри королевства, нарушить мир или нанести ущерб справедливой славе его подданных, и воля короля состоит в том, чтобы противостоять их злобе»[180]. Наиболее важной частью этого документа является представление о том, что на короле лежит особая ответственность сопротивления мятежам. Данное свидетельство затрагивает не только короля, но и его подданых, чья репутация пострадала от воздействия пропаганды. В тексте источника сказано:

---

[177] CCR. Op.cit.1468–1476. Op. cit. P.138.

[178]Doig James. A. Political Propaganda and Royal Proclamations in Late Medieval England.P.270.

[179] To the sheriffs of London and Middlesex. Order at their peril after receipt of these presents with all diligence to cause pro-clamation to be made, forbidding any man to read, pronounce, publish, deliver, or shew, copy or cause to be copied or impart to any man secretly or openly any seditious schedule or bill or one subversive of the peace, or any infamous libel which has come to his hands before such proclamation or shall come after, but forthwith to burn or tear it up . CCR 1447-1454. Op. cit. P. 194

[180] As the king is bound specially to resist them who may stir up sedition within the realm , disturb the peace , or injure the fair fame of his subjects... and the king's will is to resist their malice. Ibid. P. 194.

«добрая слава очернена, а справедливая слава пострадала от крамольных сообщений»[181]. Подобные свидетельства являются контрпропагандой, в ходе которой выполнялась цель – убедить слушателей в том, что подстрекательство к мятежу уничтожит не только короля, но и все королевство. В данном случае мы видим применение приема преувеличения. В отрывке также находятся и указания для людей, в чьих руках оказались подобные «крамольные» документы – они были обязаны их уничтожить.

Знать, обиженная новой властью, публиковала свои собственные прокламации. В 1454 году в период первого протектората герцога Йоркского письмо, написанное от имени короля Генриха VI аббату Хьюма, осуждало незаконные и подрывные заявления лорда Эгремонта: «Лорд Эгремонт по своему собственному предположению, без какой-либо власти или силы с нашей стороны, делает различные странные заявления, чтобы расшевелить восстание»[182]. Кроме того, данная цитата отражает цель заявлений, под которыми подразумевались прокламации – расшевелить недовольных властью и спровоцировать их на мятеж.

Вышеприведенные свидетельства говорят о необходимости принятия каких-либо мер правящей династией для снижения угрозы, исходившей от потенциально разрушительных прокламаций, призывавших к бунту.

По мнению Элисона Аллана, Генрих VI активно не использовал прокламации как инструмент пропаганды по сравнению с Эдуардом IV[183]. Несмотря на данный факт, к периоду правления Генриха VI можно отнести несколько прокламаций, носящих пропагандистский характер.

В 1456 году после продолжительного периода беспорядков на западе страны, спровоцированных соперничеством между графом Девоном и Уильямом лордом Бонвиллем, одна из прокламаций была обнародована в Девоне и Сомерсете. Призыв к неукоснительному повиновению закону занимает центральное место в

[181] good reputation is tarnished, and just reputation is damaged by seditious reports. Ibid. P. 198.
[182] Lord Egremont, on his own authority, without any power or force on our part, makes various strange statements to stir up rebellion. CCR. 1454–1461. Op. cit. P.150.
[183] Allan A. Royal Propaganda. Op. cit. P. 174.

данной прокламации. Чтобы достичь законопослушного поведения подданных и остановить распространение собраний недовольных властью, в прокламации были преувеличены негативные последствия неподчинения своему суверену, а именно указано что «если королевский мир и порядок будут нарушены, это приведет к разрушению этой земли и оставаться на ней будет опасно»[184].

Прокламации представляли собой важный инструмент связи королевского двора с различными слоями общества. Целевая аудитория этих обращений включала широкий спектр социальных групп: от местных чиновников и судей до простого народа, горожан и даже сельских жителей, приезжавших на рынки[185]. Важнейшей задачей было обеспечение понимания содержащихся в прокламациях инструкций и распоряжений всеми категориями населения.

Переход с латыни на английский язык, осуществленный правительством Генриха VI в 1450 году, имел огромное значение. Латинский язык традиционно использовался в официальных документах, но его понимание ограничивалось преимущественно узким кругом образованного духовенства и знати. Использование английского языка позволяло сделать содержание прокламаций доступным и понятным широкой публике, включая безграмотные слои населения.

Этот шаг свидетельствовал о стремлении властей укрепить связь с обществом и обеспечить эффективное выполнение своих распоряжений. Язык прокламаций становился инструментом контроля и интеграции для преодоления барьеров коммуникации. Переход на английский означал признание реальной ситуации и стремление повысить эффективность взаимодействия с подданными, обеспечивая таким образом соблюдение государственных норм и предписаний.

Кто должен был осуществлять перевод документов? Из труда Джона Уотса мы узнаем, что за некоторыми исключениями, указы Генриха VI были отправлены полностью на латыни[186]: то есть их перевод был поручен местной администрации.

---

[184] If the royal peace and order were violated, it would result in the undermining of this land and staying on it would be dangerous. CCR. 1454–1461, Op. cit. P.150.

[185] Doig James. A. Political Propaganda and Royal Proclamations in Late Medieval England. Op. cit. P.268.

[186] Watts John, De Consulatu Stiliconis: Texts and Politics in the Reign of Henry VI. Op. cit. P.254.

Однако, существовала вероятность того, что каждый шериф мог повлиять на смысл содержания посредством перевода. По этой причине в прокламациях использовался английский язык, чтобы содержание находилось под контролем властей и было меньше шансов на искажение толкования документа. Данный факт еще раз подтверждает, что прокламации являлись не только средством коммуникации короля с его поданными, но и выступали в качестве инструмента политической пропаганды.

Учитывая усилия, предпринятые для доведения прокламаций до общественности, было понятно, что правительство считало их важнейшим средством уведомления подданных о приказах короля, в которых он излагал свою волю.

Порядок распространения прокламаций демонстрирует чрезвычайную важность доведения их содержания до максимального числа людей. Именно благодаря этим документам происходил наиболее эффективный процесс воздействия на общественное мнение, с целью формирования представлений населения в интересах той или иной из противоборствующих династий.

Накануне парламента, собравшегося в Ковентри 20 ноября 1459 года, который вошел в историю как «Парламент дьяволов», со стороны ланкастерской пропаганды не было предпринято никаких реальных усилий, чтобы существенно опорочить Йорка, его сторонников и лишить их поддержки. Конкретные преступления сторонников Йорка не обозначены и подробно не описаны, кроме того, что они были «ужасными и гнусными»[187]. Использование подобных прилагательных укрепляет представление о сторонниках Ричарда, как о людях аморальных и жестоких. В парламенте было принято решение помиловать некоторых йоркистов, несмотря на предыдущие обвинения в измене. Такое решение вызвало недовольство среди приверженцев дома Ланкастеров, поскольку оно воспринималось как проявление слабости и уступчивости противнику. Одна из прокламаций включает следующую оценку решений, принятых так называемым

[187] RP. Vol. V. Op. cit. P.348.

«Парламентом дьяволов»: «парламентские слушания в ноябре 1459 года даровали милости лордам-йоркистам, а также возможность предательства и обмана, к которым они прибегали в ответ»[188]. Однако ни один из этих материалов не попал в прокламацию от июня 1460 года. По мнению А. Элисон, «в большинстве случаев, прокламации Генриха VI были лишены воображения в изложении королевских пожеланий и мотивов, предпочитая вместо этого в значительной степени полагаться на приказы и запреты» [189].

Йоркистская оппозиция в отличие от действий сторонников Генриха VI была достаточно активна. «Их кампания 1460–1461 годов, – писал Чарльз Росс, – включала в себя все известные тогда пропагандистские приемы»[190].

Эдуард IV в начале своего правления с помощью опыта Уорика, очевидно, осознавал преимущество общественного мнения. Несомненно, необходимость одобрения населением королевства своего вступления на престол укрепила его убежденность в важности популяризации своей персоны.

Таким образом, в марте 1461 года Эдуард IV не только позаботился о том, чтобы подданные знали о его праве на престол, но и о том, чтобы свержение Генриха VI было помещено в контекст более чем десятилетия провалов правительства Ланкастеров и недовольства народа. Эдуарду было необходимо обосновать легальность своей власти, а также показать несостоятельность Генриха VI как правителя и даже незаконность не только его притязаний на корону, но и всей династии Ланкастеров.

В письмах Эдуарда IV первоначальное приветствие и формализованное повеление о провозглашении написаны на латыни, но текст самого провозглашения дан на английском языке и должен был быть обнародован официальными лицами, которые «не должны были ничего упускать»[191]. Например, в 1464 году в прокламации, касающейся денежного регулирования, король очень старался

[188] Ibid.P.348.
[189]Allan A. Royal Propaganda. Op. cit. P.152.
[190]Ross C. Rumour, Propaganda Op. cit.. P.21.
[191] Ibid.22.

указать, что он действовал «по многим серьезным и особенным причинам и соображениям, касающимся благополучия и процветания этой земли и его подданных, благосостояние которых является для него величайшим утешением, какое только может быть»[192]. В этих фразах прослеживается пропаганда: Эдуард подчеркивает, что его действия направлены на благо всех граждан, применяя слова «благополучие и процветание». Также через использование абстрактных понятий («общего блага») осуществляется попытка повлиять на мысли и чувства аудитории, заставляя их воспринимать действия Эдуарда IV как необходимые и правильные.

Король из династии Йорков позаботился о том, чтобы законы королевства использовались с пользой. Так, прокламацию против «Provisores Regis» (поставщики короля) от 1469 года, осуждающую королевских поставщиков, Эдуард начал с заявления, что он был проинформирован о незаконных и репрессивных действиях некоторых из его поставщиков. Король утверждает, что их действия «противоречат его законам, разуму и совести к его величайшему неудовольствию», а он намеревался немедленно увидеть «достойное исправление» этого и предотвратить повторение подобных случаев[193]. Данная прокламация предостерегала подданных короля от требований, предъявляемых поставщиками королевскому двору, если они не подтвердят свою власть Большой или Тайной печатью. Кроме того, она могла быть использована Эдуардом IV в качестве средства пропаганды, чтобы создать образ справедливого монарха, заботящегося о защите подданных своего королевства.

В правление Эдуарда IV произошел полный отход от ланкастерской практики пропаганды посредством прокламаций[194]. С самого начала приказы представителя династии Йорков начинаются с традиционного приветствия, а затем немедленно следует указание, как необходимо распространить прокламацию[195]. Эдуард IV расширил сферу королевских прокламаций, включив в них множество материалов,

[192] For many grave and special reasons and considerations concerning the welfare and prosperity of this land and his subjects, whose welfare is to him the greatest consolation that can be. CCR. 1461–1467. Op. cit. P. 54.
[193] Letter Book. L. Op. cit. P. 61.
[194]Doig James A. Political Propaganda and Royal Proclamations in Late Medieval England. Op. cit. P. 256.
[195] Allan A. Royal Propaganda. Op. cit. P.153.

которые до тех пор казались случайными или произвольными[196]. Также король пытался обеспечить донесение точного смысла послания посредством создания локальных текстов, которые нужно было читать дословно. Этот новый метод, систематически используемый Эдуардом IV для всех своих прокламаций, подчеркивал недостатки прежнего подхода, характерного для периода правления Генриха VI.

В июле 1469 года ближайший соратник Эдуарда IV граф Уорик, известный как «делатель королей», и младший брат короля – герцог Кларенс открыто оказали неповиновение своему королю, вступив в сговор с Маргаритой Анжуйской. 17 сентября Уорик высадился в Англии, вынудив Эдуарда IV бежать в Бургундию. На полгода – с октября 1470 по апрель 1471 года – в королевстве была реставрирована власть Ланкастеров, на престоле находился Генрих VI.

Прокламации, выпущенные от имени короля Эдуарда IV против своего своенравного брата и графа Уорика в 1469 году, преследовали своей целью противостоять тем посланиям, которые эти предатели издали ранее[197]. Одна из прокламаций Эдуарда IV описывала преступления вышеупомянутых мятежников, а именно, говорилось, что: «упомянутые герцог и граф, противоестественно, недоброжелательно и неверно намеревались уничтожить его [Эдуарда], его королевство и общее благо… ложно и предательски спровоцировали и взволновали, как своими сочинениями, так и другими способами, Сэра Роберта Уэллса из графства Линкольншир, чтобы продолжить восстания и мятежи и объявить войну против него [Эдуарда IV]»[198].

Весьма показательным является тот факт, что в указанном фрагменте прямо подчеркивается, что причиной восстаний стали именно подстрекательские «сочинения изменников», распространявшиеся среди населения, а также прочие методы воздействия, направленные на возбуждение недовольства. Это свидетельствует о понимании властями той эпохи ключевой роли пропаганды и

[196]Doig James A. Political Propaganda and Royal Proclamations in Late Medieval England. Op. cit. P. 257.
[197] Chronicles of the White Rose. Op. cit. P. 227.
[198] Ibid. P. 227.

дезинформации как катализатора народных волнений и мятежей. Данное сообщение может выступать как контрпропаганда – реакция короля на сообщения мятежников. В данном случае, применяются уже ранее многократно упомянутые в данном исследовании приемы пропаганды: преувеличение бед, которые несут замыслы врагов и указание на «противоестественность» их действий.

Несомненно, главным «издателем» прокламаций и пропагандистом был король[199]. Данную тему рассматривала в своей работе С. Гонт. Сложно оспорить данный тезис. Исследователь для подтверждения данной мысли в основном использует такие источники как прокламации и акты парламента, не обращая внимания на официальные хроники, которые также создавались по приказу короля.

Оппозиция также использовала прокламации для привлечения сторонников и агитации против находящегося на троне монарха[200]. Это проявилось в 1470 году, когда граф Уорик и Кларенс написали «широко разрекламированное» письмо народу. В источнике содержится прямое свидетельство того, что письмо было выставлено на всеобщее обозрение: «копии этого письма были установлены на штандарте в Чепе, на колоннах лондонского моста и на церквях в Лондоне перед прибытием и высадкой герцога и графа в Англии»[201]. Неизвестно, были ли еще города, которые получили копии письма. Но текст данного сообщения показывает, что Уорик осознавал важность взаимодействия со столицей и пытался повлиять на общественное мнение, тем более что поддержка Эдуарда ранее была очень сильна в Лондоне. Уорик, используя в тексте такие фразы, как «большая боль, обнищание и полное ваше уничтожение», апеллировал к судьбам простых людей, подчеркивая опасность того, что пока на троне Эдуард, политическая ситуация в стране не изменится и положение народа не улучшится. Цель подобных высказываний – убедить лондонцев поддержать Уорика в его деле[202].

[199] Gaunt Sarah K. English Political Propaganda, 1377–1485 Op. cit. .P.111-113.
[200] Ross, Charles. Rumour, Propaganda and Popular Opinion During the Wars. Op. cit. P.18.
[201] Kekewich, M. The politics of fifteenth-century England : John Vale's book. London, 1995.P. 92.
[202] Ibid. P. 92.

В переломные для династии Йорков 1470–1471 годы создается наибольшее количество прокламаций, имеющих прежде всего пропагандистскую направленность, по сравнению с другими периодами политической борьбы второй половины XV века. Вынужденный покинуть Англию в сентябре 1470 года Эдуард IV, казалось, потерял все шансы на восстановление своих династических прав и возвращение английского трона, поэтому ему были крайне необходимы надежные союзники.

Для Эдуарда IV существование проверенной и эффективной системы распространения информации имело неоценимое значение, особенно в период, когда ему критически требовалась поддержка не только знати, но и простого люда[203]. Возвращение Йорка ознаменовало резкую смену династии, и неминуемые «нападки» сторонников Ланкастеров потребовали, чтобы он как можно быстрее привлек население на свою сторону.

В 1470-1471 годы Эдуард IV целенаправленно распространял среди своего народа откровенно предвзятые отчеты о недавних событиях. Так, в 1470 году после подавления крупного восстания в графстве Линкольншир он издал специальную прокламацию, в которой официально заявлял, что «по милости Бога [Эдуарду IV] была послана победа над мятежниками и предателями Линкольншира, которые были против его величества и собрались в огромном количестве»[204]. Такой подход наглядно демонстрировал стремление власти создать благоприятный образ действий короля перед народом и оправдать любые меры против восставших.

В четырех прокламациях, изданных Эдуардом IV в марте 1470 года в ходе восстания в Линкольншире и предательских действий герцога Кларенса и графа Уорика, король вновь изобразил события в свойственной пропагандистской манере, подчеркивающей контраст между вероломством его врагов и его собственным безупречным и праведным поведением[205]. Текст прокламации от 31 марта 1470 года характеризует Эдуарда IV как милостивого, благородного

[203] Allan A. Royal Propaganda and the Proclamations of Edward IV. Op. cit. P. 148.
[204] CCR. 1468–1476. Op. cit. P 133.
[205] Ibid. P. 133–136.

правителя: «король даровал Джорджу герцогу Кларенсу и Ричарду графу Уорику прощение за все преступления, совершенные против него перед прошлым Рождеством, надеясь, что тем самым они побудят их [предателей] показать ему [Эдуарду IV] свою естественную любовь и помогут в подавлении восстаний» [206]. А герцог Кларенс и граф Уорик, напротив, «ложно и противоестественно намеревались уничтожить королевство»[207]. Использование подобных фраз усиливает негативный образ противников Йорка. Также подобная лексика должна была вызвать эмоциональный отклик у аудитории и сформировать представление о действиях врагов как злонамеренных и разрушительных**.** Однако Эдуард IV не хотел показаться мстительным, особенно по отношению к Кларенсу и Уорику, так как первый был его родным братом, а второму он был обязан своим восхождением на трон. Эдуард пояснял, что однажды простил их, и несмотря на то, что они повторили измену, он все еще был готов проявить милосердие из уважения к родственным узам и «нежной любви, которую он прежде проявлял к ним»[208]. Именно их последний и упорный отказ ответить на его вызов объясниться заставил короля объявить их предателями. Таким образом, вся ответственность за тяжелое положение двух непокорных магнатов была возложена на них самих, потому что они повторно выступили против своего короля, несмотря на несколько великодушных попыток Эдуарда IV восстановить их преданность.

Прокламация против Маргариты Анжуйской и ее сторонников, изданная 27 апреля 1471 года, хронологически соответствующая временному промежутку между победой Эдуарда IV в битвах при Барнете (14 апреля) и при Тьюксбери (10 мая), демонстрирует сдвиг акцентов в соответствии с новыми обстоятельствами, когда на трон графом Уориком при содействии Маргариты Анжуйской был посажен Генрих VI. Реставрация власти Генриха VI была вызовом для Эдуарда IV, вследствие чего свергнутый король выстраивал свои аргументы прежде всего для защиты своего права на престол, дарованное Богом и именовал себя

[206] Ibid. P. 135.
[207] Ibid.
[208] Ibid.

соответственно: « Мы Эдуард IV, по воле Божией и праву наследования быть законным королем Англии и Франции и лордом Ирландии, титул которого до этого времени в различной манере был открыто заявлен как по приговору, так и по решению парламента, а также подтвержден победами, данными нам Всевышним в битвах против нашего противника Генриха и его сторонников»[209]. Фраза «по воле Божией» подчеркивает идею избранности короля самим Господом. Отсылка на «право наследования» подчеркивает законную обоснованность требований Эдуарда IV на английский трон. Заявления о поддержке короля парламентом свидетельствуют о его стремлении подчеркнуть легитимность своих действий.

Все вышеперечисленные действия Эдуарда IV, вернувшего себе трон, и инструменты, которые он использовал, носят явно пропагандистский характер, так как изданные по его приказу прокламации отражают намерения короля лишний раз подчеркнуть божественность своей власти для ее легитимации.

Подобную функцию выполнял и приказ Эдуарда IV шерифам «вызвать прокламацию по этому поводу»[210]. Данный приказ должен был подтвердить его право на корону «разумом, авторитетом и победой в битвах», с осуждением королевы Маргарет, принца Эдуарда и их сторонников как «открытых и отъявленных предателей, мятежников и врагов»[211]. С целью укрепить свои позиции Эдуард применил к себе «веками устоявшееся убеждение», что успех в битве означает божественное признание победителя. В 1471 году он мог с уверенностью заявить, что помощь Божья была безошибочно проявлена в его нескольких победах.

Стремление Эдуарда IV распространить свои прокламации на максимально широкую аудиторию[212]подтверждает указ, требовавший: «в срочном порядке направить приказы о провозглашении каждому шерифу каждого графства в Англии, чтобы обеспечить провозглашение этого постановления на каждой ярмарке как в его графстве, так и за пределами»[213]. Данные действия Эдуарда IV,

[209] CCR. 1468–1476. Op.cit. P. 189.
[210] Ibid.
[211] Ibid.
[212] Gaunt, Sarah K. English Political Propaganda. Op. cit. P. 123.
[213] CCR. 1468–1476. Op.cit. P. 223.

безусловно, представляют собой элемент пропагандистской стратегии.

Городская книга Ковентри («Leet Book») также свидетельствует о необходимости охвата наибольшего масштаба разглашения прокламаций и содержит пример места, где было оглашение документа об отмене ливрей в 1472 году: «эта отмена был торжественно провозглашена на открытом рынке вскоре после переиздания» [214].

Несомненно, средневековая рыночная площадь имела двойное назначение: пространство для экономической деятельности и политического общения. В 1472 году Эдуард IV отправил в Ковентри прокламацию с просьбой о контроле над ливреями, причем указанное письмо было провозглашено на рыночной площади, чтобы его могли услышать все жители[215].

Для того, чтобы усилить эффективность пропаганды властей, прокламация, предписывавшая обязательное соблюдение воли короля, содержала не только официальную версию происходящего и королевские увещевания, но и четко обозначала наказания за непослушание[216]. Иногда предполагались меньшие наказания, но чаще – и особенно там, где речь шла о восстании, мятеже и измене – от подданных требовалось послушание под страхом конфискации имущества и смерти. Более того, самому шерифу грозил штраф, если он не смог издать прокламацию в соответствии с приказом. Еще до начала открытой борьбы между Йорками и Ланкастерами в 1449 году шерифы были обязаны публиковать основные постановления «раз в месяц в течение полугода под страхом быть принудительно переданными королю»[217].

В 1470 году среди народа появились сомнения в искренности помилования, которое Эдуард IV предложил участникам восстания в1469 году, о чем было провозглашено в Йоркшире[218]. Королю необходимо было подтвердить свою волю и

[214] Coventry Leet Book or Mayor's Register, 1420–1555. Part 1 / ed. by M.D. Harris. London: Early English Text Society, 1907. 212 p.
[215] Coventry Leet Book. Op. cit. P. 373.
[216] Gaunt, Sarah K. English Political Propaganda. Op. cit. P. 127.
[217] Statutes of the Realm of England. / ed. by A. Luders, T. Tomlins. L., 1810–1828. Vol. 1 V. 2, P. 349.
[218] CCR.1468–1476. Op.cit. P. 134.

показать себя с лучшей стороны, что и было сделано с помощью пропагандистского приема повтора. В новой прокламации вновь утверждалось: «Его высокий призыв будет для того, чтобы вы знали и были уверенны, что он [король] сохранит и выполнит свое помилование и провозглашение во всех отношениях»[219].

В конце концов, принятие народом Эдуарда IV как нового правителя во многом зависело от мер, которые он мог предложить. Внимательно следуя тематике ранней йоркистской пропаганды, он подробно рассказал о зле, от которого «страдает королевство, которое он намеревался восстановить» [220]. Новый король сожалел о «потере заморских территорий и упадке торговли, угнетении своих подданных, общем состояния беззакония и коррупции правосудия» и отмечал, что все это произошло «из-за небрежности, амбиций, жажды тех, кто правил»[221], намекая на неудачное правление Генриха VI и его элиты. Эдуард IV называл своего предшественника (Генриха VI) «нашим противником, тем, кто называет себя королем Генрихом»[222]. Тем самым указывая на незаконность власти Генриха VI. Термины, которые использованы в тексте прокламации – беззаконие, коррупция, небрежность – несут негативный оттенок и выставляют противников законного короля в невыгодном свете.

Чтобы усилить сопротивление Ланкастерам и их сторонникам, Эдуард IV яростно осудил их недавнюю деятельность. Он с возмущением и досадой повествует о том, что армии под предводительством партии Ланкастеров терроризировали большую часть страны, грабя церковь, беззащитных женщин, раня и убивая людей «с отвратительной жестокостью, какой не бывало» [223]. Эти откровенно пропагандистские прокламации 1461, 1470 и 1471 годов были произведены в разгар кризиса йоркистской монархии[224].

[219] Ibid.
[220] Letter Book K. Op.cit. P. 16, 17, 69, 293
[221] Ibid. P. 17.
[222] Letter Book K. P Op.cit.. 21.
[223] Ibid. P. 69.
[224] Gaunt, Sarah K. English Political Propaganda. Op. cit. P. 147.

Эдуард IV скончался в 1483 году, после его смерти королем на непродолжительное время стал его сын Эдуард V. Однако под давлением Ричарда Глостера парламент объявил наследника незаконным. В том же году Глостер был коронован как Ричард III. Именно его обвинят в убийстве принцев в Тауэре. Его короткое правление сопровождалось борьбой с явной и скрытой оппозицией.

Осенью 1483 года, менее чем через четыре месяца после начала своего правления, Ричард столкнулся с восстанием, которое возглавил герцог Бекингем – некогда его верный союзник. Фактически на юге Англии произошла серия восстаний, не зависящих от влияния Генри Стаффорда, герцога Бекингема[225]. Объединяла повстанцев их преданность Эдуарду IV и, как следствие, его наследникам. Ричард не смог опровергнуть слухи о смерти принцев в Тауэре. Судя по всему, герцог не нашел особой поддержки со стороны Уэльса. Бекингему не удалось заручиться поддержкой своей оппозиции Ричарду. В ответ Ричард III издал прокламацию, в которой говорилось, что простолюдины, сложившие оружие, получат помилование. С лидерами же обошлись более жестко, поскольку за их головы назначили цену[226].

Ричард III отражал нападки в свою сторону прежде всего с помощью критики сторонников Эдуарда IV, характеризуя их следующим образом: «развратничающие в лести и руководимые чувственностью и похотливостью…люди наглые, порочные и чрезмерно скупые»[227]. Бесспорно, Ричард сознательно пытался показать своих соперников в крайне негативном свете, используя для этого соответствующие эпитеты и наименования. Что подтверждает пропагандистскую направленность прокламаций, издаваемых Ричардом III.

Бесспорно, события Войн Роз стали поворотным моментом не только в истории Англии, но и в развитии феномена пропаганды, заключавшегося в попытках власти манипулировать общественностью в своих интересах[228].

---

[225] Ross Charles. Richard III. Op. cit. P.105–112.
[226] Gillingham. Wars of the Roses. Op. cit. P.229.
[227] RP. Vol. V. Op.cit. P. 240.
[228] Gaunt Sarah K. English Political Propaganda. Op. cit. P. 144,156.186.

Самыми очевидными пропагандистами были король и его правительство. В неспокойные годы соперничающие фракции Войн Роз имели необходимость использовать элементы пропаганды в своих интересах. Цель пропаганды в период династической борьбы: распространение идей, направленных на то, чтобы убедить людей думать и действовать определенным образом в интересах того или иного правителя и его соратников, т.е. сформировать общественное мнение. Одним из средств пропаганды являлись прокламации, сведения в которых носили и агитационный характер.

Королевские прокламации могли представлять собой личные указы короля, его обсуждения с советниками или парламентом, либо, одобренные королем, решения последнего, изданные с приказом зачитать содержание вслух. Прокламации были во многом инструментом именно государственной пропаганды, реже использовались теми, кто составлял оппозицию[229].

Все это полностью согласуется с тем, что было сказано относительно увеличения использовании прокламаций качестве политической пропаганды. Особенно сторонниками династии Йорков.

Практически невозможно определить, насколько эффективными были королевские прокламации и каким образом влияли на социальное поведение. Данный вопрос можно назвать «камнем преткновения» для нашего исследования. Так как ни одним из исследователей, рассматривавших феномен пропаганды эпохи Войн Роз, не были определены четкие критерии, которые можно было бы применить для оценки эффективности прокламаций. Ч. Россом и С. Гонт были высказаны лишь предположения, что прокламации были эффективным оружием пропаганды[230]. Для этих исследователей был важен именно факт существования пропаганды. Ближе всех в данном вопросе оказался Джеймс Дойг. Автор подчеркивал, что важным фактором успешного распространения политических заявлений была роль местных чиновников, обеспечивавших точность содержания

[229] Ibid. P.143.
[230]Gaunt Sarah K. English Political Propaganda. P. 3, 16,21,108. Ross, Charles. Rumour, Propaganda and Popular Opinion During the Wars of the Roses. P. 14.

и охват сообщений среди широких слоев населения независимо от уровня их грамотности. По мнению Джеймса Дойга, повышение грамотности могло способствовать развитию сложной политической коммуникации, однако оно само по себе не увеличивало количество людей, воспринимающих политическую пропаганду[231]. Насколько прокламации побуждали людей действовать определенным способом и исполнять волю короля невозможно оценить или измерить в период династического конфликта эпохи Войн Роз, так как методы, применяемые для определения эффективности пропаганды, используемые в современности, не могут быть на нее спроецированы. Возможным исключением могла стать вероятность оценки эффективности прокламаций, применяемых для сбора займов или набору людей для той или иной военной кампании короля. В данном случае можно привлечь иные исторические источники, свидетельствующие о том, сколько денежных средств собрано или какое количество подданых явилось, чтобы исполнить свой долг перед короной. Однако и другие источники не предоставляют нам информацию о том, что именно подтолкнуло жителей того или иного города к исполнению королевской воли: были ли это прокламации и пропаганда или подданные руководствовались иными мотивами.

Кроме того, при изучении прокламаций выявлено различие между йоркистскими текстами и большинством ланкастерских прокламаций.

Генрих VI не так активно использовал прокламации, как способ влияния на общественное мнение с целью обретения поддержки в периоды опасности для своей власти. Напротив, прокламации, изданные Эдуардом IV, особенно когда король или мир в Англии подвергались опасности, были насыщены всевозможными убедительными фрагментами пропаганды Йорков, показывающими представителей противоборствующей династии Ланкастеров исключительно с отрицательной стороны с помощью таких приемов, как повтор, преувеличение и аналогия.

[231] Doig James A. Political Propaganda and Royal Proclamations in Late Medieval England. Op. cit. P.258-260.

Именно при Эдуарде IV Йорке прокламация, уже прочно закрепившаяся в качестве средства связи между короной и подданными, окончательно превратилась в передовое оружие королевской пропаганды в ходе борьбы за власть, которое применялась и последующими правителями не только в период Войн Роз, но и после воцарения династии Тюдоров. Стало обычной практикой составление и распространение специально подготовленных правительственных документов, публикация которых осуществлялась в строгом соответствии с установленными правилами. Сами тексты намеренно формировали негативное мнение о соперниках в ходе борьбы за власть, а также с помощью различных приемов и аргументов убеждали в законности правящей династии и представляли ее исключительно с положительной стороны.

1.2. Отражение династической борьбы эпохи Войн Роз в письмах английских королей и их сторонников

События политической борьбы XV века наряду с хрониками, актами парламента, королевскими статутами, отражают и эпистолярные источники. В XV веке в Англии получает широкое распространение частная переписка и расцветает эпистолярный жанр. Письма были средством общения, политической коммуникации, доступным короне и другим лицам, косвенно или напрямую участвующим в династической борьбе.

Историческая информация, которую можно извлечь из сохранившейся частной переписки, имеет большое значение для рассматриваемого нами периода. Письма королей, адресованные не только своим сподвижникам, но и сторонникам противоборствующей династии, обладают ценностью, поскольку раскрывают намерения и мнения их авторов относительно происходящего, а также как средство пропагандисткого воздействия на адресата.

Стоит сказать несколько слов об особенностях данной группы исторических источников. Разглашение содержимого писем было нормой, поэтому в них никогда не сообщались секретные сведения. В данный период письма, за редчайшим

исключением, писали не просто из желания общения. Поводом для написания письма была необходимость сообщить корреспонденту информацию, имеющую существенное значение для автора письма, его адресата или для них обоих, поэтому основными темами писем периода Войн Роз были перипетии, связанные с политическими катаклизмами. Однако, согласно современной отечественной историографии, дошедшие до нас королевские письма, вряд ли можно назвать частной перепиской, по причине того, что они не обладают всеми отличительными особенностями данного вида источников. Кроме того, источники личного происхождения как тип сформировались в Европе в XVI–XVII вв. [232].

Отражение политической борьбы эпохи Войн Роз в письмах английских королей

Короли писали письма в основном по важным поводам. Преимущественно эти письма предназначались для сторонников: герцогам, мэрам городов, епископам. Большинство исследованных нами писем носят «агитационный» характер. С их помощью короли призывали адресатов оказать им помощь в борьбе с врагами в рамках как внешней, так и внутренней политики. В письмах встречаются упоминания об их опасениях, надеждах и т.д.

Короли – главные участники династической борьбы. Данный факт объясняет особую важность их писем как исторических источников и необходимость изучения того, как короли писали о происходящем, а также насколько в этих письмах отображены события Войн Роз.

Продолжительное правление Генриха VI (1422–1461,1470–1471), неоднозначно оценивается как современниками, так и историками. Личность этого короля с трудом можно разгадать через множество преднамеренных пропагандистских искажений, возникших благодаря трудам йоркистских и тюдоровских хронистов и литераторов, в том числе Полидора Вергилия и Уильяма Шекспира. Согласно первоисточникам, король не был похож на своих

[232] Данилевский, И. Н. Источниковедение : Теория. История. Метод. Указ. Соч. С.468.

предшественников и не унаследовал от них черты, необходимые для управления Англией в ту неспокойную эпоху[233]. Современные исследователи полагают, что Генрих VI оказался крайне неподходящим человеком для своего положения в столь критический для Англии момент[234], а также, что именно его бездействие довело страну до гражданской войны и стоило ему короны[235].

К сожалению, современники Генриха VI оставили о нем очень мало воспоминаний.

В исследуемых нами сборниках писем отсутствуют свидетельства самого Генриха VI о начавшемся конфликте. Безусловно, возникает вопрос, чем можно объяснить фактическое отсутствие опубликованных писем Генриха VI, в которых могла быть изложена точка зрения самого короля на потерю власти и попытки ее возвращения. Можно предположить, что данный факт связан с психическим состоянием Генриха VI и его неспособностью активно действовать в подобных обстоятельствах. Данное предположение основывается на устоявшемся в историографии восприятии Генриха VI как недостаточно активного и слабохарактерного правителя, склонного к колебаниям и зависимого от влияния окружения. Английская писательница и историк Элисон Уэйр в своем труде «Ланкастеры и Йорки. Война Алой и Белой розы» подробно анализирует трагедию династии Ланкастеров, связывая неудачи Генриха VI с его собственными личностными особенностями[236]. По словам современного британского историка Дэна Джонса, Генрих VI представлял собой идеальный пример неудачного правителя, неспособного принять ответственность за сложное положение страны. Король был отстранен от принятия серьезных решений, позволив нескольким сильным фигурам — таким как Ричард Невилл, граф Уорик, и Эдмунд Бошамп, архиепископ Кентерберийский — захватить контроль над правительством и судьбой страны[237].

[233] Басовская, Н.И. Человек в зеркале истории [Отравители. Безумцы. Короли]. М.: АСТ, 2012. С.120-124.
[234] Норвич Д.Д. История Англии и шекспировские короли. Перевод с англ. И.Лобанова. М. АСТ, 2013. С.335.
[235] Джонс Д. Война Алой и Белой Розы. С. 161.
[236] Элисон Уэйр Указ. Соч. С. 142-143.
[237] Джонс Д. Указ. Соч. С. 108-109.

В исследуемом нами собрании Джеймса Холливелла 13 писем принадлежит перу Эдуарда IV, а в собрании Эллиса 3 письма. Практически во всех из них отражена политическая борьба между кланами Йорков и Ланкастеров.

В письме, написанном Эдуардом IV в 1461 году**,** мы находим информацию о союзе Маргариты Анжуйской с королем Шотландии, которого Эдуард называет великим врагом. К сожалению, в письме нет информации об адресате. Однако, судя по стилю обращения, письмо король писал своим союзникам, которые оказали ему помощь: «Верные и горячо любимые, мы приветствуем вас и благодарим за великую истину, любовь и доброту, проявленные к нам здесь всегда прежде, и особенно в дни и во время нашей великой необходимости в защите нашей земли и подданных»[238]. В данном письме свой приход к власти Эдуард обозначает как необходимость для спасения Англии. В целом оно имеет агитационный характер для сторонников короля.

Эдуард IV указывает на незаконность власти Генриха VI, именуя его прозванным королем, а также подчеркивает, что он предатель и мятежник. Главным же действующим лицом в заговоре Эдуард называет Маргариту Анжуйскую, действующую от лица неспособного Генриха VI, которая, по его мнению, абсолютно незаконно «даровала упомянутому королю Шотландии, его наследникам и преемникам семь земель нашего королевства Англии»[239]. Эдуард IV отмечает, что Маргарита, преследуя свои корыстные цели, навлекла беду на народ Англии: «взбудоражила и спровоцировала величайшую жестокость и тиранию против наших упомянутых подданных, какую только могла, для осуществления ее ненасытной злобы по отношению к ним»[240]. Очевидно, эти слова Эдуарда IV о потере земель, жестокости и тирании говорят об элементах агитации против Ланкастеров.

В своем обращении к королю Шотландии, Эдуард также подчеркивает незаконный и предательский характер действий Генриха VI и Маргариты

[238] Letters of the Kings of England. Vol. 1. Op. cit. P. 123.
[239] Ibid. P. 124.
[240] Ibid.

Анжуйской, несколько раз именуя их мятежниками и узурпаторами. Также новоиспеченный английский король пытается воздействовать на шотландского монарха и требует «во имя Бога, безотлагательно выдать упомянутых предателей и мятежников»[241].

Власть Эдуарда IV была достаточно шаткой в первые месяцы его правления, поэтому он предпринимал активные действия для ее укрепления. Прежде всего, новоиспеченный король предпринял попытки обеспечения поддержки своего положения среди различных слоев общества и искал сторонников. Об этом свидетельствует Тайная грамота короля Эдуарда IV с печатью Томасу Куку, одному из олдерменов Лондона, отправленная в 1462 году. Текст этой грамоты содержится, как в сборнике Холливела[242], так и в собрании Эллиса[243]. Согласно содержанию источника, 27 марта 1462 года король Эдуард отправился на север до Стэмфорда, где ему сообщили, что король Генрих убедил французов и шотландцев вступить на эту землю (в Англию). Поэтому Эдуард отправил письмо со своей печатью через всю Англию в Лондон, «чтобы убедить их (олдерменов) выделить и щедро предоставить определенную сумму денег»[244]. Эти деньги нужны были Эдуарду для финансирования военной кампании против Франции и Шотландии, которые поддерживали Ланкастеров.

В данном письме, адресованном Томасу Куку, Эдуард IV показывает, насколько опасны для подданных замыслы его противников: «внешние враги в большом количестве поспешно смогут войти в это наше королевство Англии, чтобы совершить там такую жестокую, ужасную и смертельную войну, грабежи, резню, которой до сих пор не было среди христиан; и всеми возможными способами и средствами полностью уничтожить людей, имя, язык и всю кровь англичан в этом нашем королевстве»[245]. Вновь в этих высказываниях отчетливо прослеживаются явные элементы пропаганды. Беспокоит короля и факт привлечения французов

[241] Ibid. P. 125.
[242] Ibid. P. 126.
[243] Ibid.
[244] Ibid.
[245]Ibid. P.127.

Генрихом VI: «в случае, если они смогут осуществить свою злую и жестокую цель, тогда его дядя Карл Анжуйский вместе с французами будет иметь господство, править нашим королевством»[246]. Слова короля о риске для всего королевства, а не только для него лично, воспринимаются как элемент агитационной риторики. Однако виновником во всех своих бедах Эдуард IV называет не самого Генриха, а его жену, имевшую французское происхождение, Маргариту Анжуйскую: «наш упомянутый противник Гарри, движимый к этому злонамеренным и тонким внушением и соблазнением упомянутой злонамеренной женщины Маргарет – его жены»[247]. Подобное сравнение опасных для английского народа действий мятежников в лице Маргариты Анжуйской и Генриха VI, стремившихся вернуть власть нечестными, даже самыми жестокими способами, и праведной миссии по защите своих подданных истинным, законным королем Эдуардом IV показывает явную пропагандистскую направленность письма.

Эдуард IV указывает и на средства, которые использовал свергнутый король, а точнее его жена – властная Маргарита Анжуйская, чтобы привлечь на свою сторону французов и шотландцев: « наш противник предоставил и послал нашему противнику, Луи де Валуа, называвшему себя королем Франции, отказ и освобождение от прав и титулов, которые английская корона имеет на корону и королевство Франции, а также на герцогство Гиень с его границами и принадлежностями; и в связи с этим он предоставил с той же целью шотландцам не только город, но и замок Бервик, которые теперь благодаря его освобождению принадлежали и были заняты теми же шотландцами»[248]. Такие обвинения использовались для укрепления власти Эдуарда IV, желавшего блага для Англии. Они помогали сформировать отрицательное мнение о предыдущих правителях и представляли действия Маргариты и Генриха VI как опасные, ведь в последствии приходилось бороться с чужеземцами за свои земли.

[246] Ibid.P.128.
[247] Ibid.
[248] Ibid. P.128.

Естественно, своей прямой обязанностью и предназначением Эдуард IV считает защиту своих земель и изгнание врагов, о чем сообщает в письме своему Канцлеру от 1463 года: «Со всей таинственной мощью Бога, встретив, воспротивившись и подавив их намерение, мы присоединяем нашу волю к этому делу в подлинной и законной обороне нашего упомянутого королевства, вашей особы и всех прочих наших вышеуказанных подданных, устраняя опасность жестокого тиранического правления, которое они задумали против нашей обозначенной земли и подданных»[249]. Под жестокой тиранией подразумевается возможное возвращение представителей партии Ланкастеров в Англию с французскими и шотландскими воинами.

После женитьбы на Елизавете Вудвилл, которую не приняла большая часть королевского окружения, в том числе и ближайший соратник граф Уорик, Эдуарду IV пришлось искать опору и среди своих бывших врагов, ранее сторонников Ланкастеров. С этой целью Эдуард IV возвращал конфискованные земли их прежним владельцам или их потомкам, которые вероятно выступали против него и его отца. Об этом свидетельствуют не только статуты парламента, но и эпистолярные источники. Так в письме Джону Пастону от 1464 года король обещает вернуть ему земли и свою поддержку[250]. Данное письмо также носит агитационный характер с целью привлечения Эдуардом бывших врагов на свою сторону. Такие изменения в политике короля отразились и в актах парламента[251]. И действительно, Эдуард IV выполнил свое обещание: в 1466 году утвердил Пастона в качестве владельца Кейстером[252].

В 1470 году с помощью французского короля Маргарита Анжуйская заключила союз с бывшими сторонниками Эдуарда – Ричардом Невиллом и Джоржем Кларенсом. Узнав о том, что родной брат перешел на сторону

[249] Letters of the Kings of England, vol. 1... P. 131 (with the mystery of God's might, to rencounter, resist, and repress their intent, and will join thereto our body in the true and lawful defence of our said realm, of you, and all other our said subjects, and remove the danger of the cruel tyranny that they intend against our said land and subjects)
[250] Ibid. P. 132–133
[251] Портнов, А. А. Политическая Борьба Эпохи Войн Роз в Свете Английского Парламентского Законодательства. Человеческий капитал. 2023. №. 1(169). С. 96-97.
[252] Там же. С. 97.

Ланкастеров, Эдуард отправил ему письмо, достаточно короткое по содержанию. Король сообщил, что осведомлен о его предательстве и намерен «перейти к наказанию, к тяжкому наказанию как пример для всех других наших подданных, если брат не явится к нему со смирением»[253]. Данное письмо характеризует Эдуарда IV с одной стороны, как милостивого правителя, готового простить предателя, если тот повинится, с другой стороны – как справедливого.

Период недолговременного изгнания Эдуарда IV и возвращения Генриха VI на трон не освещен в эпистолярных источниках, автором которых был сам Эдуард. В 1471 году Эдуард вернулся в Англию и одержал ряд побед над противниками. Генрих VI был заключен в Тауэр. Военные действия в рамках династической борьбы прекратились до 1483 года.

Вторая часть правления Эдуарда, продолжавшаяся 12 лет стала временем относительного спокойствия в государстве.

9 апреля 1483 года король Эдуард IV скончался, а следующим королем в июле этого года стал Ричард III. Сохранилось несколько писем Ричарда III, которые, бесспорно не лишены интереса. О своих намерениях выступить против восставшего Бекингема Ричард III сообщает в письме, адресованном корпорации Йорка, и просит оказать ему помощь: «Мы искренне желаем и молимся вам, чтобы вы прислали к нам столько людей, надежно выстроенных на лошадях, сколько вы сможете дать, в наш город Лестер 21-го числа текущего месяца, в обязательном порядке. И мы увидим, что вы заплатили за свою награду»[254]. Данное письмо, содержащее не то, что просьбу о помощи, а фактически приказ оказать королю поддержку в борьбе с мятежниками, является подтверждением того, что Ричард оказался в крайне затруднительном положении и остро нуждался в союзниках.

Ричарду III нужно было ответить контрпропагандой на вредные слухи. Что он и сделал с помощью письма, которое отправил в город Йорк вскоре после своего выступления перед мэром и жителями Лондона. Такое письмо должно

[253]Letters of the Kings of England. Vol. 1. Op. cit. P. 137.
[254] Ibid. P. 157.

было бы убедить жителей Йорка в искренних намерениях Ричарда и развеять негативные слухи о нем. Письмо содержит следующие утверждения: «Различные подстрекатели и злонамеренные личности как в нашем городе Лондоне, так и в других местах в этом нашем королевстве, ежедневно заставляют себя сеять шум и разоблачение против нашей личности… оскорблять множество наших подчиненных и отвращать их от нас, если они хотят любым подлым образом достичь этого злого намерения и цели, некоторые путем составления законопроектов, некоторые путем посланий и рассылки отвратительных слов и лжи… для исправления чего и в соответствии с этими намерениями провозглашенная правда должна подавлять все такое ложное и надуманное»[255]. В своем письме Ричард III указал на цель своих врагов: разоблачить его (Ричарда), а также на приемы пропаганды, которые использовались ими для реализации указанной цели. Одновременно Ричард указывает на необходимость борьбы с подобными посланиями, для того чтобы восторжествовала правда, которая была, конечно, на его стороне (по мнению Ричарда). Именно в этом Ричард III, пришедший к власти достаточно спорным путем, пытался убедить своих подданных[256].

Далее Ричард III подробно рассказывает о своих действиях, предпринятых для борьбы с пропагандой в Лондоне, проводившейся его противниками. Послание Ричарда III – не что иное, как проявление контрпропаганды. Король сообщает: «В последнее время мы призвали к себе мэра и олдерменов нашего города Лондона, чтобы встретиться с самыми печальными и замкнутыми личностями того же города, присутствовали многие из духовных лордов нашей страны, которым мы в значительной степени продемонстрировали наши истинные намерения и намерения во всех таких вещах, как отказ от ответа, так как мы сомневаемся, что все доброжелательные люди были таковы. Мы также в то же время возлагаем ответственность непосредственно как на упомянутого мэра, так и на всех других

[255] York House Books/ A. Sutton for Richard III & Yorkist History Trust, 1991. Vol. I. P. 359 – 360.
[256] Richmond C. Propaganda in the Wars of the Roses. Op. cit. P.15.

наших офицеров и верных подчиненных, где бы они ни находились»[257]. Ричард упоминает, что он обращался к представителям городского самоуправления Лондона («мэр и олдермены») и другим должностным лицам, чтобы привлечь внимание общественности и подтвердить официальное одобрение его власти. Использование эмоционально окрашенной терминологии («отказ от ответа», «сомневаюсь», «возлагаю ответственность») формирует атмосферу тревожности и заставляет читателей осознавать возможные риски и последствия неверных поступков. Таким образом, письмо Ричарда III можно рассматривать как инструмент контрпропаганды, применяемый для утверждения власти нового правителя (с сомнительными правами на престол), нейтрализации критики его действий. Ричард III пытался добиться поддержания спокойствия в стране посредством давления на сознание населения.

В письме к жителям Йорка Ричард III продолжает.: «Отныне всякий раз, когда обнаружат какого-либо человека, высказывающегося о нас или любом другом лорде нашей страны неподобающим чести, истине и благочинию образом, либо распространяющего слухи и известия, подвергать наказанию»[258]. В письме акцент делается на наказаниях, которые последуют за распространение информации, унижающей честь и доброе имя короля и его сторонников: «Из века в век и до поры до времени поставщик, автор и создатель указанных подстрекательских слов пусть будет схвачен и наказан по заслугам; и тот, кто раньше обнаружит какую-либо подстрекательскую речь, будет задержан и наказан по заслугам»[259]. Конец данной цитаты нам указывает, на то, что подстрекатели будут осуждены «по заслугам», то есть абсолютно справедливо, что открыто демонстрировало законность власти Ричарда III.

И завершается письмо инструкцией, которой необходимо следовать при обнаружении подстрекательских сообщений «Обнаружив подобное сообщение, не

[257] York House Books. Op.cit. P. 360.
[258] Ibid.
[259] Ibid. P. 359-360.

переписывая и не показывая его кому-либо другому, принесите его нам или кому-нибудь из лордов или кому-либо из нашего совета…»[69] .

Этот длинный отрывок содержит еще несколько важных моментов, наряду с отмеченными выше. Во-первых, представление о том, что язык может влиять не только на мнение, но и на действия народа. Во-вторых, пропаганда в ту эпоху не только существовала, но и открыто обсуждалась, а также разрабатывались приемы контрпропаганды.

В письме Ричарда III уточняется, что «доброрасположенные» люди не будут обращать внимания на такую клевету и подстрекательство к мятежу. Это может быть попыткой привлечь на свою сторону целевую аудиторию, подразумевая, что хорошие люди и верные подданные не будут слушать или читать что-либо, причиняющее вред государству, а значит и королю. Ничего не было оставлено на волю случая. Были подготовлены законопроекты и прокламации, продвигающие и интерпретирующие пропаганду для публики. В данном случае показательно, что Ричард не стал повторять эти слухи, а лишь опроверг эту ложь «правдой».

Речь Генриха VII накануне битвы при Босворте, похоже, не была преувеличена: «Вот Ричард, который одновременно Тарквиний и Нерон! Да, тиран больший, чем Нерон, ибо он не только убил своего племянника, который был его королем и суверенным господином, использовал все средства и способы, которые он мог изобрести, чтобы одурманить свою собственную племянницу под предлогом скрытого супружества: эту леди поклялся и пообещал взять себе в супруги»[260]. В словах будущего короля явно прослеживается пропагандистский умысел. Генрих VII акцентирует внимание на том, что его противник даже самыми немыслимыми способами желал утвердиться на престоле, с легкостью распоряжаясь судьбами других. В том числе обманным способом жениться на своей племяннице – Елизавете Йоркской (дочери Эдуарда IV). Об этом «намерении» Ричарда разнеслись слухи не только в Англии, но и за ее пределами. Данный отрывок также иллюстрирует тот факт, что английская пропаганда XV века, как и ранее, не

[260] Letters of the Kings of England, vol. 1. Op. cit. P. 168.

ограничивалась созданием положительного или отрицательного образа героя исключительно посредством описания его поступков (например, помилования, угроз, мести), либо индивидуальных черт характера (таких как лживость, благочестивость, надменность и др.). Она также активно задействует сравнительные приемы. Упоминания персонажей вроде Тарквиния Гордого и Нерона свидетельствуют не только о воздействии Ренессанса на авторов и поисках ими примеров пороков вне Ветхого Завета среди античных римских исторических фигур, но и подтверждают осведомленность создателей текста относительно уровня образованности своей публики (авторы речей, писем были уверены, что читатели распознают подобные аллюзии).

Многие английские лорды были не согласны с восшествием на трон Ричарда III, видели в нем тирана и убийцу, что позволило укрепить свои позиции Генриху Тюдору, чьи права на корону были достаточно спорными[261].Генрих был сыном Марии Бофорт – правнучки Эдуарда III из рода Ланкастеров, лишенной права наследования[262]. При Эдуарде IV Генрих Тюдор находился в изгнании в Бретани.

В рождество 1483 года Генрих Тюдор заключил договор о браке с Елизаветой Йорк, дочерью Эдуарда IV, а в мае 1485 года начал готовить восстание, а 1 августа 1485 отплыл из Харфлера (близ Руана) в Англию. Генрих отправился к городу Шрусбери и был впущен горожанами.[263]

Для того, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше сторонников как среди знати, так и среди горожан, Генрих заявлял о себе как об избавителе от тирании Ричарда III.

Обращения Генриха VII к своим сподвижникам в период его борьбы за власть и накануне выступлений против Ричарда III, содержащиеся в письмах будущего короля заслуживают особого внимания. Генрих безоговорочно считает Ричарда III узурпатором и убийцей, а также обозначает своей миссией его свержение с трона:

[261] Grummit D. The Establishment of the Tudor dynasty // Companion to Tudor Britain / ed by R. Tittler, N. Jones. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. P. 12-14.
[262] Ibid. P.11.
[263] Штокмар В.В. История Англии в средние века. Указ.Соч. С.128-129.

«Поняв вашу добрую благосклонность поддержать меня для продвижения моих законных притязаний, должного и прямого наследования короны, а также для справедливого лишения власти этого убийцы и противоестественного тирана»[264]. В этом письме Генрих также обличает негативные качества Ричарда III, освещая историю относительно некой Джейн Шор: «Она была любовницей Эдуарда IV и оставалась таковой до смерти этого государя, когда его лицемерный преемник предал ее церковному наказанию в виде покаяния, присвоив предварительно ее драгоценности и посуду, имевшие огромную ценность»[265]. Чтобы унизить своего соперника, Генрих применяет в отношении Ричарда такие обозначения как «противоестественный тиран, убийца», а также характеризует его как подлого « лицемерного» человека, который так несправедливо поступил с женщиной, присвоив ее имущество.

В циркулярном письме своим поданным после битве при Босфорте от 1485 года Генрих VII сообщает о смерти своего противника Ричарда III «король удостоверяет вас, что Ричард, герцог Глостерский, недавно прозванный королем Ричардом, недавно был убит в графстве Лестер, и там был положен открыто, чтобы каждый мог смотреть на него»[266]. Выставление тела на показ – это еще один пример пропаганды. Данный сюжет также освещался в хронике Анонима и рассматривается нами во второй главе настоящего исследования.

Несколько писем Генриха VII, которые написаны в 1487 году мэру и гражданам Уотерфорда, содержат просьбы короля о постоянном докладе новостей в городе, чтобы контролировать ситуацию в отношении Перкина Уорбека[267] (называл себя внебрачным сыном короля Ричарда). Они свидетельствуют о сохранении опасности для власти первого короля из династии Тюдоров, несмотря на окончание династической борьбы.

[264] Под убийцей и тираном, несправедливо властвующим, подразумевается Ричард III. Ibid. P. 162.
[265] Ibid.
[266] Ibid. P.171.
[267]Letters of the Kings of England, vol. 1. Op. cit. P. 173–174.

Письма – это ключ к истории, мощное оружие агитации к своим сторонникам, раскрывающее истинные мотивы участников династической войны, отсутствующие в других видах исторических источников, отражающих события борьбы за власть Йорков и Ланкастеров.

Исследуя письма английских монархов периода Войн Роз, мы сталкиваемся с примерами средневековой пропаганды. Ярко выраженные черты агитации отчетливо проявляются в посланиях двух выдающихся представителей династии Йорков и Тюдоров – короля Эдуарда IV и Генриха VII соответственно. Эти два монарха воспринимали собственную борьбу за корону не иначе как справедливое дело, санкционированное божественным провидением, противопоставляя свои деяния злым начинаниям врагов. Чтобы усилить эффект и морально подавить противника, оба короля прибегают к уничижительным именованиям своих соперников. Так, Эдуард IV называет своего конкурента Генриха VI «названным королем», подчеркивая отсутствие законности его правления, а саму королеву Маргариту Анжуйскую именует «злонамеренной женщиной», стремясь опорочить ее репутацию. Позже Генрих VII в аналогичной манере клеймит Ричарда III прозвищами «убийцы» и «тирана», создавая образ жестокого и беззаконного властителя. Писем самих королей значительно меньше, чем посланий их ближайших сторонников. В письмах, как эпистолярных источниках, наряду с фактическим материалом в большом объеме содержится и субъективная информация – точка зрения самих авторов на происходящие события. Изучаемые письма демонстрируют важность личного участия монархов и их ближайшего окружения в формировании комплекса источников по событиям эпохи Войн Роз. Они выступают своеобразными памятниками пропаганды и приобретают особое значение как свидетельства целенаправленного формирования определенных образов правителей и оправдания их действий перед современниками и потомками.

Изучив письма английских королей – участников политической борьбы, опубликованные в собраниях Д. О. Холливелла и Г. Эллиса, мы можем прийти к

выводу, что основными адресатами были ближайшие сподвижники или потенциальные союзники: шерифы, олдермены, епископы. Также несколько писем являются обращениям к воинам накануне битв и горожанам.

События эпохи Войн Роз отражены в письмах разных королей в разном объеме. Так, практически не говорит о событиях политической борьбы Генрих VI, а в письмах Эдуарда IV, Ричарда III и Генриха VII, напротив, эта тема является преобладающей. Их письма – наглядный пример того, как короли искали поддержку союзников и пытались обрести новых сторонников для укрепления своих позиций.

Примечательно, что исследуемые нами письма королей представляют интерес не только как источник сведений о событиях прошлого, но и как образцы политических коммуникаций своего времени. Часто подобные послания создавались с целью влияния на общественное мнение, формирования положительного образа монарха среди населения и укрепления легитимности власти. Таким образом, письма королей можно рассматривать в качестве примеров политической пропаганды, которая заключалась в подчеркивании права монарха на престол, обосновании справедливости действий и выставлении противника в негативном свете. Так, король одной из династий мог представить себя защитником закона и порядка, борцом за справедливость и единство народа, тогда как соперник изображался как тиран, узурпатор или даже враг веры и традиций. Особенно ярко черты пропаганды проявились в письмах Эдуарда IV Йорка и Генриха VII Тюдора. Оба монарха считали борьбу за свою власть – праведным делом, определенным Божьей волей. В то время, как действия их противников – злодеяниями. Для того, чтобы унизить своих врагов Эдуард IV и Генрих VII использовали определенные наименования, такие как мятежник, узурпатор, названный король – например в отношении Генриха VI, злонамеренная женщина – Маргарита Анжуйская, или же убийца, тиран – в отношении Ричарда III. Короли единогласно воспринимали Войны Роз как очень трудное время, период практически постоянных беспорядков,

при этом видели свою решающую роль в событиях этой борьбы, что отражали в текстах своих писем.

Отражение политической борьбы эпохи Войн Роз в письмах сторонников английских королей XV века

Среди эпистолярных источников, освещающих события Войн Роз можно выделить отдельную группу: письма сторонников королей, которые, безусловно, обладают познавательным потенциалом, поскольку раскрывают намерения и мнения их авторов относительно происходящего. Поводом для написания письма была необходимость сообщить корреспонденту информацию, поэтому основными темами писем периода Войн Роз были перипетии, связанные с политическими катаклизмами.

Широко известными являются три больших собрания писем дворянских семей: переписка семей Пастонов[268], Пламптонов[269], Стоноров[270]. Данные архивы проблематично рассматривать в качестве примеров политической пропаганды, так как династическую войну джентри воспринимали как крайне сложное время, а вопросы престолонаследия они оставляли политической элите. Для джентри королями и королевами были все, кто когда-либо получил корону. Так, например, по утверждению Портнова А.А.: «Пастон спокойно встретил воцарение Эдуарда IV, поскольку уже успел натерпеться от ланкастриан; в письме его брата от 4 апреля 1461 г. новый правитель называется только “нашим государем королем Эдуардом”»[271]. Или же, когда к власти на короткое время пришли Ланкастеры, об Эдуарде IV и его жене в переписке Пастонов по-прежнему упоминается как о

[268] Paston Letters. 1422–1509. Vol. 1 / Ed. by J. Gairdner. London, Exeter, 1904.
[269] Plumpton correspondence: a series of letters, chiefly domestic, written in the reigns of Edward IV, Richard III, Henry VII and Henry VIII / Ed. by T. Stapleton. L., 1839.
[270] Stonor Letters & Papers 1290–1483. Vol. 1–2 / Ed. by C.L. Kingsford. L., 1919.
[271] Портнов А.А. Северо-восток Англии в эпоху Войн Роз (на примере семьи Пастонов) // Genesis: исторические исследования. 2024. № 6. С. 1-15.

короле и о королеве[272]. Также эти письма уже неоднократно становились объектом исследования для зарубежных[273] и отечественных историков[274].

Основная общая коллекция писем пятнадцатого века содержится в сборнике «Оригинальных писем» под редакцией сэра Генри Эллиса, впервые выпущенном в 1827 году[275]. Всего имеется восемьдесят восемь писем. Ко времени правления Генриха VI относится двадцать писем, четырнадцать – к правлению Эдуарда IV. Письма, содержащиеся в сборнике, несут на себе отпечаток своего времени и дают более близкое представление о событиях династической борьбы между Йорками и Ланкастерами, раскрывают мотивы действий участников, а также позволяют пролить новый свет на те аспекты, которые, по мнению исследователей, уже исчерпаны. Уникальность данного комплекса источников в оригинальности собранных документов, опубликованных на латинском, среднеанглийском языках без перевода на современный английский. По мнению самого публикатора: «модернизация этих писем не дала бы никакой пользы: это было бы все равно, что разрушить внешний вид старинного особняка»[276].

Несмотря на немалое количество опубликованных Эллисом писем, к сожалению, лишь только некоторые из них отражают восприятие событий династической борьбы второй половины XV века ее непосредственными участниками – сторонниками королей.

Одно из писем из сборника Эллиса указывает на неспокойную обстановку в Англии в 1450-е годы. Отчет о состоянии Ирландии предоставлен главными лицами графства Килдэйр. В 1451 году Ричард покинул Ирландию, предпочитая свой титул английской короне. В письме, датированном 1454-м годом, адресанты сообщают Ричарду, о беспорядках в графствах Ирландии и мятежниках[277]. Судя по манере

[272] Paston Letters Op. cit.. P. 99.
[273] Richmond, Colin. The Paston Family in the Fifteenth Century: The First Phase. Cambridge: Cambridge Universiyu Press. 1990. 291 p.
[274] Браун Е. Д. Войны Роз: История. Мифология, Историография.-М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с. Портнов А. А. Джон Пастон и Войны Роз // Человеческий капитал. 2022. Вып. 1 (157). С 35-45.
[275] Original Letters, Illustrative of English History by Henry Ellis. Op. cit. P.115.
[276] Ibid.P.117.
[277] Ibid. P.117.

обращения к Ричарду: «Уважаемый и благородный принц и наш милостивый повелитель Ричард герцог Йоркский»[278], его деятельность в Ирландии заслуживала положительной оценки. Потому ирландцы и симпатизировали Белой розе Йорков.

К первому периоду Войн Роз также можно отнести письмо Ричарда, герцога Йоркского жителям Шрусбери от 1452 года[279], отправленное им во время своего похода на Лондон. Для того, чтобы получить расположение горожан и свергнуть герцога Сомерсета, Ричард создает негативный образ Сомерсета, обвиняя в потере войска: «именно, когда он герцог Сомерсет командовал им (войском) и отвечал за него (войско)»[280]. В этом же контексте автор выстраивает следующую причинно-следственную связь: «эта потеря воодушевила врагов короля на победу и их продвижения вперед»[281]. Ричард подчеркивает, что отступление Сомерсета – это «ужасный позор»[282]. Это явная пропаганда Ричарда Йорка в свою пользу. Действительно, в июне 1450 года Сомерсет сдался французским войскам в Кане со своей 4-тысячной армией, окончательно потеряв всю Нормандию, и вернулся в Англию.

Чрезвычайный интерес представляют два письма папского легата Франческо Коппини, составленных на латыни: «Письмо, направленное Ричарду графу Уорику, капитану Кале, Эдварду графу Марчу, Ричарду графу Солсбери и Уильяму Невиллу епископу Терамо, до их участия в экспедиции по свержению короля Генриха Шестого»[283]; а также письмо Генриху VI, в котором легат предлагает свое посредничество между королем и лордами из Кале [284].

Папа отправил Франческо Коппини в Англию в 1459 году и назначил легатом при Генрихе VI в надежде примирить конкурирующие дома, а также поднять Англию на крестовый поход против турок. Познакомившись с Уориком в Кале, папский легат стал защитником и пропагандистом йоркистов. Незадолго до отъезда

[278] Ibid.
[279] Ibid. P.124.
[280] Ibid.
[281] Ibid.
[282] Ibid. P.125.
[283] Ibid. P.82-88.
[284] Ibid. P. 89-97.

из Лондона на север в соборе Святого Павла Коппини зачитал послание Генриху VI, в котором красочно преувеличил «послушание и верность» йоркистов и проклинал их врагов как «слуг и посланников дьявола»[285]. Использование подобных высказываний свидетельствует о пропагандистском характере действий легата.

Он предостерег короля и правительство, предсказав «опасность и разрушение государства» в случае, если они не смогут договориться с Уориком и его союзниками. «Горе тем, кто, подобно глухим гадюкам, закрывает уши, и вам, ваше величество, – писал Коппини, – опасность неминуема и не заставит себя ждать»[286]. Однако, все еще заявляя о стремлении к переговорам, Коппини явно поддерживал дело Йорков в битве при Нортгемптоне.

В течение нескольких месяцев предвыборной кампании, предшествовавшей окончательной победе Эдуарда IV, йоркисты старались привлечь на свою сторону не только народ и лордов Англии, но и зарубежную аудиторию. Граф Уорик в письме Папе 11 января 1460 года по поводу деятельности папского делегата в Англии Франческо Коппини утверждал: «Народ увидит, что наши противники, ежедневно распространяющие ложные слухи – это ложные и неправдивые люди; ибо они презирают вашу власть и власть легата и говорят, что последний не имеет власти и не является легатом»[287].

Уорик расширил данную тему в другом письме, адресованном герцогу Миланскому: «Это [предлагаемый приезд Коппини] посрамило бы злобу наших врагов, которые из-за отсутствия других средств распространяют среди людей тысячи мошенничеств и лжи против власти Папы и Легата»[288].

Эти два письма содержат подтверждение того, что контрпропаганда йоркистов распространялась и за пределами Англии. Они, признавая важность авторитетных представителей из-за рубежа, пытались привлечь их на свою сторону,

[285] Original Letters, Illustrative of English History by Henry Ellis. Op. cit. P.90.
[286] Ibid. P.91.
[287] Calendar of State Papers and Manuscripts relating to English Affairs existing in the Archives and Collections of Venice and in other libraries of northern Italy. Vol. 1. 1202-1509. / ed. by R. Brown. London, 1864. P. 96.
[288] Ibid. P.96.

обличая сторонников Ланкастеров в лживости и непризнании власти законного короля.

Очень интересным агитационным посланием является письмо Герцога Кларенса и графа Уорика из Франции в палату общин Англии, датированное 1470-м годом[289]. В 1469 году брат короля Джордж Кларенс и граф Уорик объединились против Эдуарда IV. Однако последнему удалось подавить восстание и изгнать мятежных родственников во Францию. Уорик, помирившись с Маргаритой Анжуйской, получил легитимный повод вернуться в Англию и, выступая как защитник интересов законного короля Генриха VI, готов был поднять мятеж против своего недавнего суверена «узурпатора» Эдуарда, для чего ему была необходима поддержка в Англии.

Послание Герцога Кларенса и графа Уорика является своеобразным воззванием. Письмо было переслано через верных людей Ланкастеров и обращено к лордам и общинам, сохранившим верность их партии. Целью этого послания являлся призыв к организации вооруженного выступления против Эдуарда IV, которого Ланкастеры считали узурпатором: «мы просим, милостью Божьей и с помощью каждого благожелательно настроенного человека, в кратчайшие сроки собрать максимум наших сил и положить конец лжи и притеснениям, установить порядок и справедливость»[290]. Под порядком и справедливостью понималось установление легитимной власти представителя из династии Ланкастеров. Это обращение представителей дома Ланкастеров выражало глубокое недовольство положением дел в Англии во времена правления Эдуарда IV. Сторонники династии Ланкастеров считали Эдуарда IV незаконным правителем, утверждая, что свою власть он получил посредством обмана и насилия. А в себе они видели защитников законных прав и традиций института королевской власти Англии. Текст письма подчеркивает необходимость восстановления правопорядка и устранения несправедливостей, вызванных правлением Эдуарда IV. Фраза «милостью Божьей»

[289] Original Letters, Illustrative of English History by Henry Ellis Op. cit..P.132.
[290] Ibid. P.133.

укрепляет позицию авторов обращения, представляющих свое дело как справедливое и благородное, одобренное Богом.

Для реализации данной цели адресанты послания использовали различные приемы пропаганды. Свою приверженность прежней династии Уорик и Кларенс доказывают с помощью слов о том, что «стремления, любовь и привязанности, которые, как известно Богу, мы всегда несли, прежде всего, на благо Короны»[291].

В контексте негативной оценки правления Эдуарда IV используется прием преувеличения. По мнению адресантов письма, состояние государства в результате деятельности Эдуарда можно охарактеризовать как: «величайшую боль, обнищание и полное разрушение»[292]. Авторы письма обличают действующую власть Англии в лице Эдуарда IV, указывая на то, что мотивом действий Йорка были «ложные намерения», а сущностью «изощренное притворство», а сам правитель «алчущая и мятежная личность»[293]. Чтобы унизить своего соперника Эдуарда IV, авторы послания определяют его власть как «жестокую и отвратительную тиранию мстительного человека»[294].

Для получения большей степени доверия среди общин и расширения круга своих соратников, Уорик и Кларенс не скромничали в своих обещаниях: «положить конец лжи и притеснениям; обличать и карать тех, кто жаждет этого, в качестве вечного примера для всех остальных; установить порядок и справедливость , чтобы навсегда избавить Королевство от рабства, и сделать его таким же свободным, каким оно было до сих пор»[295]. Тем самым адресанты в очередной раз подчеркивали необходимость свержения «узурпатора» Эдуарда IV, который привел страну в упадок.

Комментарий к письму был дан современным британским ученым Дэвидом Граммиттом, который также отмечает пропагандистский характер послания, с чем мы не можем не согласиться. По мнению историка: «Мятежные бароны сочинили

[291] Ibid.
[292] Ibid.
[293] Ibid.
[294] Ibid. P.134.
[295] Ibid.

открытое письмо, оправдывая в нем свои действия в поддержку Генриха VI не аргументами династической законности, а языковыми штампами 1450-х годов. Они подчеркивали свою приверженность "процветанию короны и защите общего блага в Англии" и по-прежнему размахивали знаменем "воздаяния за сотворенное зло, за неправды и за притеснения бедного люда". Все это, несомненно, было пустой болтовней…»[296] .

Письма сторонников королей – это важный информационный объект, открывающий обстоятельства, отсутствующие в других видах исторических источниках, отражающих события борьбы Йорков и Ланкастеров за власть. Адресатами писем являлись как конкретные личности, такие как Ричард Йорк, граф Солсбери, Эдуард Марч, так и целые группы людей: общины Англии, жители Шрусбери. Также письма показывают применение методов пропаганды различными участниками конфликта для достижения своих целей: привлечение большего количества сторонников и формирование негативного отношения к противнику.

1.3. Пропаганда в актах, речах и петициях английского парламента эпохи Войн Роз

Важное место в династической борьбе эпохи Войн Роз занимал парламент. Для британских монархов получение одобрения со стороны парламента являлось критически важным аспектом укрепления собственной власти, особенно для тех, кто получил престол путем свержения предшественника и нуждался в дополнительной легитимизации своих действий. Поддержка Палаты Общин становилась инструментом подтверждения права на корону. Эта необходимость отразилась в активной практике использования парламента как трибуны для распространения официальной точки зрения и утверждения законов, закрепляющих положение нового монарха. Речи, произносимые на заседаниях

[296] Граммитт Указ. соч. С.143.

парламента, представляли собой важнейшие элементы пропагандистской кампании, направленные на создание положительного имиджа правящего монарха и оправдание насильственного захвата власти, осуществленного им. Такие речи могли содержать утверждения о божественном праве монарха на власть, подчеркивать его добродетельность и заботу о благополучии подданных, обвинять противников в неудачном правлении и незаконных действиях. Таким образом, речи спикеров выступали средством убеждения аудитории, которая должна была принять и поддержать определенную точку зрения. Пропаганда в стенах парламента позволяла создавать иллюзию народного согласия и законности действий короля, находившегося на троне.

Политические деятели того времени признавали важность парламента, по их мнению, он был представлен как институт, необходимый для закона и хорошего правления. Так, Сэр Джон Фортескью подчеркнул, что «законы не являются просто прерогативой королей, а принимаются с согласия всего королевства, тем самым являясь легитимными»[297]. Считалось, что важность парламента возникает из представления о том, что он представляет Англию в целом. Такие утверждения, как «все собранное королевство» в приведенной выше цитате или «согласие всего королевства» в работе Фортескью подкрепляют данную точку зрения.

В период Войн Роз были зафиксированы самые продолжительные вплоть до современности парламентские сессии. Так парламент 1463 года просуществовал, хотя и с перерывом, до 1465 года, а парламент 1472 года проводил несколько сессий в течение четырех лет до лета 1475 года. В ходе династической борьбы также произошел новый виток в истории английского парламентаризма, выразившийся в периодической отмене и задержке отдельных сессий и даже целых парламентов.

В условиях неоднократной смены монархов парламент начал играть более выраженную конституционную роль в содействии династическим переменам.

[297] Fortescue J. On the Laws and Governance of England, ed. Shelley Lockwood, Cambridge University Press: Cambridge, 1997, P. 4.

Подготовленные речи спикеров, отраженные в парламентских записях, выступали как оружие пропаганды для легитимизации власти правящего монарха.

Речи, произнесенные в парламенте, являются пока малоизученной областью пропаганды, возможно, потому, что они их могло услышать очень мало людей. В основном имеются ввиду члены парламента. Речи спикеров были записаны дословно или перефразированы в официальных парламентских списках, но их реальное воздействие было в самом устном выступлении. Своими речами выступающие стремились воздействовать на общественное мнение в интересах своего покровителя – короля.

Влияние этих подготовленных речей на публику зависело не только от поведения оратора (его тона, жестов), но и от содержания самой речи. Во времена повышенной политической напряженности или при предложении спорной меры эти слова должны были быть очень тщательно подобраны и часто записывались для оратора заранее, а позже копировались в списки заседаний парламента[298].

Риторическая техника использовалась для преуменьшения или преувеличения проблем, и предвзятость всегда присутствовала в речи[299].

Как было сказано ранее, парламент являлся влиятельным институтом в стране. Именно возможность законно лишать трона, положения сделала его идеальным местом для фракционной мести в 1450-х годах и династического урегулирования в последующие периоды Войн Роз. Решения, принятые в парламенте, имели силу закона и постоянство, которое уверяло бы преобладающую фракцию в ее собственном превосходстве.

Лучше всего было найти ораторов с политическим авторитетом, которые могли бы использовать свое влияние, чтобы отстаивать даже такие радикальные действия, как, например, лишение короны неспособного монарха и подтверждение притязаний на трон его преемника.

[298] Butt R. A history of parliament : the Middle Ages. London , 1989. P.515.
[299] Ibid. P. 517.

Всего за период Войн Роз с 1455 по 1485 годы было созвано 12 парламентов: Генрихом VI было созвано 4 парламента (в указанных хронологических рамках) Эдуардом IV – 6, Ричардом III – 1.

В рамках данного параграфа мы ставим своей целью охарактеризовать деятельность парламента Англии (принятые на нем решения, произнесенные речи) сквозь призму политической пропаганды. Основное внимание будет уделено характеристике решений, принимаемых на заседаниях парламента, а также содержанию произносимых там речей. Мы попытаемся выявить, каким образом парламентская деятельность способствовала формированию позитивного имиджа правящей элиты и оправданию ее действий, включая насильственный захват власти и репрессивные меры. Благодаря анализу парламентских речей мы сможем выделить ключевые стратегии и техники пропаганды, применяемые в период Войн Роз, продемонстрировать, как политические события и решения парламента интерпретировались и преподносились общественности. А также оценить влияние этих процессов на формирование общественного сознания и укрепление власти монархов.

Парламенты Генриха VI

На начальном этапе Войн Роз две влиятельные группы дворянства боролись за контроль над слабым и неспособным к принятию собственных твердых решений королем Генрихом VI. Основные группировки состояли из сторонников семьи Йорков и приверженцев дома Ланкастеров. Обе фракции использовали интриги, союзы, пытаясь установить свое господство при слабом монархе. На первых этапах конфликта стороны еще не стремились открыто претендовать на полный контроль над волей монарха, а скорее пытались утвердить свое доминирующее положение при дворе и воздействовать на государственные дела через короля. Долгое правление Генриха VI было не лишено политической драмы, и поэтому, неудивительно, что именно оно подарило нам два парламента с необычными наименованиями в Средние века: Парламент летучих мышей 1426 года и Парламент

дьяволов 1459 года[300]. Первый из них выходит за хронологические рамки нашего исследования, поэтому не будет рассматриваться в данном параграфе.

Вероятно, необходимость в пропаганде впервые четко обозначилась в период заседания парламента 1455 года. Герцог Йоркский и герцог Сомерсет встретились в битве при Сент-Олбансе 22 мая 1455 года после более чем пяти лет вражды. Генрих VI поддержал последнего. Сомерсет был убит, Йорк извинился за то, что поднял свои войска против короля, и пообещал в дальнейшем сохранять ему верность. Согласно записям в парламентских списках[301], герцог выразил сожаление по поводу произошедшего конфликта и обещал впредь соблюдать верность своему суверену. Хотя точные слова герцога неизвестны, известно, что он публично поклялся поддерживать короля и отказаться от дальнейших враждебных действий[302]. Это заявление имело важное политическое значение, поскольку оно демонстрировало желание Йорков примириться с домом Ланкастеров и избежать дальнейшего кровопролития. Оно также свидетельствовало о сохранении традиционной феодальной иерархии, согласно которой лояльность нижестоящих дворян по отношению к верховному суверену оставалась приоритетом.

Вступительная речь, в которой имя докладчика не было обозначено, произнесенная в парламенте в 1455 году, была обращена к Палате общин и Палате лордов и представляла собой важный элемент политической борьбы той эпохи. Она была тщательно составлена таким образом, чтобы привлечь симпатии представителей партии Йорков, сторонников Ричарда Плантагенета, герцога Йоркского. Обращаясь одновременно к обеим палатам парламента, докладчик стремился заручиться поддержкой большинства его участников и обеспечить принятие решений, выгодных йоркистам. Лордов заверили, что йоркисты хотят способствовать внутренней гармонии среди знати, а Палату общин – что верность и общее благо всегда будут на первом месте. Речь была произнесена якобы от лица

[300] The English parliament in the Middle Ages / e. d. R.G. Davies, J.H. Denton, Myers, editors. Manchester : Manchester University Press, 1981. P. 152.
[301] RP. vol. V. Op.cit. P. 346.
[302] Butcher R. Propaganda in the Prepared Parliamentary Speeches of 1455–1461. Op. cit. P.39.

самого короля, хотя, без сомнения, ее составили другие[303]. Нет свидетельств о том, кто произнес эту речь. Вероятно, это был канцлер Томас Буршье, архиепископ Кентерберийский или недавно избранный спикер Общин сэр Джон Венлок[304]. Фактически, напрямую, в недвусмысленных выражениях речь возлагала вину за битву при Сент-Олбансе на Сомерсета, Уильяма Джозефа и Томаса Торпа, которые, по-видимому, ввели короля в заблуждение, заставив его думать, что Йорк, Уорик и Солсбери собираются с мятежными намерениями[305]. Джозефа использовали для представления королевского двора, а Торп, который подготовил доводы против Йорка для парламента в январе 1454 года, был личным врагом герцога Йорка и непопулярен в стране.

В первой части речи, от имени Генриха VI, говорилось о намерении Сомерсета, Торпа и Джозефа уничтожить «любимых кузенов» Генриха VI – Йорка, Уорика и Солсбери. По утверждению докладчика, первые «разными способами убеждали и уговаривали [Генриха VI] не доверять кузенам»[306], а также скрывали от него письменные заверения йоркистов в их верности. Подобным образом, Сомерсет, Торп и Джозеф вводили короля в заблуждение и настраивали против Йорка и его сторонников. Мы видим, что первая часть вступительной речи была направлена на дискредитацию оппозиции и обоснование претензий йоркистов. Король якобы сказал, что теперь он знает, что йоркисты чувствовали угрозу со стороны Сомерсета и просто пришли «с лучшей охраной для своей верности»[307]. Эта риторика нацелена на создание негативного образа оппонентов, представление их как лиц, стремящихся обмануть короля и разрушить доверие между ним и теми, кто действительно поддерживает его. Люди Сомерсета предстают трусливыми, лживыми, стремящимися победить своих врагов за счет доброго по своей природе, но легко поддающегося влиянию короля.

[303] Ibid. P.41.
[304] Ibid.
[305] Ibid. P. 42.
[306] RP. vol. V. Op.cit. P. 281.
[307] Ibid. P. 282

В речи упоминался следующий факт: чтобы успокоить короля, Йорк, Уорик и Солсбери написали два письма: одно от 20 мая Томасу Буршье как канцлеру, другое от 21 мая самому Генриху VI. Затем оба письма были зачитаны перед парламентом, чтобы доказать благородные намерения, честность и открытость йоркистов[308].

После подобающе скромных приветствий в первом письме Буршье пытались убедить, что «слух о путешествиях был порожден сомнительными личностями, приставленными к королю»[309]. Архиепископу обещали, что эти рассказы ложны, что у лордов-йоркистов нет мятежных мотивов и они обратились к королю только для того, чтобы присоединиться к нему и другим лордам королевства, чтобы помочь. Риторика, которую партия Бофорта планировала в октябре и ноябре, явно подчеркивала и даже несколько приукрашивала политические проступки Йорка, выстраивая хронологию его предательства по отношению к Генриху VI. Лидеры йоркистов — Ричард Йорк, граф Уорик и граф Солсбери — сочли необходимым обратиться непосредственно к королю и членам парламента, чтобы развеять подозрения и подтвердить искренность своих намерений. Отправив два письма – сначала канцлеру, затем самому Генриху VI, – Йорк, Уорик и Солсбери старались показать свое уважение к монарху и отсутствие враждебных замыслов. Этот акт дипломатии должен был снять напряжение и предотвратить дальнейшую эскалацию конфликта.

Речи, произносимые на заседаниях парламента, записывались клерками в парламентские списки. Очевидно, что более редкие разделы записей происходят из импровизированных обсуждений петиций или речей, перефразированных из-за того, что скорость дебатов не позволяла записывать их полностью. Однако, подготовленные речи, по-видимому, были дословно скопированы из документов, которые читали ораторы, в то время как почти вся сопутствующая дискуссия, отражающая элементы пропаганды, содержалась в самих обсуждениях.

---

[308] Butcher R. Op. cit. P. 43.

[309] RP. vol. V. Op.cit. P. 281. « Наши путешествия» - поход Йорка, Уорика и Солсбери в конце июня 1460 года.

Речи планировались, писались, репетировались и произносились очень тщательно, чтобы не допустить двусмысленности[310]. Процесс подготовки и произнесения речей в парламенте XV века был крайне ответственным и многоуровневым мероприятием, преследующим сразу несколько целей: во-первых, добиться принятия предлагаемого законодательства и убедить людей в его обоснованности; во-вторых, зарегистрировать ход собрания; в-третьих, обеспечить возможность дальнейшего анализа и использования этих материалов как инструмента формирования политического курса.

Наиболее важные подготовленные речи, как правило, открывали заседание, задавая тон тому, что должно было последовать далее, хотя некоторые из них были петициями, поданными после начала работы парламента.

Более ярко пропаганда отразилась в рамках краткосрочного парламента, заседавшего в Ковентри с 20 ноября по 20 декабря 1459 года, получившего название «Парламент дьяволов», который ознаменовал решающий момент в Войнах Роз. Режим Ланкастеров, находившийся на политическом подъеме после разгрома лордов-йоркистов в Ладфорд-Бридже, прибег к крайней мере: парламентским актом фактически он объявил о полном разгроме своих врагов и присоединил их обширные земли к короне[311]. Акт не только вызвал широкую симпатию к йоркистам, но и оправдал самого герцога Йоркского.

В петиции 1459 года говорилось, что «несмотря на прощение короля и возобновление их клятв, три лорда-йоркиста... лживо и предательски сговорились и искали время и средства для достижения их необузданной воли и желания уничтожения Вас, суверенного лорда, королеву нашу суверенную леди и ваше наследника»[312]. Перед нами яркие эпитеты, цель которых показать соперников короля в негативном свете. Необходимо было убедить, что оппозиционная фракция была жадной, вредной для процветания и безопасности всего королевства. Это явная пропаганда, направленная на очернение репутации и действий противника.

[310] Butcher R. Op. cit. P. 46.
[311] Евсеев В. А. Указ.соч. С. 133.
[312] RP. Vol. V. Op.cit. 348.

На протяжении всей петиции язык читается как драма, выражающая презрение к йоркистам и превозносящая Генриха VI – человека, которого они намеревались свергнуть. Это явный прием Ланкастерской пропаганды, которая имела своей целью лишения Йорка, Уорика, Солсбери, Марча и других не только прав и владений, но и чести и достоинства.

Генрих VI же представлен в речи как взявший на себя роль героического короля[313], что маловероятно, учитывая особенности характера и поведения этого монарха в подобных ситуациях. Напротив, Йорк представлен с негативной стороны. Согласно тексту речи, он пытался собрать армию обманным путем, используя ложные утверждения о смерти короля и обещания вознаграждения [314].

Петиция, представленная в парламенте 1459 года, стала основой для лишения прав врагов короля и являлась образцом ланкастерской пропаганды. Йорк, Уорик и Солсбери были представлены как люди, которым король сделал щедрые подарки, но они жаждали большего, желая посадить Йорка на трон.

Петиция, направленная мятежниками в парламент в 1459 году, содержала требование расширить полномочия Ричарда Плантагенета герцога Йоркского в управлении государством. Хотя формально речь шла лишь о предоставлении ему большего влияния в государственных делах. В петиции говорится, что Йорк, вновь столкнувшись с сопротивлением, решил открыто выступить против Генриха VI и решил «достичь своей цели силой»[315]. Данная фраза доказывает, что ранее Ричард действовал осторожно, пытаясь повлиять на членов парламента через переговоры и законодательную инициативу. Теперь он принял решение перейти к решительным открытым действиям. Таким образом, фрагмент цитаты из петиции обозначает переход от попыток мирного решения вопроса к открытой конфронтации с Генрихом VI.

Ланкастерцы стремились подорвать популярность йоркистов, показывая общественности, в том числе членам Палаты общин, что любая поддержка, оказываемая герцогу Йоркскому, является серьезным нарушением закона, а также

[313] Ibid. P. 346.
[314] Ibid.
[315] Ibid. P. 348.

противоречит нормам морали. Их цель заключалась в том, чтобы создать негативное восприятие лидеров противоположной «партии», представляя их действия как посягательство на государственные устои и неприкосновенную власть монарха. Такой подход должен был способствовать ослаблению общественной поддержки йоркистов и укрепить позиции партии Ланкастеров.

Арест Ричарда Йорка в Дартфорде в 1452 году стал публичным унижением, после которого он принес торжественную клятву перед общиной в соборе Святого Павла «не давать никаких указов или не создавать никаких собраний из ваших людей без вашего [королевского] приказа»[316]. Эта клятва представляла собой акт покаяния предателя перед королем и была зачитана парламенту 1459 года для того, чтобы в дальнейшем показать, что Йорк не должен был делать еще один неправильный шаг, но в последствии его сделал, за что должен поплатиться.

Речи, подготовленные для заседаний Парламентов в 1455 и 1459 годах, должны были продемонстрировать, что осуждаемые оппоненты пытались утвердить неправомерный контроль над Генрихом VI, даже «намеревались… уничтожить его»[317]. По мнению Джона Ландера, именно тогда возникла новая форма коварной и циничной пропаганды. Она стала характерна для партии Йорков. Историк утверждал, что «родилась новая, подлая, порочная нота йоркистской пропаганды»[318].

Интересно сравнить отчеты о битве при Сент-Олбансе, представленные в парламентах 1455[319] и 1459[320] годов: первый рассказывал об оборонительных, лояльных мотивах, второй – о мятежных, предательских мотивах. Отчет 1459 года больше сосредоточен на нанесенном ущербе и подробно описывает рану Генриха от стрелы, смерть Сомерсета, лорда Клиффорда и графа Нортумберленда, а также грабеж и разграбление людей короля йоркистами[321].

[316] Ibid. P. 348.
[317] Butcher R. Op.cit. P. 39.
[318] Ландер Дж.Р. Указ.соч. С. 68.
[319] The Statutes of the Realm of England. P. 369
[320] RP. vol. V. Ibid. P. 348. Речь идет о короле Генрихе VI
[321] Ibid. P. 346.

Отчет 1455 года не упоминал эти факты. В сравниваемых отчетах имеются и некоторые сходства. Оба документа выражали сомнения относительно верности тех, кого после битв подвергли наказаниям.

Язык петиции в 1455 году был предвзятым, прежде всего к Йоркам, но в целом сдержанным – объяснение мотивов йоркистов было лишь с намеком на месть, а не открытым обвинением. В 1459 году стиль изложения был несдержанным, что проявилось в открытом осуждении влиятельных четырех дворян и их последователей. Пропаганда сторонников Генриха VI достигла своей цели в лишении Йорка, Уорика, Солсбери, Марча и других прав и владений.

При сравнении парламентских петиций 1455 и 1459 годов важно подчеркнуть, что риторика 1459 года отражает значительное усиление агрессивной линии пропаганды, свидетельствуя о завершении периода попыток мирного урегулирования конфликта. В петиции, адресованной парламенту в 1459 году легитимность состава самого парламента 1459 года представлена как крайне сомнительная: утверждается, что «многие рыцари и представители городов были избраны в парламент без свободы выбора», и подчеркивается, что «в последнем парламенте, состоявшемся в Ковентри, было мало актов или постановлений, принятых на благо королевства»[322]. В конце петиции и вовсе заявлялось, что парламент и все принятые им постановления потеряли юридическую силу и значимость[323]. Статут данного парламента в большей степени показывает незаконность созыва «Парламента Дьяволов», следовательно и принятых им решений. Указывается, что выборов в него в действительности не проводилось, а многие депутаты были назначены лидерами ланкастерской партии: «таковой парламент был созван необоснованно … вопреки порядку, установленному королевскими законом и привилегиями общин сего королевства»[324].

В период между заседанием парламента 1455 года и парламентом 1459 года конфликт между Йорками и Ланкастерами значительно обострился. Обе фракции

[322] Ibid. P. 348.
[323] Ibid. P.
[324] Statutes of the Realm of England. Op. cit. P.379.

стали активнее применять пропагандистские средства для укрепления своей позиции перед обществом и парламентом. Что и проявилось в дальнейших действиях противоборствующих династий.

В июне 1460 года три лорда йоркиста, укрывшиеся в Кале, высадились в Кенте, далее они последовали в Лондон. Йоркисты захватили короля в Нортгемптоне в июле[325]. Пока королева Маргарита и Генри Бофорт собирали войска на севере, граф Уорик, действуя от имени короля, издал распоряжение о созыве парламента в Вестминстере 7 октября. [326]. Это дало время герцогу Йоркскому, который еще не принимал участия в кампании 1460 года, прибыть из Ирландии. После поражения армии сторонников Ланкастеров в битве при Нортгемптоне в июле 1460 года Ричард, герцог Йоркский, вернулся в Лондон и сделал решительное заявление, которое вошло в историю как отказ от прежнего компромисса. Ранее он ограничивался требованием стать регентом и преемником короля Генриха VI, а теперь прямо заявил о своем праве занять английский трон, считая себя истинным наследником. Таким образом, борьба за контроль над Генрихом VI превратилась в борьбу за саму корону Англии.

Парламент открылся за два дня до прибытия Ричарда Йорка в Лондон, все было готово «для мести за оккупантов Ковентри». Речь Палаты общин была представлена 7 октября и адресована королю с просьбой о том, чтобы парламент Ковентри «был признан недействительным»[327].

Первая речь в парламенте 1460 года, до того, как Йорк неожиданно заявил о своих притязаниях на трон, отражала желание отомстить инициаторам созыва предыдущего парламента. В каком-то смысле Йорк доказал, что риторика парламента 1459 года не ошиблась в своих опасениях относительно угрозы Йорков для династии Ланкастеров. Официальная тема лояльности Генриху VI была резко

[325] Butt Ronald. A history of parliament. Op. cit. P.565.
[326] Ibid. P.566.
[327] Ibid.

изменена на обвинения в неспособности к правлению и разрушению королевства из-за его бездействия.

Было приведено множество причин, доказывающих незаконность власти Генриха VI и всей династии Ланкастеров, а также ненадлежащее исполнение им своего долга перед королевством как монарха. В данном случае и понадобилась пропаганда. Петиция для парламента 1460 года начиналась с рассказа о том, как сторонники королевы (а не сам король!) по двум причинам созвали парламент в Ковентри. То обстоятельство, что действовали соратники королевы, а не сам монарх также можно рассматривать как пропагандистский прием, который с одной стороны, показывает Генриха VI как несостоявшегося правителя, а с другой оправдывает его, перекладывая всю вину на других людей. По мнению авторов петиции, первостепенная причина созыва парламента заключалась в том, чтобы «уничтожить определенных… истинных лордов»[328], на которых ланкастерцы смотрели с «великой злобой, ненавистью»[329]. В качестве второй причины указывалось желание сторонников Ланкастеров захватить земли йоркистских лордов[330]. Подобная оценка подчеркивает контраст между добродетельными союзниками Йорка и мелочными, завистливыми сообщниками королевы, использующими парламент не ради общего блага, а исключительно ради личной выгоды.

9 октября 1460 года герцог Йоркский вошел в столицу в присутствии лордов и намеревался занять трон. Этот жест не был принят положительно частью аристократии, поэтому он решил сделать официальное заявление. Несмотря на то, что в нем отсутствовали резкие обвинения и было мало оскорблений, это был провокационный пропагандистский материал. В нем утверждалось, что: «Йорк является законным наследником Ричарда II, который был свергнут Генрихом IV в

[328] RP. vol. V. Op.cit. P. 374.
[329] Ibid.
[330] Ibid.

1399 году»[331]. Таким образом законность власти не только самого Генриха VI, но и всей ветви Ланкастеров ставилась под сомнение.

Как мы можем заметить, пропаганда была необходима в парламентских речах из-за фракционной природы политической обстановки в предыдущие пять лет. Вероятно, Йорку поначалу она и не была нужна, поскольку он апеллировал к закону, а не пытался заручиться поддержкой лордов и народа в целом. Ричард Йорк, видимо, считал, что если парламент признает его право на трон законным, то поддержит в любом случае. Поэтому он, решил, что для его заявления нет необходимости в агитационной пропаганде[332]. Другой причиной отсутствия пропаганды в данном контексте была законная, праведная природа парламентов в XV веке, которые созывались ради блага короля, королевства и правосудия[333]. Фракционная борьба превратилась в династическую войну, и у йоркистов было больше поддержки, чем раньше.

Ричард Йоркский погиб в битве при Уэйкфилде в 1460 году, его 18-ти летний сын Эдуард встал во главе йоркистов. Главным союзником Эдуарда являлся Ричард Невилл, граф Уорик – «делатель королей». После победы в битве при Мортимерс Кросс 2 февраля 1461 года Эдуард и Уорик объединились, вошли в Лондон и захватили в плен Генриха VI. В битве при Таутоне 29 марта 1461 сторонники Ланкастеров потерпели поражение. Генрих VI, Маргарита Анжуйская и их сын бежали из страны. В июне 1461 года Эдуард IV Йорк стал королем Англии[334]. Его первостепенной задачей стало укрепление своего положения, чего можно было добиться посредством поддержки участников парламента.

Парламенты Эдуарда IV

В среду 4 ноября 1461 года в Вестминстере открылся первый парламент Эдуарда IV. Собрание было организовано для официального подтверждения смены правящей династии. Необходимость такого шага была обусловлена соглашением,

[331] Ibid. P. 375.
[332] Gaunt Sarah K. English Political Propaganda. Op. cit. P.112.
[333] Butt Ronald. A history of parliament. Op. cit. P.568.
[334] Штокмар В.В. История Англии в средние века. Указ.Соч. С.107-109.

принятым предыдущим парламентом около года назад. Вступление Эдуарда IV на престол в марте 1461 года было подтверждено в ходе специально созванного собрания. При этом последний парламент Генриха VI, который состоялся осенью 1460 года, так и не был официально распущен. Более того, новый король обосновывал свое право на трон тем фактом, что Генрих VI нарушил соглашение, достигнутое в 1460 году, воссоединившись со своей супругой и сыном после битвы при Сент-Олбансе в середине февраля 1461 года[335].

Эдуард IV в отличие от Генриха VI был человеком значительного обаяния, умеющим расположить к себе. Ему удавалось взаимодействовать с Палатой общин, а его выступления звучали настолько убедительно, что именно его «голос» считается одним из первых среди английских королей, сохранившимся достоверно в речах, произнесенных в парламенте[336]. Эти речи не только наглядно демонстрировали выдающиеся способности Эдуарда как оратора, но и подчеркивали, что умелая пропаганда в парламенте играла ключевую роль. До периода правления Эдуарда IV записи выступлений королей носили преимущественно обезличенный характер. Обычно фиксировались лишь отдельные формулировки, зачастую передаваемые косвенно и на нормандском, французском или латыни[337]. Политические высказывания обычно делались канцлером или другими министрами от имени короля. Однако Эдуард IV несколько раз был охарактеризован как человек «говорящий легко и красноречиво на национальном языке, сочетающий королевскую власть с фамильярностью и авторитет с убедительностью»[338]. После долгих лет наблюдений за тем, как король Генрих VI подвергался манипуляциям со стороны других и поддавался на них, лорды и общины не могли не оценить решительность молодого амбициозного короля.

[335] Butt Ronald. A history of parliament. Op. cit. P. 570.
[336] Ibid.
[337] Ibid. P. 571.
[338] Ibid. P.568.

23 мая 1461 года Эдуард IV объявил о намерении созвать новый парламент, который должен был поддерживать политику династии Йорков. Первоначально парламент был созван на заседание в июле 1461 года, всего через несколько недель после коронации. Однако необходимость сломить все еще проявлявшее себя сопротивление Ланкастеров заставила Эдуарда IV покинуть столицу, отправиться в путь через южные части королевства в Бристоль. Вследствие этого открытие парламента было отложено[339].

Первый парламент, созванный новоиспеченным королем, начал работу в ноябре 1461 года. Одной из ключевых тем для обсуждения стало рассмотрение правовых актов, принятых при предыдущей династии, с целью определить, какие из них следовало сохранить и в эпоху правления Йорков, а какие – отменить[340].

Йоркисты численно доминировали в Палате лордов в этом Парламенте, хотя присутствовало и несколько сторонников Ланкастеров.

Важные речи были произнесены спикером Палаты общин Джеймсом Стрэнджэйсом. Они были адресованы королю и содержали множество похвал. Джеймс Стрэнджэйс (близкий родственник семьи Невиллов) произнес особенно длинную речь от имени Палаты общин, в которой он поблагодарил Бога за победы Эдуарда. Сам король также был удостоен хвалебных речей за «доблесть и мужество» в искуплении королевства от мятежников[341].

Подводя итог недавним событиям, Стрейнджэйс говорил о прискорбной смерти отца Эдуарда IV – Ричарда Йорка: «Скорбь и горечь, вызванные смертью этого благородного и прославленного принца [Ричарда Йорка], прочно укоренились в вашей почтенной и светлой памяти.»[342]. Он вспомнил зверства, причиненные армиями «бывшей королевы Англии» [343], имея ввиду Маргариту Анжуйскую и ее продвижение на юг. Также оратор обратил внимание, что «Эдуард отбросил всю

[339] Портнов, А. А. Политическая Борьба Эпохи Войн Роз.Указ Соч. С. 95.
[340] Евсеев, В.А. Политическая борьба эпохи войны Роз в законодательстве английского парламента. Указ. Соч. С. 134.
[341] Butcher R. Op.cit. P. 50.
[342] RP. vol. V. Op.cit. P. 466.
[343] Ibid.

усталость и пришел на помощь Лондону и одержал великую победу при Таутоне»[344]. Здесь отчетливо проявляется элемент пропаганды, используемый для усиления положительного образа Эдуарда IV и оправдания захвата власти Йорками. Упоминание трагедии гибели Ричарда Йорка призвано вызвать сочувствие аудитории и ассоциировать смерть родителя с мученичеством и жертвой. Затем спикер похвалил короля за его рыцарскую храбрость, мудрость и «красоту персоны, которую Всемогущему Богу было угодно послать ему»[345]. Отметив, что Эдуард был призван Богом для управления страной в силу своего естественного происхождения, спикер закончил речь мольбой к нему «проявить доверие к людям с опытом, которые поддерживали возвращение его короны, а также другим достойным людям»[346]. Наряду с тем, оратор настоятельно просил новоиспеченного короля «уничтожить всех преступников, виновных в вымогательстве, убийствах, изнасилованиях, беспорядках и других правонарушениях»[347].

Данная речь наполнена различными приемами пропаганды, такими как преувеличение действий короля по спасению Англии и опасности, исходившей от его врагов, сравнение смелого и благородного, призванного богом Эдуарда IV и неспособного узурпатора Генриха VI, сопоставление сподвижников монархов по аналогии с самими королями. Все эти указания преследовали лишь одну цель: сформировать положительное отношение к представителю новой династии и подтвердить его право на корону.

В речах к парламенту Йорка восхваляли как «великого короля, правого, могущественного принца» и подчеркивали «добродетельную преданность в стремлении к законности, несмотря на горе, вызванное смертью его отца»[348]. Набожность и забота об общем благе указывались в качестве мотивации Эдуарда IV при его приходе к власти[349].

[344] Ibid.
[345] Ibid.
[346] Ibid.
[347] RP. Vol. V. Op.cit. P. 462.
[348] Ibid.
[349] Ibid.

Сам Генрих VI впервые подвергся критике в парламентской пропаганде. В речах к парламенту подчеркивалось, что он пытался препятствовать наследственному праву дома Йорков на престол и допустил «вымогательство, убийство, изнасилование, пролитие невинной крови, бунт и неправедность» [350] во время своего правления.

Основные цели первого парламента, созванного представителем новой династии, были следующие. Во-первых, признание того, что Эдуард был королем по праву наследования (а не по парламентскому указу). Во-вторых, повторное объявление власти Генриха VI незаконной, а также подтверждение того факта, что династия Ланкастеров узурпировала трон в 1399 году и нахождение на троне ее представителей – незаконно. В-третьих, аннулирование компромисса, который позволял Генриху VI сохранить корону.

Поэтому пропаганда Йорка полностью соответствовала выше сформулированным целям. Новый король Эдуард IV утверждал, что именно правление Генриха VI и его предков, а не фракции из представителей знати навлекло на страну разорение и войну.

Петиция, имевшая пропагандистскую окраску, была немедленно представлена от имени Палаты общин. В законопроекте снова повторялось о передаче короны Эдуарду по праву наследования. А также упоминались пленение, низложение и убийство Ричарда II и впоследствии изгнание законной линии в 1399 году. Данное событие рассматривалось в качестве причины «преследований, наказаний и бедствий»[351], «которые с тех пор претерпела Англия и «которых не было ни в одном другом королевстве»[352]. Таким образом, парламентские петиции поднимали тему узурпации законной власти Ричарда II его двоюродным братом Генрихом IV Ланкастером, что стало причиной бедствий, поразивших королевство. Мы вновь сталкиваемся с использованием такого приема пропаганды, как преувеличение несчастий, которые настигли страну в результате свержения законного монарха.

[350] Ibid.
[351] RP. Vol. V. Op.cit. P. 466.
[352] Ibid.

В петиции далее содержалось требование, чтобы корона признала недействительными дарение ланкастерцами замков, земель, имущества, ренты. Однако, принимая законопроект, новый король сделал это «с определенными умеренностями и исключениями»[353]. Нет никаких оснований сомневаться в том, что в этом осторожном примирении можно было увидеть руку самого Эдуарда и проявление его продуманной политики. Сохраняя индивидуальные права большого числа людей, которые получили их от Ланкастеров, король стремился избежать приобретения новых врагов. Затем парламент подтвердил отмену арестов, наложенных на йоркистов в Ковентри, и арестовал за измену сторонников Ланкастеров, которые сопротивлялись притязаниям йоркистов. И снова это было сделано официально инициированным законопроектом, представленным Палатой общин.

Часть декларации титула нового короля представляла собой отрицание права на корону трех монархов династии Ланкастеров: Генриха IV, Генриха V и Генриха VI, а также последующее признание недействительными актов, изданных этими королями.

Сторонники Генриха VI не были допущены в этот парламент, что облегчило законодательную деятельность для Эдуарда IV[354] и дало ему возможность использовать этот орган для реализации своих интересов, в том числе с помощью пропаганды.

В первую очередь, как мы видим, подчеркивалось, что Йорк не хотел нарушать мир или разрушать королевство, а ставил благополучие своих подданных выше личной выгоды. Это выглядело как очень благочестивый поступок. Генрих VI же был изображен как никогда не желавший придерживаться Акта согласия, вместо этого спровоцировав «окончательное разрушение, убийство и смерть»[355]. Генрих VI, как было показано, нарушая условия Акта согласия зашел так далеко, что вступил в союз против Эдуарда с Шотландией – традиционным врагом Англии.

---

[353] Ibid.
[354] Ross, Charles. Rumour, Propaganda and Popular Opinion During the Wars of the Roses. P.21.
[355] RP. Vol. V. Op.cit. P. 466.

Действия Генриха VI, как человека, неспособного к управлению королевством, оправдывали Эдуарда IV как более подходящего кандидата, в дополнение к предшествующему наследственному праву, о котором так рьяно говорили во время заседания. Важно было подчеркнуть, что Эдуард IV принял королевский титул только после того, как Генрих нарушил Акт согласия.

Признание предыдущим парламентом притязаний Ричарда Йоркского было отменено и заключенный им договор, позволяющий Генриху VI сохранять корону пожизненно ради мира в королевстве, был объявлен нарушенным и аннулированным Генрихом посредством убийства Ричарда Йоркского, который был защищен законом[356]. Поэтому Эдуард был объявлен освобожденным от договора. Генрих VI, как оказалось, вовсе не был свергнут, поскольку считалось, что он никогда и не был законным королем.

А. Р. Майерс заметил, что законопроекты об опале, представленные в этом парламенте, были первыми, которые были так точно сформулированы, что в них не допускались изменения условий со стороны Палаты общин[357]. К тому же, Генрих VI был тем, кого нужно было основательно оклеветать; хотя он и не был виновен в разжигании конфликтов 1450-х годов, но его обвиняли в них. Теперь, когда Эдуард IV стал королем, все неудачи Генриха VI можно было отнести к узурпаторскому правлению всех Ланкастеров и обещаниям лучшего будущего, предлагаемого обновленной династией Плантагенетов в лице Йорков. Если право Йорка на престол считалось столь неотчуждаемым, было бы благоразумно объяснить, почему требования герцога Йоркского не были выдвинуты в полном объеме в предыдущем году и почему он заключил соглашение 1460 года с Генрихом VI, которое фактически поддержало узурпатора. Данную миссию и выполняла пропаганда, проявления и приемы которой рассматривались нами выше.

Эдуард лично обратился к Палате общин. Это было первое сохранившееся высказывание короля, которое можно разумно назвать «королевской речью» в

[356] Портнов А.А. Политическая Борьба Эпохи Войн Роз в Свете Английского Парламентского Законодательства. С.95.
[357] Myers. Parliament 1422-1509. Op. cit. P. 180.

парламенте. В своей речи король подчеркнул наследственную законность своей власти: «мои предки имели любовь к короне этого королевства и теперь я восстановлен в том, что является моим правом и титулом»[358]. Затем Эдуард выразил Палате общин свою признательность за память о трагической смерти его отца и брата, пообещал быть таким же хорошим сувереном, как и любой из его предшественников, и поблагодарил их за любовь и помощь. Король закончил речь словами: «И если бы я мог наградить вас чем-либо большим, нежели собственное тело, которое всегда готово встать на вашу защиту, никогда не жалея сил и не уклоняясь от опасностей, я прошу вас сохранять ваше рвение и доброту ко мне, вашему истинному и искренне любящему сеньору»[359]. Эдуард IV предстает в своей речи как истинный король – слуга своего народа, готовый пожертвовать собственной жизнью ради всеобщего блага.

Таким образом, парламент 1461 года дает важное представление о пропагандистских посланиях сторонников Йорков и самого короля. Основные цели заключались в том, чтобы очернить линию Ланкастеров, подчеркнуть их деструктивное поведение и способствовать утверждению законных прав Эдуарда IV и всей династии Йорков на корону.

С точки зрения того, как расположены различные строки пропагандистских текстов, клевета в сторону Ланкастеров возникла еще до притязаний Эдуарда IV: «в то время как королева Маргарита, ее сын Эдуард, герцоги и другие лорды, стоящие выше ее, приезжают из северной части вашего королевства, разрушая и портя все на своем пути, нарушают права служителей, растлевают и оскверняют религиозные обряды, выступают в роли тиранических существ, что ведет к разрушению вашего мира, испытывающего на себе их жестокое насилие»[360]. В данном высказывании присутствует ряд элементов пропаганды. Во-первых, преувеличиваются негативные последствия действий Маргариты и ее сподвижников. Во-вторых, делается акцент на нарушение религиозных канонов и

[358] Ibid. P. 181.
[359] RP. Vol. V. Op.cit. P. 466.
[360] Ibid. P. 462.

уничтожение спокойствия в государстве представителями династии Ланкастеров. В-третьих, ввыражения вроде «разрушение», «осквернение» и «насилие» служат для возбуждения чувства страха и негодования среди населения и создают впечатление полной деградации и упадка, якобы обусловленных действиями противника.

Следовательно недовольство подобными действиями со стороны королевы Маргариты побудило организовать пропаганду против нее еще до того, как это сделал сам Эдуарда IV.

Приведенный выше отрывок представляет собой практически готовый шаблон для тех обвинений, которые можно было бы выдвинуть против своих династических оппонентов: разрушение страны, осквернение, насилие итп. Зачастую в подобных речах указывались мотивы подобных действий соперников. Как правило, это были не благие цели, а алчность, желание власти и т.п.

Риторика сыграла свою роль в обеспечении суждения парламента о том, что Эдуард IV начал свое правление на законных основаниях, а короли из династии Ланкастеров были узурпаторами в отличие от Йоркской ветви Плантагенетов. Поэтому сами Ланкастеры и все, кто их поддерживал, должны быть наказаны по справедливости. Было важно подчеркнуть, что Эдуард был первым королем, которого можно было назвать «правильным», «настоящим», «законным» правителем.

Несомненно, первый парламент молодого короля Эдуарда IV Йорка, ставящий своей целью признание легитимности его власти, включал в себя разные элементы пропаганды.

Второй парламент Эдуарда IV сначала должен был быть созван в Йорке в феврале, затем перенесен в Лестер в марте, но собрался в Вестминстере только 29 апреля 1463 года и заседал до марта 1465 года. Возможно, это означало, что нелояльные к Йорку представители вернулись в парламент. Новые выборы собрали достаточно «послушный» парламент для Эдуарда[361].

[361]Myers. Parliament 1422-1509. Op. cit. P. 183.

При этом второй парламент Эдуарда IV не имел яркой пропагандистской направленности, его целью было упорядочивание системы налогообложения и получение королем денежных средств на военные действия. В частности, самым важным актом было предоставление Эдуарду пожизненной субсидии на шерсть. Хотя король уже начал собирать пошлины по собственной инициативе. Это обеспечивало надежную основу для финансовой независимости, которую начал выстраивать для себя Эдуард IV.

Сразу после выборов спикера в парламент 1467 г. , которым снова стал Джон Сэй, король произнес знаменитую речь, в которой он обещал жить за счет собственных доходов, за исключением случаев, когда защита королевства заставляла его обращаться в Палату общин за деньгами: «Джон Сэй, и вы, господа, обратитесь в этот мой суд парламента для общего дела моего королевства. Причина, по которой созван нынешний парламент – мое намерение не обвинять моих подданных, а жить за счет своего имени, но в больших и срочных делах, касающихся больше их собственного блага, а также защиты их и этого моего государства, просить помощи. Не для моего собственного процветания!»[362]. Этими словами король стремится доказать, что в ходе своего правления намерен действовать исключительно в интересах государства, а не своих собственных. Он сердечно благодарил присутствующих на заседании парламента за их добрую волю, доброту и верные сердца, обещал быть добрым и милостивым королем, не щадя своей жизни при возникновении любой опасности, которая могла бы случиться[363]. В данном случае пропаганда снова отражена через высокие обещания: «не щадя себя», «править на благо своей страны и народа». Подобные обещания король давал и на заседании первого своего парламента.

В конце 1467 года до Эдуарда IV дошли слухи, что Уорик стал вести переговоры с Маргаритой Анжуйской. В связи с данными обстоятельствами король, возможно, теперь стремился найти опору в лице бывших противников, из числа

[362] RP Vol. V. Op.cit. P. 498 -499.
[363] Ibid. P. 501.

которых происходила и его супруга Елизавета Вудвилл. Изменение политики Эдуарда IV было отражено и в других источниках: хрониках, письмах королей. Этот аспект уже был рассмотрен нами ранее. Тенденция на «примирение» с противником нашла продолжение в статуте 1467 года, по которому Эдуард IV частично вернул конфискованные земли их бывшим владельцам, даже тем, кто воевал против него и его отца на стороне Генриха VI. Единственное исключение из этого статута отводилось землям, которые в результате конфискации стали собственностью короля[364].

Летом 1469 года граф Уорик арестовал короля Эдуарда IV и попытался использовать его в качестве марионеточного короля, при котором сам будет править. С этой целью он созвал парламент в Йорке. Возникает вопрос, как бы он обосновал фактическое свержение Эдуарда IV? Наверняка для воздействия на мнение участников парламента были бы применены уже известные средства пропагандистской направленности. Однако предполагаемый парламент не смог собраться, ибо король сбежал от своих «тюремщиков». Парламент был отменен всего за несколько дней до его открытия[365].

В сентябре 1470 года Уорик, Кларенс, Джаспер Тюдор и граф Оксфорд высадились в Дартмуте с войсками, оплаченными королем Людовиком XI, и немедленно объявили себя сторонниками короля Генриха VI. Эдуард IV был застигнут врасплох. Англия пала перед Уориком, Генрих VI снова стал королем.

Парламент Генриха VI, 1470–71 гг.

26 ноября 1470 года в Вестминстере собрался парламент, который должен был подтвердить реставрацию Ланкастеров[366]. Указ о его созыве был издан от имени Генриха VI, который был освобожден из Тауэра, объявлен восстановленным на троне и помещен во дворец епископа Лондона около собора Святого Павла всего за несколько недель до этого[367].

[364] Евсеев В. А. Указ. Соч. С. 136.
[365] Там же.
[366] Праздников, А. Г. Английское общество в период реставрации Генриха VI (1470 - 1471 гг.) / А. Г. Праздников //Вопросы истории.2010.N. 10.С. 163.
[367] Там же.

Однако какие решения принял этот парламент во многом остается неясным. Хотя записи решений спорных парламентов времен Войн роз сохранились, парламентский список для ассамблеи 1470-1471 гг., к сожалению, по-видимому, не был составлен, либо был уничтожен[368].

Тем не менее, восстановленный режим был крайне ненадежен. Поэтому, в отличие от 1461 года, когда большое количество сторонников Генриха были признаны виновными в измене, вполне вероятно, что в 1470 году любой акт лишения прав оставался бы ограниченным и смягченным обширным количеством оговорок. Прежде чем Палата лордов и Палата общин разошлись на Рождество, оставалось еще одно заключительное дело: король объявил о всеобщем помиловании, доступном всем желающим. И в последующие четыре месяца было выпущено более 300 экземпляров указа о помиловании[369].

Как и «последний» парламент Генриха VI 1460 года ассамблея 1470 г. никогда не была формально распущена, а просто разогнана в конце марта или начале апреля, когда Эдуард IV приближался к Лондону. Фактически его рассматривали как незаконный парламент и его акты были отменены «постфактум» в 1478 году.

В марте 1471 года Эдуард IV прибыл в Англию с бургундскими кораблями и небольшими силами для вторжения, высадившись в Йоркшире. Он был вынужден сначала сказать, что он прибыл только для того, чтобы заявить права на свое собственное герцогство. Город Йорк поддержал его. Армия Эдуарда IV быстро увеличивалась, по мере его продвижения к Лондону. Теперь Йорк открыто заявлял, что он пришел, чтобы вернуть трон Англии, не ограничиваясь лишь частью земель.

В октябре 1472 года Эдуард собрал свой первый парламент после временного изгнания и возвращения в Англию. Это был самый длинный парламент, когда-либо проводившийся в Англии. Он длился семь сессий с перерывами и растянулся более чем на два года. Ни один будущий парламент не заседал так долго, до парламента Генриха VIII для проведения Реформации. В целом парламент Эдуарда, созванный

[368] Butt Ronald. A history of parliament. Op. cit. P.592.
[369] Ibid. P.594.

в 1472 году, заседал более 100 дней. Его главной темой было обеспечение деньгами военных действий. Что и было выражено в речи, произнесенной в ходе открытия заседания парламента. Более агрессивная внешняя политика короля была ясно обозначена спикером (возможно, канцлером Робертом Стиллингтоном) как необходимая в самом начале парламентской речи. Он осудил Людовика XI и говорил об опасных и незаживающих ранах недавних гражданских распрей, множестве буйных людей, которые творили жестокие беспорядки по всей стране, подрывая ее процветание. Естественно, спикер не мог упустить возможность указать на незаконность власти Генриха VI, чтобы подтвердить легальность прав своего покровителя – Эдуарда IV: «Узурпатор Генрих VI, несмотря на его простоту остроумия, всегда стоял в славе и чести, в то время как война продолжалось за пределами королевства»[370].

Спикером, избранным в 1472 году, был кембриджский юрист Джон Аллингтон, который служил королю по крайней мере так же хорошо, как и Палате общин. В своей первой речи Аллингтон с особой теплотой говорил о королеве Елизавете, выражая особую радость в стране в связи с рождением первого сына короля, а также восхваляя родственников королевы и других, кто пострадал во время повторного правления Генриха VI[371].

14 марта 1475 года парламент Эдуарда IV был распущен. Он обеспечил короля деньгами. В речах спикеров данного парламента присутствовали элементы пропаганды, целью которых было подтверждение власти Йорков в лице Эдуарда IV как единственно законной и напоминание о Генрихе VI исключительно как об узурпаторе. Не могли спикеры обойти вниманием и «несчастья и беды», которые пришлось пережить не только семье их короля, но и всем подданым.

Несмотря на то, что парламент был созван после переломного момента в правлении Эдуарда (фактически его свержения и последующего возвращения), речи, произносимые в парламенте, не были наполнены обилием пропагандистских

[370] RP. Vol. VI. Op. cit. P. 6.
[371] Ibid. P. 8.

приемов и не имели такой явной направленности, как это было в первом парламенте Эдуарда IV.

Эдуард снова созвал парламент в ноябре 1477 года, но с совсем другой целью: окончательно разобраться с постоянной неверностью герцога Кларенса.

Король представил членам парламента свой собственный законопроект об опале предателей. В обвинительном заключении и осуждении герцога Кларенса, Эдуард напомнил о своем милосердии к бывшим противникам и даже к предателям, за которое ему плохо отплатили. Король заявил, что теперь он столкнулся с «гораздо более высокой, гораздо более злобной, более противоестественной и отвратительной изменой, чем когда-либо прежде, не только из-за ее намерений, но и потому, что она была задумана, воображаема и сговорена персоной, которая из всех земных созданий имела основания оказывать королю любовь и преданность, герцогом Кларенсом»[372]. Чтобы показать Кларенса в самом негативном свете, его поступки были представлены как нечто злобное, а его антиподом представлен сам король – добрый и благородный, прощающий предателю его злодеяния. Снова мы видим приемы пропаганды.

Также уточнялось, что «он пытался уничтожить короля извне [браком, которого он добивался с Марией Бургундской], а также изнутри и даже распространил слух, что король был бастардом»[373]. Кроме того, Кларенс «тайно хранил образец соглашения, заключенного во время повторного принятия Генриха VI»[374]. Согласно данному документу Кларенс должен был унаследовать трон в случае отсутствия наследников мужского пола из династии Ланкастеров. Несмотря на все это, король сказал, что он «все еще мог бы найти в своем сердце силы простить Кларенса из-за любви, которую он испытывал к нему в юности и его кровной близости. Но герцог так упорствовал в своих злодеяниях, что безопасность королевства требовала жесткого приговора за государственную измену»[375]. В

[372] RP. Vol. VI. Op. cit. P. 195.
[373] Ibid. P. 195.
[374] Ibid.
[375] Ibid.P. 196.

данном случае используются методы повтора и преувеличения, чтобы окончательно убедить членов парламента в опасности действий Кларенса, сформировать ярко-выраженный образ отрицательного героя. Параллельно с помощью приема противопоставления выстраивался образ добродушного короля Эдуарда IV (антипода по отношению к Кларенсу), готового на все ради своих подданных. Были вызваны свидетели обвинения, но ни одного для защиты. Кларенс дал ответ за себя, отрицая обвинения. Но это было бесполезно, методы пропаганды, указанные выше были эффективны, и он был признан виновным.

Несмотря на усиление абсолютистских черт в правление Эдуарда IV, парламент продолжал играть важную роль в политической борьбе с его соперниками в ходе Войн Роз, обеспечивая юридическую основу для королевских решений. Политику Йорков в этот период можно условно разделить на два ключевых этапа: первый ориентировался на достижение соглашения с противоборствующими силами, тогда как второй этап характеризовался стремлением расширить властные полномочия монарха. Именно данная линия развития впоследствии оказала наиболее значительное воздействие на дальнейшее развитие политической системы Англии. Этот процесс сопровождалась активной пропагандистской деятельностью, направленной на укрепление позиций правящей династии.

Парламент Ричарда III

В 1483 году Эдуард IV внезапно умер на 42-м году жизни. Королем после его смерти должен был стать его двенадцатилетний сын Эдуард. Семья вдовы Елизаветы Вудвилл желала сохранить регентство, однако была непопулярна в столице и не имела должного авторитета среди знати. Заручившись поддержкой влиятельных магнатов, Ричард Глостер перехватил будущего короля и привез его в Лондон 4 мая 1483 года. Позднее созвал парламент, на котором было принято решение провести коронацию 22 июня. Однако еще 19 мая Ричард Глостер отправил Эдуарда в Тауэр, позднее и его младшего брата, якобы для безопасности принцев. Признание брака Эдуарда IV и Елизаветы Вудвилл незаконным (Эдуард

IV будто бы был уже помолвлен до свадьбы с Вудвилл), а всех их детей – бастардами и передача власти Ричарду III 23 июня произошли без санкции парламента[376]. Уже 6 июля прошла коронация Ричарда III. На вопрос, какова была судьба принцев в Тауэре среди историков до сих пор нет ответа. Многие из них обвиняют в их смерти Ричарда III[377].

Единственный парламент Ричарда III собрался 23 января 1484 года в Вестминстере, отложенный с ноября из-за восстания герцога Бекингема (Генри Стаффорда). Мало что известно о его составе. Учитывая политический климат того времени, нет сомнений, что были приложены все усилия для того, чтобы сформировать благоприятный для короля состав Палаты общин. Парламент открылся проповедью епископа Линкольна Рассела, который был канцлером Эдуарда IV и не испытывал никаких угрызений совести, продолжая занимать этот пост при Ричарде III.

Текст, с которым канцлер в конечном итоге выступил со своей речью, был следующим: «Принц должен был оказывать всем равное правосудие с милосердием; подданные должны были трудиться, чтобы «его королевские и необходимые расходы могли быть поддержаны». Первый черновик превозносил «славного принца и короля Эдуарда V, присутствующего здесь», но в то же время (поскольку это должен был быть парламент под протекторатом Ричарда), он содержал упрек Вудвиллам. Заявляя, что лорды были стабильным элементом в обществе, епископ метафорично сравнивал их с островами, окруженными водами, где можно было найти большую уверенность, «чем в море или в любых великих реках»[378]. Затем канцлер поручил общинам собраться на следующее утро в их привычном доме и избрать спикера, который должен быть представлен королю.

Важнейшей целью настоящего парламента было принятие закона, подтверждающего право на трон нового монарха – Ричарда III. Это было сделано

[376] Портнов А. А. Политическая Борьба Эпохи Войн Роз в Свете Английского Парламентского Законодательства. Указ. Соч. С. 100.
[377] Браун, Е.Д. Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз. С.309 –311.
[378] RP. Vol. VI. Op. cit. P. 196.

путем представления и принятия законопроекта, который включал имеющую явно пропагандистский характер петицию, по которой Ричард был приглашен принять корону, а не получил ее по собственной инициативе. Петиция начиналась с напоминания о том: «как земля когда-то жила в мире и спокойствии, когда король следовал советам некоторых лордов духовных и светских и других лиц. В те дни Бог был почитаем, земля была хорошо защищена, и торговля процветала. Но впоследствии те, кто управлял землей (то есть Эдуард IV), наслаждаясь лестью и ведомые чувственностью и похотью, последовали совету наглых, порочных и алчных людей (то есть Вудвиллов), так что процветание земли уменьшилось, а счастье превратилось в несчастье»[379]. В петиции говорилось об извращении хорошего правления, о стране, управляемой своеволием, а также о браке короля с Вудвилл, заключенном с помощью колдовства и отпразднованном в «нечестивом месте», а не открыто в церкви[380].

В данном отрывке мы видим множество приемов пропаганды, направленных на убеждение парламента в незаконности брака почившего короля, а следовательно, и детей, рожденных в этом браке. Также Эдуард IV предстает в данной петиции как недостойный правитель, чьи действия привели к кризису и «несчастьям» в стране. Ричард III критиковал советников Эдуарда IV (Вудвиллов) и называл их «погрязшими в лести, руководимыми чувственностью и похотливостью… людьми наглыми, порочными и чрезмерно скупыми». Подобная негативная характеристика выступает не иначе как пропаганда, с помощью которой возможные регенты будущего короля Эдуарда V выставлены как аморальные и безнравственные люди, которые ни в коем случае не могли выполнять священную миссию регентства. По отношению к ним, явно с пропагандистской целью, применялись яркие эпитеты: «наглые, порочные и алчные». Однако, подобная характеристика Вудвиллов словно частично реабилитировала Эдуарда IV.

[379] RP. Vol. VI. Op. cit. P. 198.
[380] Ibid. P. 199.

Когда возникли другие аргументы, появилось утверждение, что до этого брака Эдуард «женился и был в беде» на леди Элеоноре Батлер, так что «Эдуард и Элизабет жили в прелюбодеянии, а их дети были бастардами»[381]. Таким образом, пропаганда с помощью различных приёмов должна была подтвердить обоснование притязаний Ричарда на трон Англии, каким бы невероятным оно не было.

Законопроект, освящающий данную узурпацию, завершался одним из самых громких заявлений о важности парламента. Данное заявление было придумано с бессознательной иронией, которая иллюстрирует парадокс политического беззакония и апелляции к парламентской законности[382]. Было заявлено, что титул Ричарда был основан «по праву на законах Бога и природы, на древних законах и обычаях королевства»[383]. Но далее в акте говорилось, что тем не менее, «большая часть населения этой страны недостаточно обучена вышеупомянутым законам и обычаям, благодаря которым истина и право в этом отношении могут быть известны всем людям. Парламентский суд обладает такой властью, а народ этой страны – такой природой и расположением, как учит опыт, что проявление и декларация любой истины или права, сделанные тремя сословиями этой страны, собравшимися в парламенте, и их властью, создают, прежде всего, веру и устраняют повод ко всем сомнениям и мятежным речам»[384].

Поэтому по просьбе и с согласия трех сословий королевства, духовных и светских лордов, собравшихся в парламенте, было постановлено, что Ричард III является королем королевства «как по праву кровного родства и наследования, так и по законному избранию, посвящению и коронации»[385]. Целью данного парламента было и принятие статутов, призванных укрепить популярность Ричарда III как реформатора-монарха, который взошел на трон, чтобы исправить неудачи правления своего брата. Действительно, перечисление «пороков» правительства при Эдуарде IV, с которого начиналась петиция,

[381] Ibid.
[382] Butt Ronald. A history of parliament. Op. cit. P.620.
[383] Ibid.621.
[384] RP. Vol. VI. Op. cit. P. 141–142.
[385] Ibid. P. 143.

«призывающая Ричарда на трон», было прелюдией к его попытке увеличить свою популярность и повысить авторитет.

Задача языка пропаганды состояла не только в том, чтобы доказать легитимность прав Ричарда на престол, но и в том, чтобы не оставить никаких сомнений относительно тех ужасов, которые сопровождали «предвыборную кампанию» стороны Ланкастеров. Негативные аспекты правления Ланкастеров вновь были дополнительно подчеркнуты этим описанием правления Генриха VI: «Как и во времена узурпированного правления вашего бывшего противника Генриха, которого в последнее время называли Королем Генрихом шестым, вымогательство, убийства, изнасилования, пролитие невинной крови, бунты и неправедные поступки широко использовались в нынешней жизни без наказания»[386]. Спикер оказывает давление на слушателей, взывая к их совести и добродетели: «мы уверены и не сомневаемся, что вы проявляете милосердие, предпочитая все, что может послужить общему благу, отправлению правосудия и соблюдению прав и наказываете великих и ужасных преступников, вымогателей и бунтовщиков»[387]. Ричард пытается акцентировать внимание слушателей на своих благих намерениях: «мы желаем продолжения и процветания, вы верные и скромные подданные, будьте в чести, радости и счастье»[388].

Согласно этому отчету, Генрих VI категорически не выполнил фундаментальную обязанность короля по защите своих подданых и не привел страну к процветанию. По этим причинам он был недостоин сидеть на троне.

Позитивная пропаганда Ричарда III и его королевской власти была более сложной, чем пропаганда его старшего брата, начиная с того, как он предпринял попытку взойти на трон.

Жестокие моральные нападки Ричарда III на своих оппонентов являются примером таких нововведений. Как прямо заявил Чарльз Росс: «Ричард был первым английским королем, который использовал убийство личности в качестве

[386] RP. Vol. VI. Op. cit. P.143.
[387] Ibid.
[388] Ibid. P. 240.

государственной политики»[389].

П. Бутчер отмечает, что значительный всплеск пропагандистской активности наблюдался с 1455 по 1461 год, и, безусловно, усложнение парламентской риторики наглядно иллюстрирует данную динамику [390]. Мы можем констатировать, что в разных ситуациях и в условиях ограничений в парламентских речах использовались разные приемы пропаганды и с разной интенсивностью. Обе фракции поддерживали официальную тему. Ланкастерцы всегда выставляли йоркистов как мятежную угрозу, которая манипулировала общественностью, а йоркисты подчеркивали коррумпированность ланкастерского двора и отсутствие законности власти представителей этой династии.

Сторонники Йорков использовали пропаганду, чтобы показать свои действия как политику общего блага, агитировать различные слои населения в свою пользу[391], Эдуард IV черпал силу из Палаты общин и основывал свою власть на их поддержке и манипуляциях ими. Интересно отметить приглушенное чувство чести в пропаганде, используемой в парламенте как йоркистами, так и ланкастерцами, несмотря на их различные интерпретации истины. Представители обеих династий в основном избегали говорить открытую ложь[392]. Вероятно, за исключением, Ричарда III.

Именно возможность законно лишать трона, казнить или низлагать людей сделала парламент идеальным местом для фракционной мести и династического урегулирования в последующие периоды Войн Роз. Решения, принятые в парламенте, имели силу закона. Также обеспечивали постоянство, которое уверяло бы преобладающую фракцию в ее собственном превосходстве.

Получение поддержки парламента (или хотя бы признание того, что монарх пользуется поддержкой парламента) было жизненно важно для королей XV века,

[389] Ross. Richard III. Op. cit. P. 138.
[390] Butcher R. Op.cit. P. 61.
[391] Gaunt Sarah K. English Political Propaganda. Op. cit.P.113
[392] Ross. Rumour, Propaganda and Popular Opinion During. Op. cit. P. 26.

особенно для тех, кто свергнул предыдущего монарха и нуждался в легитимизации своей власти. Чтобы обеспечить себе удовлетворительную поддержку, правящая фракция должна была доказать свою собственную праведность и осудить действия своих врагов. Данная цель достигалась с помощью парламентских речей. Подготовленные речи, отраженные в парламентских записях, выступали как оружие пропаганды, юридическое оружие.

В эпоху Войн Роз было разработано своего рода клише пропаганды, которое можно было бы использовать неоднократно, просто меняя имена, это повторы, преувеличения опасностей, либо заслуг суверенов и аналогии.

Возможно, «пропаганда» может рассматриваться как слишком категоричное понятие для того времени, так как далеко не все парламенты, созванные в период Войны Роз, включали в себя элементы этого явления. Однако пропаганда кроется в большей степени в речах спикеров парламента, а не в актах, им принятых.

Таким образом, в данной главе нашего исследования рассматривались прокламации под личной печатью короля, эпистолярные источники и речи, произнесенные на заседаниях парламента в контексте особенностей пропаганды периода династической борьбы второй половины XV века между кланами Йорков и Ланкастеров.

Сравнивая приемы пропаганды в исследуемых источниках, можно резюмировать, что в них чаще встречается такой метод пропаганды, как преувеличение, как опасности для государства со стороны противника, так и важности и необходимости действий правящей династии по спасению Англии. Практически каждый, рассмотренный в данной главе источник, содержит прямое указание на незаконность власти представителя противоборствующей династии, а именно Генриха VI, который именуется узурпатором, зачастую таковыми названы и его предки.

Популярным методом как пропаганды, так и контрпропаганды стала крайне негативная характеристика короля, ранее находившегося на престоле, не только как правителя, но и как человека. Данный метод предполагает использование

различных эпитетов, метафор, сравнений. Подобным образом в негативном свете представлены и его сторонники.

Каждый из указанных выше источников имеет свои особенности в контексте данной тематики и уровень агитационного воздействия.

Прокламации были заранее подготовлены правительством и распространялись на широкую аудиторию. Как отмечал Росс, именно постоянная опасность, исходившая от распространения слухов и угрозы стабильности династии, привела к применению прокламаций в целях пропаганды[393]. Для того, чтобы текст был передан с наибольшей точностью и распространен не только среди знати, имеющей возможность предоставить королю военные силы, но и среди торговцев или крестьян, чья поддержка была также важна. В прокламациях указывались правила их оглашения, за несоблюдение которых предусматривалось наказание. Сами тексты содержали информацию, отрицательно характеризующую соперников, а также аргументы, показывающие правящую династию с положительной стороны. Именно прокламации имели прямой агитационный характер среди различных сословий.

Письма королей и их сторонников являются самой немногочисленной группой источников, рассмотренных в данной главе, по причине того, что авторы опасались перехвата писем противниками в борьбе за власть и использования информации, содержащейся в них, в своих интересах. Поэтому ценные сведения передавались через доверенных лиц, о чем было указано в самих письмах. Адресатами писем могли быть не только конкретные лица, но и жители целого города, войско, сражавшееся за того или иного короля. В последних случаях в письмах авторов применялось больше приемов пропаганды, чтобы не только привлечь как можно больше сторонников, показать праведность своих действий и добиться помощи у влиятельных людей, но и дискредитировать представителей противоборствующей династии.

[393] Ross. Rumour, Propaganda and Popular Opinion During. Op. cit. P. 23.

Парламент играл важнейшую роль в политической борьбе второй половины XV века, так как он являлся одним из способов, с помощью которых мог быть предотвращен захват власти или же, напротив легитимация данного действия. Поэтому, чтобы обеспечить себе поддержку, правящая фракция должна была доказать праведность своих поступков и осудить действия своих врагов, демонизировать их в глазах подданных. Речи, содержащиеся в петициях к парламенту или произнесенные на его заседаниях, как исторические источники, содержащие элементы пропаганды, имеют свои особенности. Убедительность информации зависела не только от содержания речи, но и от поведения оратора и его авторитета. Также речи тщательно составлялись, переписывались несколько раз. Кроме того, данный вид источника позволяет определить, что каждая из фракций придерживалась определенной тактики. Каждая из сторон пыталась убедить членов парламента в необходимости поддержки именно своей позиции, поскольку решения, принятые в парламенте, имели силу закона и могли существенным образом повлиять на ход конфликта.

ГЛАВА 2

ЭЛЕМЕНТЫ ПРОПАГАНДЫ В ХРОНИКАХ ЭПОХИ ВОЙН РОЗ

В данной главе будут рассмотрены конкретные примеры пропагандистских сюжетов, содержащихся в текстах хроник, написанных в течение династической борьбы между Йорками и Ланкастерами или сразу после ее окончания. Обратим внимание и на обстоятельства, при которых данные свидетельства были созданы. Важно разобраться, каким образом эти хроники нашли свое место в обществе и на какую аудиторию они были ориентированы.

Авторы хроник находились под влиянием установок XV века. Их мировоззрение формировалось в рамках доминирующих религиозных и философских представлений эпохи, что и отражалось в хрониках. Эти нарративы зачастую создавались при поддержке королевского двора или по его заказу, что влияло на интерпретацию фактов и предопределяло субъективную оценку действий участников событий. Официальную хронику обычно заказывал тот правитель, который хотел сформировать конкретную точку зрения, в том числе способствующую укреплению его власти. Английский историк-медиевист, автор фундаментального двухтомного труда «Историописание в Англии», А. Грансден высказала мнение о том, что официальные хроники, предназначались только для того, чтобы «доставить удовольствие королю и его ближайшему окружению»[394], а также что хроники, выпускаемые правительством, создавались только в «исключительных обстоятельствах» и представляли собой форму «морального подкрепления» для правителя[395]. Мы не можем согласиться с данной точкой зрения полностью, в связи с тем, что А. Грансден представляет довольно узкое понимание функций хроник XV века, сводя их

[394] Gransden A. Historical writing in England, II: c. 1307 to the early sixteenth century. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1982.P.123.
[395] Ibid.

исключительно к поддержке позиций правителя. Однако содержание хроник было гораздо шире и глубже. Они охватывали широкий спектр общественных потребностей и государственных задач. Колин Ричмонд определил другую причину появления пропагандистских хроник и иных источников, воздействующих на общественное мнение «английские короли становились пропагандистами (а не просто публицистами) только тогда, когда их к этому вынуждали»[396]. Мы можем вполне согласиться с данным тезисом, так как именно в кризисные моменты пропаганда становилась инструментом для легитимации и укрепления власти короля и транслировалась через прокламации, письма, речи к парламенту, а также с помощью хроник, особенно тех, которые были созданы по заказу короля. По мнению К. Ричмонда именно хроники доказывают, что «Война Алой и Белой розы оказала деморализующее воздействие на английское общество, по крайней мере на английскую политическую элиту»[397].

В своих трудах хронисты той эпохи, которые обращались к событиям Войн Роз: лондонские хронисты – нотариус Роберт Бейл и мэр Уильям Грегори, автор Анонимной хроники (непосредственный участник событий 1471 года) и Джон Уоркуорт, написавший свою хронику предположительно в 1484 году, применяли различные приемы в ходе изложения событий, в том числе язык пропаганды.

Пропагандистские сюжеты в различной степени присутствуют в рассматриваемых нами хрониках, в которых центральными фигурами выступают два противоборствующих короля – Эдуард IV и Генрих VI.

Генрих VI – последний король из династии Ланкастеров, правивший с 1422 по 1461 и с 1470 по 1471 годы.

[396] Richmond C. Propaganda in the Wars of the Roses. Op. cit. P.18.
[397] Ibid. 15.

Эдуард IV – первый король Англии из династии Йорков, правивший в 1461–1470 и 1471–1483 годах, захвативший престол в 1461 году, низложив Генриха VI в 1461 году.

Личность и деятельность этих монархов неоднозначно оценивалась современниками тех событий. Среди них как откровенные апологеты каждой из династий, так и их противники.

Наряду с королями не остались без внимания хронистов и лица, сыгравшие немаловажную роль в Войнах Роз. Речь идет о сторонниках династий Йорков и Ланкастеров, среди которых: граф Уорик, герцог Саффолк, Ричард Невилл, герцог Кларенс, Маргарита Анжуйская, Елизавета Вудвилл и другие.

2.1. Освещение событий Войн Роз в хрониках городской элиты Лондона (Уильяма Грегори и Роберта Бейла)

Многолетняя борьба за власть между феодальными группировками, двух противоборствующих династий обосновала появление разных хроник, авторы которых являлись сторонниками Йорков или Ланкастеров. Вследствие чего, они по-разному воспринимали, преподносили и оценивали происходящее. В английском летописании появились совершенно различные точки зрения на одни и те же события и процессы.

Лондон, в частности, являлся местом, которому уделяется пристальное внимание со стороны авторов хроник. Об этом свидетельствует наличие большого количества лондонских источников XV века. В хрониках того периода показано, что общины Лондона сыграли ключевую роль в нескольких эпизодах династической борьбы.

Социальные процессы в английском городе первой половины XV века отражались в уникальной взаимосвязи городской структуры, экономики, власти и социальной мобильности. Эти факторы оказывали значительное влияние на развитие письменной практики, определяли характер документации и способствовали созданию новых форм письменных свидетельств, которые

регулировали жизнь городского сообщества. Рассмотрим подробнее влияние каждого из факторов. Во-первых, к началу XV века ряд крупных городов Англии начал создавать письменные архивы, содержащие разнообразные типы документов: судебные разбирательства, финансовые отчеты, административные распоряжения и протоколы городских собраний[398]. Во-вторых, ведущие должностные лица города (например, мэры, клерки, шерифы) становились ответственными за ведение этих архивов, что подчеркивало рост важности местного самоуправления и административной культуры[399]. В-третьих, регулярное ведение хроник свидетельствовало о стремлении городского сообщества сохранять память о важнейших событиях и мероприятиях[400].

Неудачи во внешней политике и внутренние конфликты негативно повлияли на процесс создания хроник. Катастрофический ход дел англичан во Франции в ходе Столетней войны, а также растущее ожесточение между Йорками и Ланкастерами оставили у людей меньше времени и желания браться за составление анналов[401]. Лишь с наступлением времен относительно спокойного правления Эдуарда IV возобновилось создание новых хроник, что отражало стремление восстановить утраченную стабильность и продолжить развитие документарной традиции[402].

Хроники Лондона, а также наиболее важные из аналогичных записей других городов были составлены в период между последней четвертью XIII и концом XVI веков. Предположительно, самая ранняя английская хроника Лондона была составлена в первые годы правления Генриха V[403].

Лондонские хроники начинаются с латинских и французских летописей конца XIII и XIV веков. Позднее, на смену ранним латинским хроникам Лондона в

[398] Gransden A. Historical writing in England.Op. cit. P. 56–60.
[399] Ibid. P. 56–60.
[400] Ibid. P. 60–61.
[401] McLaren M-R. Op. cit. P.33.
[402] Ibid. P.34
[403] Ibid. P.36.

четырнадцатом веке пришли нормандско-французские записи. Однако в том же столетии английский язык вытеснил французский[404].

Во времена правления Эдуарда IV распространяются городские анналы, внимание которых концентрируется на событиях преимущественно локальной истории. Примечательно, что сухие лаконичные записи постепенно сменяются более развернутыми повествованиями, содержащими отсылки к чувствам авторов и элементы субъективности. Хронисты не только стремились зафиксировать значимые события как локального, так и национального масштаба, но и отразить вызванную ими реакцию общества[405]. Особый интерес представляют преимущественно лондонские хроники. Их комплекс включает 12 произведений[406]. К сожалению, невозможно восстановить имена большинства создателей этих источников. В XV столетии, по крайней мере, 25 человек внесли свою лепту в составление 30 сохранившихся вариантов лондонских хроник[407]. Многое из того, что происходило в Лондоне, представляло не просто общественный интерес жителей столицы, поэтому авторы свидетельств не ограничивались исключительно их собственным городом.[408] Несмотря на то что, в Англии XV в. количество хроник увеличилось, их содержание расширилось, но однако не появилось летописного комплекса, который бы мог отражать «официальный» взгляд на важнейшие исторические события, среди которых, несомненно, и Войны Роз.

Войны Роз в Хронике Грегори

Одним из современников, освещающих события Войн Роз, был мэр Лондона Уильям Грегори, которому приписывается авторство «Хроники Грегори». В 1436 г. Грегори занимал пост шерифа, а в 1451 г. был избран мэром Лондона. Согласно данным Национального биографического словаря, Уильям Грегори был богатым человеком. В 1461 году он основал часовню в приходской церкви Св. Анны и Св. Агнес в Олдерсгейте на ренту с некоторой собственности в приходе, которую он

[404] Ibid. P.42.
[405] Six town chronicles of England by Flenley Ralph. Oxford,1911. P. 11.
[406] Kinghorn A. M. The Chorus of History. Op. cit. P.40.
[407] McLaren M-R. Op. cit. P.40.
[408] Kingsford M. A. English Historical Literature in the Fifteenth Century. New-York, 1963. P.21.

купил у вдовы Маргарет Холмхегге и двух других лиц. Состоятельность автора хроники подтверждает и следующий факт: помимо обеспечения своих родственников, Грегори оставил щедрые завещания различным больницам, церкви и другим благотворительным организациям в городе[409].

В хронике Грегори были описаны события, охватывающие период с 1189 до 1470 год. Определение авторства данной хроники – вопрос непростой. Поэтому мы уделили внимание данной проблематике во введении к нашему исследованию, где подробно рассмотрели связанные с этим аспектом сложности.
В хронике Грегори большое внимание уделяется фигурам королей – главным действующим лицам борьбы за корону. Речь идет о Генрихе VI из династии Ланкастеров и Эдуарде IV из династии Йорков.

К Эдуарду IV и его деятельности автор относится весьма благосклонно. В хронике неоднократно подчеркивается великодушие короля, особенно по отношению к предателям или отступникам, заслуживающим наказания. Хронист сообщает: когда горожане узнали о предательстве герцога Сомерсета и хотели убить его, «королю удалось своими мудрыми речами спасти ему [Сомерсету] жизнь»[410]. Также в хронике упоминается такое высокое моральное качество короля, как умение быть благодарным. Так Эдуард IV отблагодарил горожан за свое спасение от возможного убийства в ходе заговора герцога Сомерсета: «король заботливо пожаловал жителям Нортгемптона бочку вина, чтобы они пили и веселились»[411]. Хроника Грегори, созданная в правление Эдуарда IV[412], имеет симпатии к Эдуарду IV из династии Йорков и антипатии относительно представителя династии Ланкастеров – короля Генриха VI. Подобное отношение проявлялось при описании вступления в столицу войск будущего короля в 1461 г.: «Затем пришли вести о приезде графа Марча в Лондон; тогда весь город был в отчаянии и благодарил Бога,

[409] Gairdner Op. cit. P. 103–104.
[410] And thenn the kynge with fayre speche and grete defeculte savyde hys lyffe for that tyme, and that was pytte, for the savynge of hys lyffe at that tyme causyd mony mannys dethys son aftyr, as ye shalle heyre. Chronicle of London by William Gregory. Ibid. P. 194.
[411] And the Kyng fulle lovyngly gave the comyns of Northehampton a tonne of wyne that they shulde drynke and make mery. Ibid. P. 195.
[412] Broertjes A. Winning the people's voice. Op.cit. P. 35.

и народ говорил, что тот, кто оставил Лондон (Генрих VI), больше не будет его брать (т.е. не будет королем)»[413]. Приведенная фраза относится к моменту глубокого разочарования жителей Лондона в своем короле Генрихе VI, которого некоторые авторы хроник обвиняли в неспособности защитить не только столицу, но и всю страну от внутренних конфликтов и иностранного вторжения. Автор хроники стремится убедить своего читателя, что при Генрихе VI дела в Лондоне были в критическом состоянии, а его жители не желали видеть на троне этого короля. Радость лондонцев по поводу возвращения Эдуарда IV отражает следующее предложение одного из олдерменов: «Давайте пройдемся по городу, новому винному двору, и давайте устроим у себя веселый праздник в марте месяце с этой прекрасной белой розой»[414].

Представитель династии Ланкастеров – Генрих VI представлен в ином свете, в первую очередь, правителем не способным самостоятельно принимать решения. Об этом в хронике сказано с некой иронией: «было хорошо известно, что она (королева Маргарита) заправляла всеми делами, поскольку была умнее короля; все ее решения представлялись как плоды его трудов»[415]. Указывает хронист и на личные качества короля, который в отличие от Эдуарда IV не отличался смелостью: «в разгар битвы король Гарри, оставив всех своих лордов, бежал к королеве»[416]. Автор зачастую повествует о действиях королевы Маргариты, а не короля Генриха: «королева послала письмо к герцогу Сомерсету, находившемуся тогда в Дорсетшире, заклиная его прибыть к ней как можно скорее вместе со своими вассалами, снаряженными для военного похода»[417]. Тем самым хронист в

[413] Then come tydyngys of the comynge of the a Erie of Marche unto London; thenn alle the cytte were fayne, and thonkyd God, and sayde that. He that had Londyn for sake Wolde no more to hem take, and sayd . Ibid. P. 181.
[414] Lette us walke in a newe wyne yerde, and lette us make us a gay gardon in the monyt'he of Marche with thys fayre whyte ros .Ibid. P. 211.
[415] Alle the workyngys that were done growe by hyr, for she was more wyttyer then the kynge. Ibid. P. 215.
[416] And in the myddys of the batayle Kynge Harry wente unto hys Quene and for-soke alle hys lordys. Chronicle of London by William Gregory. Ibid.P. 218.
[417] Then the Quene havynge knowelechynge of thys praty whyle sche sende unto the Duke of Somersett, at that tyme beynge in Dorset schyre at the Castelle of Corffe, and for the Erie of Devy- schyre, and for Elysaundyr Hody, and prayde hem to com to hyr as hastely as they might. Ibid. P. 218.

очередной раз делает акцент на неспособности Генриха VI в исполнении обязанностей монарха.

При изложении событий 1463–1464 гг. автор заостряет внимание на личности сэра Гарри Бофорта герцога Сомерсета[418], который был одним из соратников Эдуарда IV. Однако этот герцог оказался предателем и организовывал заговор против своего покровителя[419]. За это хронист осуждает Сомерсета, называет его лживым, вероломным, также указывает на опасность, грозящую от него королю Эдуарду IV [420]. С этой же целью автор приводит яркое красноречивое сравнение: «Это было все равно что отдать ягненка под стражу волков, но Всемогущий Бог был пастырем»[421]. Автор использует подобную метафору для того, чтобы усилить воздействие текста на читателя. Сравнивая определенную ситуацию с отдачей ягненка волкам, хронист подчеркивает ее абсурдность и рискованность. Это означает, что король оказался в крайне неблагоприятном положении. В данном отрывке так же присутствует религиозная отсылка. Бог как пастырь: библейская концепция, восходящая к образу доброго пастыря, заботящегося о своем стаде. Здесь Бог выступает защитником и спасителем благородного короля. Упоминание Бога свидетельствует о вере автора в возможность божественного вмешательства и надежде на защиту истинного правителя даже в самой сложной ситуации.

Грегори отмечает негативное отношение народа к предателю: «жители Нортгемптона были возмущены милостью, оказанной предателю, и убили бы его, если бы король не отослал его тайно в свой замок»[422]. Антипатия хрониста к герцогу проявляется и в период союза Сомерсета с Ланкастерами. Грегори отмечал следующее: «люди говорили, что герцог Сомерсет достоин претерпеть эту смерть»[423]. Автор хроники не только выражает свое личное мнение, но и передает настроения толпы («жители Нортгемптона»), используя эмоционально окрашенные

[418] Ibid. P. 196–210.
[419] But the Duke thought treason under fair cheer and words, as it appeared. Ibid. P. 198.
[420]It was like putting a lamb into the guard of wolves, u but Almighty God was the shepherd. Ibid. P. 198.
[421] Ibid.
[422] Ibid. P. 198.
[423] Ibid.

выражения («возмущение», «убили бы»). Это намеренное подчеркивание негативного отношения народа к герою повествования создает эффект массового осуждения и подтверждает восприятие герцога как врага для народа Англии[424]. Таким образом, нарратив про герцога Сомерсета имеет пропагандистскую цель, направленную на формирование негативного отношения в общественном мнении относительно его личности.

Хронист рассуждал и о личной жизни Эдуарда IV и свидетельствовал, что люди «всегда были убеждены, что он не был целомудрен в своей любви»[425], а также утверждал, что его низложение в 1470 году было божественным наказанием за его «нечестивую любовь»[426]. Подобная точка зрения автора показывает его стремление найти отклик у добропорядочной части своих читателей. Данный фрагмент ярко иллюстрирует, каким образом средневековые хронисты использовали религиозные мотивы и нравственные оценки для объяснения исторических событий. Эдуард IV представлен как человек, подверженный страстям и порокам, что противоречит идеалу добродетельного христианского государя. Низложение короля рассматривается как божественное наказание за грехи, что вписывается в распространенную концепцию Божественного провидения, согласно которой судьба народа зависит от благочестия его короля. Кроме того, мы можем видеть и критику Эдуарда за то, что он слушал «неправильных советников», таких как семья Вудвилл, тем самым обедняя «благородную кровь»[427]. Представители семьи Вудвилл имели сравнительно скромное происхождение, но быстро возвысились при дворе, что вызвало недовольство английской знати[428], которое, по-видимому, разделял и автор Хроники Грегори.

В Хронике Грегори, автор которой принадлежал к среде купечества[429], активно обсуждаются вопросы экономического характера, например,

[424] Broertjes A. Winning the people's voice. P.72.
[425] He had be not chaste of hys levynge. Ibid. P. 199.
[426] Ibid. P. 171.
[427] Chronicle of London by William Gregory. Op. cit. P. 221.
[428] Штокмар В.В.История Англии в средние века. С.111 –112
[429] Broertjes A. Winning the people's voice. P. 64.

обесценивание валюты королем Эдуардом IV в 1464 году. Грегори изображал королей как лично заинтересованных в благополучии Лондона. Хронист также рассматривал в контексте событий и экономическое регулирование в период династических конфликтов второй половины XV века. Автор часто отмечал избыток или излишки продовольствия и фиксировал взлеты и падения цен на товары, в основном на продукты питания[430]. Подобные свидетельства легко могли стать инструментами политической манипуляции, создавая позитивный имидж короля и оправдывая его политику. Акцент на внимании королей к экономическим вопросам демонстрировал эффективность их правления и способность обеспечивать стабильность и процветание. В хронике зафиксированы и периоды денежного дефицита, а также любые изменения в чеканке денег: возможно, данные такого рода могли бы быть полезны в денежно–кредитной политике. По мнению Грегори, причиной роста цен и упадке торговли были действия «неумелого» короля Генриха VI[431]. Эти заметки, по крайней мере, должны были внушить читателям важность экономического регулирования, так как торговля воспринималась англичанами как богоугодное дело и по большей части волновала их сознание. Вполне возможно, что «Хроника Грегори» и другие столичные хроники могли сыграть определенную роль, не только в пропагандистском воздействии для формирования определенного общественного мнения, но и в информировании о задачах регулирования торговли, выполняемых лондонской городской элитой. Кроме того, управление Лондоном позиционировалось в хронике как общее дело короля и мэра, а в деятельности шерифа королевская служба стояла в приоритете[432].

Не остаются без внимания хрониста и военные действия, среди которых одно из ключевых событий Войн Роз – вторая битва при Сент-Олбансе 17 февраля 1461 года. Большую часть повествования о битве занимает описание вооружения, которое использовалось с обеих сторон. Более подробно хронист говорит о вооружении бургундцев – наемников в войске графа Уорика: «у бургундцев были

[430] Chronicle of London by William Gregory. Op. cit. P.68, 75, 79, 80, 83-4, 88, 103, 164, 181, 238.
[431] Ibid. P. 191.
[432] Чернова Л.Н. Указ.соч. С.340.

такие орудия, которые могли стрелять как свинцовой дробью, так и стрелами… Еще у них имелись сети, сделанные из толстых шнуров…»[433]. Грегори акцентирует внимание на том, что «в войске королевы было не более 5000 человек, потому что основная часть северян дезертировала, причем некоторые из них сбежали вместе с оружием и доспехами»[434], выставляя их трусами и предателями. Автор сожалеет о неприемлемом поведении поданных королевы Маргариты: «Скорбно слышать, что некоторые из них начинали воровать, едва успев приехать»[435]. Грегори обращает внимание на недостаточную подготовку войск сторонников Ланкастеров, которая заключалась в неопытности солдат и некомпетентности командира: «Но за день до того произошло сражение при Данстабле (Dunstable). Войско короля было недостаточно хорошо организовано: многие были новичками в военном деле, а главный военачальник был мясником этого города»[436]. Самоубийство военачальника показано как справедливое возмездие и подтверждает его виновность в поражении войска в битве: «А вскорости, как говорят, мясник от стыда за свое неумелое руководство и потерю убитыми 800 ратников с горя повесился; и некоторые утверждали, что для него было лучше оказаться мертвым – Бог все видит»[437]. Эффект пропаганды закрепляется фразой в конце предложения: человеческое осуждение подтверждено и волей Бога.

Данные свидетельства содержат пропагандистские приемы, которые дискредитировали бы Генриха VI и его сторонников. При этом описание хода битвы у Грегори достаточно скромное. Хронист намекает, что Генрих VI и Маргарита Анжуйская сами осознавали опасность нахождения их армии северян в Лондоне, поэтому держали ее в Йорке «ибо они отрицали, что северяне могли бы жестоко грабить, если бы пришли в Лондон»[438]. Это говорит о том, что армия не была хорошо организована или дисциплинирована. Север Англии представлен в

[433] Chronicle of London by William Gregory. Op. cit. P.67.
[434] Ibid.
[435] Ibid. P.68.
[436] Ibid.
[437] Ibid.
[438] Ibid. P. 65.

негативном свете, что по мнению С. Гонт являлось средством йоркистской агитационной пропаганды[439].

Подводя итог анализу одной из лондонских хроник, осветивших события Войн Роз, мы можем прийти к следующим выводам. Мэр Лондона – Уильям Грегори в своей хронике особое внимание уделял событиям городской жизни столицы, однако не упустил из виду и сюжеты национального масштаба. Не исключением стала и политическая борьба Йорков и Ланкастеров. Центральное место хронист отводит фигурам королей Эдуарда IV и Генриха VI. Открыто автор не занимает чью-либо сторону, однако, судя по характеристике действий королей, применению ряда пропагандистских приёмов и оценке их политики, Грегори явно симпатизирует представителю династии Йорков, взошедшей на английский престол на период создания хроники.

Войны Роз в Хронике Бейла

В годы правления Эдуарда IV Йорка в рамках формирования «Йоркского мифа» была создана еще одна хроника, отражающая представления о событиях Войн Роз одного из «знатных горожан Лондона» – юрисконсульта и правоведа Роберта Бейла, которая охватывает события с 1189 года по 1460 год.

Следует более подробно рассмотреть фигуру Роберта Бейла как представителя муниципальной интеллигенции Лондона второй половины XV века. Самая ранняя биография хрониста была предоставлена неким Джоном Бейлом драматургом и епископом Оссори. Биографическая информация, которую Джон Бейл предоставил в своем Catalogus, кажется, придает Роберту Бейлу слишком высокий статус. Роберта называют «publicus civitatis notarius» (государственный нотариус), и действительно, у него была интересная карьера. Он вступил в «Компанию переписчиков» в 1440 году и в 1450 году был избран младшим смотрителем[440].

[439] Gaunt Sarah K. English Political Propaganda, 1377–1485. P.177.
[440] Bale's Chronicle. Op. cit. 69.

Согласно сообщению известного антиквара XVI века Джона Бойла, Роберт Бейл являлся адвокатом и служил нотариусом в Лондоне, затем был судьей по гражданским делам [441].

Британский историк Чарльз Кингсфорд выдвинул гипотезу, согласно которой Роберт Бейл был отождествлен с неким Джоном Бейлом, городским писарем[442]. Однако она не нашла убедительных доказательств среди других исследователей.

Чрезвычайно затруднительно проследить судьбу и личной рукописи Роберта Бейла, которая содержит его хронику, чтобы определить роль, которую она сыграла в создании других лондонских хроник после смерти ее составителя в 1473 году.

Последующая передача рукописи Джону Бейлу к 1548 году и ее вывоз за пределы Англии означали, что Джон Стоу и более поздние историки, скорее всего, не знали о ней. В результате ее отсутствие в кругах хронистов, связанных с Сити, означало, что ее влияние было невелико.

В своей хронике Роберт Бейл, говоря о последних годах правления Генриха VI, принимает сторону Йорков, что скорее и следовало ожидать в работе, написанной жителем Лондона во время правления Эдуарда IV. По мнению Мэри-Роуз Макларен, эта рукопись явно была «написана для личного пользования»[443], но об этом в самой хронике свидетельств нет. Говоря о «личном пользовании», исследователь, вероятно, имеет ввиду доступность текста хроники лишь для узкого круга лиц.

Три раздела хроники охватывают период с 1457 года по июнь 1460 года, битву при Нортгемптоне, декабрь 1460 года и январь 1461 года. Также повествование продолжается конца февраля 1461 года. Вероятная датировка этого последнего отрывка имеет значение. Поскольку Генриха VI хронист везде называет «королем», вполне вероятно, что этот раздел хроники был написан близко к событию и, скорее всего, до принятия короны Эдуардом IV в начале марта 1461 года. Если это так, то отрывок приобретает дополнительную важность как наиболее близкий

[441] Ibid. P. 68–69.
[442] Kingsford. Op.cit. P. 128.
[443] McLaren M-R. Op. cit. P.61.

современный рассказ о битве при Сент-Олбансе и ее последствиях, и единственный, предшествующий смене династии.

Что еще важнее, Бейл является первым летописцем, который утверждает, что Генрих VI воссоединился со своей женой и сыном «по его собственному согласию и воле»[444]. Уточнение, что король согласился на воссоединение с семьей добровольно, контрастирует с утверждениями других хронистов о манипуляциях сторонников Генриха ввиду его недееспособности.

Так же, как и лондонский мэр Грегори, Бейл значимое место в своем повествовании отводит характеристике личности и действий главных действующих лиц. Бейл, в противовес Грегори, не критиковал личность Генриха VI, но при этом порицал его политику: он следовал «ложному совету», при нем «ни хорошего правления, ни конюшни [не было] в то время»[445]. Подобным образом Бейл стремился показать неоднозначность фигуры Генриха, сочетающую положительные качества личности и управленческую несостоятельность. Такой контраст взглядов важен для полного представления образа Генриха VI и обстоятельств его правления.

Однако, в отличие от Хроники Грегори**,** Бейл самую хвалебную речь посвятил не королю Эдуарду IV Йорку, а графу Уорику «названному и почитаемому во всех местах как самый отважный и мужественнейший рыцарь из ныне живущих»[446], «ни один лорд страны не подвергался опасности и не трудился ради чести и выгоды короля и страны»[447]. К сожалению, Бейл не обозначает иной причины столь повышенного внимания к графу Уорику, кроме его заслуг перед короной и страной. Хронист пытается усилить впечатление читателей от образа графа Уорика с помощью использования ярких эпитетов в виде прилагательных превосходной формы, таких как «самый отважный», «мужественнейший». Обращаясь к фигуре

[444] By his own consent and will. Bale's Chronicle. Op. cit. 123.
[445] He followed ‘false counsell that was covetowse’, he raised money ‘be sotell and straunge meanes’, and under him ‘noo good rule nor stablenes [was] at that tyme, to greet discomfort and hevynes of the Ibid. P.126.
[446] Named and taken in all places for the most courageous and manliest knight living. Ibid. P.128.
[447] Wherein no lord of the land took the jeopardy nor laboured for the honour and profit of the king and of the land. Bale's Chronicle. Op. cit. P.125.

Уорика, Бейл применяет высокую степень восхваления – «почитаемый во всех местах», а также подчеркивает уникальность его персоны, указывая «только он... считался самым знаменитым рыцарем на свете»»[448].

Хронист не концентрирует внимание на предательстве Уорика по отношению к своему королю – Эдуарду IV и переходе графа на сторону Ланкастеров. Бейл лишь вскользь упоминает об этом. Возможно, подобный подход связан с желанием сохранить позитивный образ важной политической фигуры или с опасениями вызвать недовольство властей.

Бейл, вслед за Грегори представляя общественное мнение в Лондоне, показывает скорее негативное отношение жителей столицы к раздору между группировками знати. В тексте хроники время от времени встречаются комментарии о беспорядках того времени: «Ибо мир был настолько странным в то время», – говорит хронист, – «что ни один человек не мог бы спокойно ездить верхом или отправляться в путь ни по одному побережью этой земли без сопровождения, чтобы бы его не ограбили»[449]. Подобные свидетельства доказывают выводы Браун Е.Д. Она утверждает: «годы Войн Роз были кризисом едва ли не во всех сферах. В экономике – это спад манориального хозяйства, начало огораживаний, закат цеховой системы. В социальном смысле — время отнюдь не безболезненной трансформации структуры английского общества»[450].

В хронике Бейла мы можем встретить и противоположную точку зрения лондонцев на события Войн Роз, однако их благосклонное отношение проявляется только к началу династической борьбы. Цели которой, по словам хрониста, «были благими и на благо страны»[451]. Следовательно жители столицы желали смены правителя и ожидали положительных изменений.

[448] but only he . . . reputed and taken for as famous a knight as was living. Ibid.
[449] For the world was so strange that time ', he says in one place, ' that no man might well ride or go in no coasts of this land without a fellowship but that he were robbed.Ibid. P.127.
[450] Браун Е.Д. Войны Роз. История.Указ. соч. С.7
[451] Were good, and for the weal of the land. Ibid. P.130.

Несмотря на то, что население выражало явное недовольство[452] действиями властей и общим положением дел в стране, лично король Генрих VI все еще сохранял значительную долю народной любви. Этот парадокс хорошо иллюстрируется событиями 1450 года, когда вспыхнуло восстание Кэда.

Британский исследователь Чарльз Поулсен в одной из глав своей монографии повествует о восстании Джека Кэда, которое определяет как одну из предпосылок Войн Роз: «В обстановке непрерывных дворцовых интриг и беззастенчивого грабежа трудового народа Кентское восстание 1450 года явилось как бы естественной прелюдией к войне баронов»[453]. Поулсен уверенно называет причину восстания: «Кент больше всех страдал как от бездарности государственного управления, так и от неспособности безвольного короля защитить прибрежные города от частых и опустошительных набегов французов»[454]. Историк, как и многие его коллеги[455], убежден, что именно неспособность Генриха VI к управлению страной привела к беспорядкам.

Бейл предлагает нам альтернативное мнение. Согласно его хронике, люди, последовавшие за Кэдом, изначально предстали как «просители», целью которых было: «не причинить никакого вреда, а добиться исполнения желаний через членов парламента»[456]. Поворотным моментом для хрониста стало то, что Кэд вернулся в Блэкхит, «против своей связи» с королем, превратив протест в измену»[457]. В ответ на восстание многие люди проявили лояльность монарху: «всю ночь и утро приходило много людей, чтобы поддержать короля»[458]. Объяснить подобное доброжелательное отношение части населения к Генриху VI, казалось бы,

[452] Broertjes A. Winning the people's voice. P. 159.
[453] Поулсен, Ч.Английские бунтари / Ч. Поулсен ; пер. с англ. С. В. Кибирского ; пед., предисл. и коммент. С. Н. Бурина. - Москва : Прогресс, 1987. С 84.
[454] Там же.
[455] Mate M. The Economic and Social Roots of Medieval Popular Rebellion: Sussex in 1450–1451 // The Economic History Review. New Series. Vol. 45. № 4. 1991. P. 661–676.; Кантемирова Т.А., Кузнецов Е.В. Восстание в Англии, 1450-1451 гг. под руководством Джека Кеда и Уильмана Парминтера Учебное пособие для спецсеминаров по истории на вечернем и заочном отделениях / Сост. Т.А. Кантемировой и Е.В. Кузнецовой; Горьковский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Горький 1966. 71 с.
[456] Not to doo any harme but to have the desires of the comones in the Parliament Fulfilled . Bale's Chronicle. Op. cit. P.130.
[457] Ibid. P.132.
[458] Ibid. P.131.

неспособному на управление страной монарху (согласно утверждениям современников и историков[459]) можно особенностями мировоззрения средневекового общества.

Бейл подтверждает симпатии жителей Лондона к «Белой розе» в своем повествовании, как и многие другие лондонские авторы. Хронист рассказывает о том, как мэр и олдермены города отказались принять помощь от лорда Скейлза в 1460 году против графов-йоркистов. В данном отношении следует обратить внимание на то, что Бейл, как и многие летописцы, в том числе У. Грегори, изображал верность Лондона короне как сделку, открытую для пересмотра в своих интересах. В 1450 году Роберт Бэйл сообщил о изменнических словах, за которые был привлечен к ответственности слуга винодела: «Лондон должен лишить короля его короны»[460]. Данная цитата показывает политический вес столицы и ее немаловажную роль в расстановке сил в ходе династической борьбы. То, что когда-то было мятежным и изменническим, впоследствии стало приемлемым. По мнению Бейла, оправданием смещения Генриха VI в 1461 году послужило активное нарушение королем соглашения, достигнутого в парламенте предыдущей осенью о том, что после его смерти престо перейдет к герцогу Йоркскому[461].

Хронисты указывали на прагматизм лондонцев, готовых порвать с текущей королевской преданностью города и принять другую стратегию. Данное явление можно объяснить тем, что столичные власти проявляли верность и материальную поддержку тому правителю, который мог обеспечить им безопасность и хорошие условия для торговли. Таким образом, Грегори и Бейл показывали отношения между короной и городом как состоящие из сделок и временных союзов.

Летописцы прямо отмечали угрозу королевской власти, которую представляли аристократы. Бэйл зафиксировал, что накануне созыва парламента в сентябре 1450 года: «люди тревожились и боялись того, что может произойти, ибо лорды явились в Вестминстер и в парламент с огромной силой (как люди

[459] Поулсен, Ч.Указ. соч. С.84. Ландер Дж. Войны Роз.С.20.Граммит Д. Война Алой и Белой розы. С.59,168, 221.
[460] London should put the king from his crown. Bale's Chronicle. Op. cit.P.128.
[461] Ibid.

противоборствующих сторон)»[462]. Марш сторонников герцога Йоркского в Лондоне в 1450 году, несомненно, был запоминающимся событием, отражающим напряженную политическую обстановку того времени и амбиции одного из ключевых игроков в борьбе за власть. Как отмечает хроника Грегори, это зрелище было бы «веселым и славным, если бы оно произошло во Франции, а не в Англии»[463], так как оно пробудило антиправительственные настроения и «стало причиной множества смертей»[464].

Данные Хроник Грегори и Бейла во многом совпадают с классификацией хронологического материала Лондонской хроники в зависимости от степени конфликтности конкретного года. Так в период 1450–1452 гг. хронисты фиксируют волнения, которые явно преобладали над мирной жизнью. Особенно критическое положение дел обоими хронистами определено в 1460–1461 гг., в которые Лондонская хроника фиксирует исключительно конфликты и перипетии[465].

Таким образом, можно констатировать, что состоятельные представители образованной городской элиты, которые принимали активное участие в делах Лондона, проявляли интерес к истории своего города, поэтому они старались писать о происходящих событиях в столице. Естественно, династическая борьба между кланами Йорков и Ланкастеров в данном отношении не могла остаться без внимания.

Материалы лондонских хроник оказались собраны и записаны горожанами, для которых это занятие являлось хобби. Поэтому лондонские хронисты были вполне удовлетворены копированием информации у предыдущих авторов и добавлением уже к готовому повествованию своего отчета о происходящих событиях. Связь между управлением Сити и его историей регулярно иллюстрируется хронистами, которые были частью административного аппарата

[462] The peple wer in doute and feer what shuld fall, for the lordes com to Westminster and to the Parliament with greet power as men of werr. Ibid. P.127.
[463] A gay and a gloryus syght if hit hadde ben in Fraunce, but not in Ingelonde. Ibid. P.196.
[464] Causyd aftyr many mannys dethe. Ibid. P.196.
[465] Браун, Е.Д. Создание стереотипов правителей в «Новых .С. 170.

Лондона. Важную роль в создании данных трудов играл доступ к городским документам в области права, торговли и истории.

Авторы проанализированных нами источников были довольно близки по своему рангу и положению: Роберт Бейл – городской нотариус в начале правления Эдуарда IV; Уильям Грегори – торговец, шериф в 1436 –1437 годах и мэр Лондона в 1451–1452 годах. Однако, данные лондонские хроники различаются по содержанию, как и интересы людей, которые их написали.

Несмотря на то, что вопрос об авторстве каждой из этих хроник до сих пор не решен однозначно, они представляют ценность в рамках тематики изображения Войн Роз свидетелями тех событий. Как и для других лондонских хронистов, создание подобных трудов для них было в большей степени увлечением, поэтому Грегори и Бейл часто копировали сведения у предыдущих авторов, не убеждаясь в их достоверности.

Грегори и Бейл четко и напрямую не обозначают свою приверженность к какому-либо королю – представителю династии Йорков или Ланкастеров. Однако данные источники возможно рассматривать с точки зрения пропаганды.

Эдуард IV и Генрих VI являются центральными фигурами в хрониках. Фактически все действия первого одобряются, а второй оказался одновременно неспособным, но набожным правителем. Хроника Бейла более лояльна к династии Ланкастеров, нежели хроника Грегори. Самым положительным образом Бейл, в отличие от Грегори, оценивает не Эдуарда IV, а графа Уорика – «делателя королей».

При некоторых различиях в оценке происходящего авторами хроник общая картина складывается таким образом, что в текстах данных исторических источников авторы выражали свою симпатию Йоркам. Причины подобного отношения именно со стороны лондонцев (упоминались ранее) характеризуются в основном успешной экономической политикой Эдуарда IV.

Для выражения своей позиции авторы хроник применяли следующие приемы: восхищение личностными качествами Эдуарда IV, замалчивание фактов, подрывавших его положительный образ, а также концентрация на действиях или

бездействиях Генриха VI, характеризующих его как «неспособного» правителя. Перечисленные методы можно расценивать как элементы пропаганды для укрепления династии, получившей трон. Однако вряд ли можно говорить о ярко выраженной пропагандистской направленности хроник Грегори и Бейла. Эти нарративы отражали мнения городской элиты столицы, т.е. могли показать их отношение к династической борьбе и самим монархам.

2.2. Анонимная хроника «История прибытия короля Эдуарда IV в Англию» как панегирик королю и пропаганда его деяний

Примером сочинения, имеющим явно официальный пропагандистский характер, является хроника – «История прибытия короля Эдуарда IV», созданная неким анонимным автором, который был непосредственным участником победоносного возвращения Эдуарда IV в Англию в 1471 году.

Содержание этого сочинения имело вполне определенную направленность. Хроника была, по всей видимости, написана по заказу или приказу Эдуарда IV, ибо помимо полного официального текста есть еще и сокращенная версия на французском языке, высланная жителям Брюгге, города, где Эдуард IV проживал в изгнании, т.е. этот документ имел не только внутриполитический, но внешнеполитический статус. По мнению А. Градсен «официальная история предназначена только для того, чтобы угодить королю и его ближайшему окружению»[466]. С одной стороны, мы можем согласиться с данным высказыванием, так как хронисты, находившиеся на службе у короля, стремились представить его в выгодном свете, подчеркивая его достоинства и законность прав на престол. С другой стороны, несмотря на явную пропагандистскую направленность, хроника содержит ценные сведения о ходе событий, культуре, экономике того периода. Эта официальная точка зрения, изложенная в хронике, отчетливо проявляется в изображении хронистом двух королей – главных действующих лиц в борьбе за

[466] Gransden, A.Propaganda in English Medieval Historiography. P. 363.

власть. Их поступки и действия описываются автором с разных позиций. Исходя из содержания хроники, ее создатель был сторонником Эдуарда IV– представителя династии Йорков, поэтому фигура этого покровителя Анонима является центральной в данном труде.

Как было сказано выше, хроника повествует о событиях 1471 года. Так как фигура Эдуарда IV является ключевой в данной хронике, по нашему мнению, следует подробнее остановиться на личности этого короля и событиях, предшествующих его прибытию в Англию в 1471 году, отраженных в данном источнике. К началу 1469 года авторитет короля Эдуарда IV падал по ряду причин. Во-первых, могущественные магнаты были отстранены от своих должностей, больший вес при дворе теперь имела «новая» аристократия, в том числе родственники Елизаветы Вудвилл[467]. Во-вторых, продолжали собираться налоги на экспедицию во Францию, начало которой оттягивалось, что усиливало напряженность в обществе[468]. Уорик, потерявший возможность влияния на короля, поднял восстание против него на севере и в конце июля после битвы при Эджкот Мур приказал казнить родственников короля: графа Пембрука с братом и лорда Риверса с сыном Джоном Вудвиллом. Сам Эдуард попал к Уорику в плен и был перевезен к нему в замок в Йоркшире. В стране начались беспорядки, «делатель королей» был вынужден отпустить пленного короля, после чего объявлен предателем и вынужден бежать во Францию вместе с герцогом Кларенсом. Мятежники при поддержке Людовика XI, вступили в сговор с Маргаритой Анжуйской[469]. Положение Эдуарда IV стало безнадежным. В сопровождении графа Энтони Риверса, лорда Уильяма Гастингса, лорда Уильяма Сэя король бежал в Нидерланды. «Делатель королей» вместе с Маргаритой и Кларенсом вступили в Лондон и вернули на трон Генриха VI. Весной 1471 года разнесся слух, что Эдуард

[467] Элисон ,Уэйр. Ланкастеры и Йорки. Война Алой и Белой розы.Указ. Соч. С.108-110.
[468] Ландер Дж.Р. Войны Роз. Указ. Соч. С.144.
[469] Там же. 110.

IV готов высадиться на восточном побережье страны и «вернуть себе земли своего отца, принадлежавшие ему по праву»[470].

Поначалу дела Эдуарда IV шли не слишком хорошо. Причиной тому было множество факторов.

Во-первых, к 1471 году Эдуард IV не пользовался всеобщей и безоговорочной поддержкой аристократов, так как он пытался снизить политическое влияние феодальной знати, при этом возвышая родственников своей жены Елизаветы Вудвилл, имевшей достаточно скромное происхождение.

Во-вторых, популярности будущего короля сильно вредил безнравственный, можно даже сказать несколько распутный образ жизни, не в лучшую сторону отличавший его от набожного Генриха VI.

В-третьих, некоторые сторонники династии Ланкастеров отказались признать власть Йорка. Естественно, за это они были наказаны. Так, Джордж архиепископ Йоркский был обвинен в связях с изгнанником графом Оксфордом и заточен в Тауэр[471].

Об этих событиях свидетельствует и Аноним. Отношение автора к Эдуарду, как к истинному королю проявляется, прежде всего, в наименованиях, которые хронист дает королю. На протяжении всего повествования автор называет его не иначе как «король» и «его величество». Также Аноним зачастую к его имени или титулу добавляет такие эпитеты, как «благороднейший», «истинный»[472], не упуская возможность при каждом удобном случае указывать на «настоящее» происхождение Эдуарда IV.Тем самым хронист признает законность претензий Йорка на престол. К тому же, все эти хвалебные слова говорят только об одном – прославлении Эдуарда IV.

Кроме того, возвращение Эдуарда IV к власти в 1471 году, автор четко обозначает как «праведное, великое дело», «богоугодную миссию»[473]. Эти эпитеты

[470]The History of the Arrival. Op. cit. P. 44.
[471] Элисон ,Уэйр. Ланкастеры и Йорки. Война Алой и Белой розы.Указ. Соч. С.108-110.
[472] Most noble. The History of the Arrival. Op. cit. P. 44, 48,65.
[473] Ibid. P. 44, 51, 66, 95.

служат инструментом придания значимости данному событию и формируют представление о нем как об одобренном божественным провидением. Хронист пытается подчеркнуть легитимность и справедливость действий Эдуарда IV, создать образ монарха, действующего согласно высоким моральным принципам и воли Бога. Данное обстоятельство также являлось подтверждением законности власти Йорков, что впоследствии будет использовано королем Генрихом VII для утверждения династии Тюдоров на троне и ее укрепления.

Начиная свое повествование, автор хроники обозначает и характеризует время, в которое происходят описываемые события: «в конце десятого года правления лорда короля Эдуарда IV Божьей милостью короля Англии и Франции и лорда Ирландии»[474]. Перечисление всех этих титулов свидетельствует о том, что автор признает королем лишь Эдуарда IV. Однако, согласно данным источников, в период с октября 1470 г по март 1471 года у власти находился другой король – Генрих VI – представитель династии Ланкастеров. Подобное указание Анонима можно объяснить тем, что он писал уже в правление Эдуарда IV и именовал его актуальным титулом. Также хронист стремился лишний раз подчеркнуть легитимность власти своего покровителя (даже в период его отсутствия в Англии) и незаконность нахождения Генриха VI на троне в период реставрации династии Ланкастеров.

Положительное отношение народа к Эдуарду IV Аноним объясняет, прежде всего, уважением к династии Йорков: «из любви и в память о верной службе, которую они сослужили благородной памяти принцу, отцу короля, герцогу Йорку, эти люди всем сердцем поддерживали его, чтобы он смог также быть герцогом Йорком и сохранил за собой это право, наследуя благородному принцу своему отцу»[475]**.** Этими же словами автор еще раз подтверждает законность притязаний Эдуарда IV на трон Англии.

---

[474]After the counting of the church of England, the second day of March, ending the tenth year of the reign of our sovereign Lord, King Edward the IV. by the Grace of God ,King of England and of France, and Lord of Ireland. Ibid. P.36.

[475] For the love and favour that before they had borne to the prince of full noble memory, his father, Duke of York, the people bare him right great favour to be also Duke of York, and to have that of right appertained unto him, by the right of the said noble Prince his father**.** Ibid. P.39.

Аноним часто акцентирует внимание на том, что Эдуард IV, как истинный правитель, не только заботился о благе своих подданных, но и искренне любил и уважал народ, который считал именно его законным королем. В частности, Эдуард IV останавливался во время походов в бедных деревнях: «Той ночью король ночевал с малой свитой в бедном поселке»[476]. А люди относились к нему благосклонно. Подтверждением данной мысли хрониста является его свидетельство о том, что «жители питают к королю любовь и охотно помогут ему, приключись с ним беда»[477].

Аноним уверен в успехе «путешествия» короля и считает, что «он с помощью своих верных слуг, вассалов и сторонников, которые без сомнения присоединятся к нему на пути, соберет достаточные силы и возможности, чтобы организовать сильную армию»[478].

Появление короля в городе всегда было знаменательным событием, поэтому проходило при сборе практически всего населения и сопровождалось массовыми помпезными действами. В свойственной ему манере Аноним подробно говорит и о прибытии Эдуарда IV в Лондон после победы над мятежниками: «он проехал прямо к Святому Павлу в Лондоне, где его принял милорд кардинал Англии и многие другие епископы, прелаты, духовные чины, служители храмов и великое множество прочих, и все смиренно благодарили Господа и возносили ему хвалу за его милость, которую он явил в тот день их принцу и сюзерену, даровав ему такое благополучное путешествие»[479]. Далее в данном описании Аноним противопоставляет «великую миссию» Эдуарда IV и злые умыслы его врагов: «[в путешествии], в котором ему препятствовало великое коварство, замысленное и задуманное к его полному уничтожению вопреки воле Божьей и вопреки вере и долгу»[480]. Подобное видение

[476] Ibid. P.75.
[477] Ibid. P.53.
[478] Ibid. P.39.
[479] Ibid.
[480] And so he rode forth straight unto St. Pauls, at London, and there was received with (by) my Lord Cardinal of England, and many other bishops, prelates, lords spiritual, and temporal, and others in great number, which all humbly thanked, and loved God, of his Grace that it pleased him, that day to give to their Prince and Sovereign Lord so prosperous a journey, whereby he had suppressed them, that, of so great malice, had procured and laboured at their powers his utter destruction, contrary to God, and to their faiths and liegeances. Ibid. P.67.

и объяснение с отсылкой на решающую роль Божьей воли в происходящих событиях еще раз подтверждает пропагандистскую направленность данного сочинения, ибо Бог всегда помогает праведному делу.

По контексту Хроники становится понятно, что особенно Эдуард был популярен в столице государства – Лондоне. Во время противостояния Йорков и Ланкастеров лондонцы дважды открывали перед ним ворота столицы; более того, именно жители Лондона в 1461 г. попросили Эдуарда IV принять корону [481]. Солидарен в данном отношении и Роберт Фабиан. Не случайно, рассказывая о реставрации Эдуарда в 1471 г., Фабиан отмечает, что тот (Эдуард IV) вернул себе трон не после битвы при Тьюксбери, а в тот момент, когда войска Йорков вошли в столицу[482]. По мнению профессора Росса, приверженность лондонских купцов к династии Йорков возникла из-за плохих отношений с иностранцами, которым оказывало покровительство правительство. А также в результате неблагоразумной коммерческой политики Ланкастеров и недостаточно активной борьбы с пиратством. [483]**.** Кроме того, у жителей Лондона не могло не вызывать раздражения то безразличие, с которым правительство Ланкастеров относилось к проблеме обеспечения безопасности побережья.

Стоит отметить, что английские города располагали значительными материальными и людскими ресурсами, поэтому как Ланкастеры, так и Йорки с ранних этапов Войн Роз привлекали на свою сторону воинские контингенты. Свидетельством этому выступают данные об участии в сражениях военных формирований из 32 городов.[484]

К сожалению, в хрониках, исследуемых в данной главе, мы не встретим информации, подтверждающей именно указанные выше причины расположения жителей столицы к Йоркам.

[481] Штокмар. Указ.соч. С. 108.
[482] Браун Е.Д. Создание стереотипов правителей. Указ.соч.С. 150,164.
[483]Ross C. Edward IV. P. 158,160.
[484] Праздников А. Г. Состав и модели поведения. Указ.соч.С.35-37.

Аноним, показывая свою точку зрения по данному вопросу, раскрывает следующие причины, по которым жители Лондона пропустили Эдуарда IV по его возвращении в Англию в 1471 году, несмотря на активные действия Графа Уорика, направленные на переход Лондона на сторону Ланкастеров. В хронике мы читаем: «из-за любви, которую многие из них питали к королю, и страха, овладевшего многими, что если город будет взят силой, горожанам придется терпеть страшные беды и убытки, и по многим другим причинам мэр, олдермены и прочие уважаемые люди города ясно решили промеж собой сохранить город для короля и открыть его королю, когда тот прибудет; и потому они послали к нему сообщить, что будут рады услужить ему»[485].

К тому же, в период Войн Роз бывали ситуации, когда от городов зависел исход борьбы. Из Анонимной хроники мы также узнаем, что при приближении Эдуарда IV к Йорку после его возвращения в Англию из изгнания в 1471 г. к его армии оттуда явился рикордер Томас Кониерс, который убеждал короля обойти город, из-за того, что король неминуемо встретит там враждебный прием. Но вскоре прибыли два джентльмена Роберт Клиффорд и Роберт Берг, развеявшие опасения монарха по поводу настроений граждан.[486]

В рассматриваемом нами источнике нашел отражение сюжет, противопоставляющий положительное отношение жителей столицы к королю Эдуарду IV, их недружелюбному расположению к противникам Йорка – одной из которых была жена Генриха VI: «в 1471 г. Маргарита Анжуйская не смогла перейти реку Северн из-за закрытых ворот Глостера, в результате чего ее армия не соединилась с силами Джаспера Тюдора и вынуждена была вступить в сражение в невыгодных условиях при Тьюксбери»[487].

[485] Thus, what for love that many bare to the King, and what for dread that many men had, how that in case the city should have been won upon them by force, the citizens should there-fore have sustained harm and damages irreparable, and for many other great considerations, the mayor, alder-men, and other worshipful (persons) of the city, deter-mined clearly amongst themselves to keep the city for the King, and to open it to him at his coming; and so they sent to him, that therein they would be guided to his pleasure.The History of the Arrival. Op. cit. P. 45.
[486] Ibid. P. 41–42.
[487] Праздников А.Г. Состав и модели поведения. Указ.соч. С. 383.

Особенности взаимоотношений королевской власти и жителей столицы нашли отражение и в текстах хроник представителей лондонской элиты, что обусловлено происхождением и занимаемыми должностям их авторов. Данный аспект рассмотрен в предыдущем параграфе настоящей главы.

Особого внимания достоин нарратив о личностном портрете короля с точки зрения его положительных и отрицательных качеств. Характеристику личности Эдуарда IV сложно назвать объективной, так как она является специальным пропагандистским приемом в хронике.

Среди положительных качеств короля Эдуарда IV Йорка Аноним отмечает его выдающиеся способности как политика и оратора. Король убеждал людей и войска неподвластных ему территорий, что претендует на земли своего отца на абсолютно законных основаниях: «куда бы они (Эдуард IV и его войско) ни приехали, Эдуард заявлял о том, что он герцог Йоркский и он имел право пользовался наследством, которое ему принадлежит по праву полноправного благородного принца, его отца и никому другому».[488] По свидетельству Анонима люди, даже превосходя числом войско Эдуарда, не препятствовали ему, когда он проходил через их земли, страшась его храбрости и преданности верных ему солдат[489]. Однако здесь же автор выдвигает и другое предположение, которое несколько портит впечатление некой идеальности изображения самого Эдуарда Йорка и его действий: «возможно, что некоторые предводители склонялись к нему из-за полученных от короля денег»[490]. Подобное свидетельство показывает, что Эдуард действовал как искусный политик, пытаясь любыми средствами привлечь новых сторонников, ибо далеко не все поддерживали возвращение Эдуарда только из-за веры в законность его власти.

В тексте мы неоднократно встречаем сведения о решительности и смелости Эдуарда IV. Так Аноним повествует о предупреждении некого судьи по имени

[488] Wheresoever's they came, that his intent and purpose was only to claim to be Duke of York, and to have and enjoy the inheritance that he was borne unto, by the right of the full noble prince his father, and none other.The History of the Arrival. Op. cit. P. 79.
[489] Ibid. P. 80,96.
[490] Ibid. P. 75.

Томас Коньерс о том, что королю не стоит идти в город, так как Эдуарда IV и его свиту либо не пустят в город, либо погубят. Но Эдуард на свой страх и риск вошел в город: «король, видя, что так далеко уже продвинулся в своем пути, что никак нельзя вернуться назад, когда столько уже прошел, решил про себя непременно продолжать начатое и скорей принять все то неведомое, что уготовлено ему Богом и судьбой»[491]. Говоря о Божьем Провидении, влияющем на судьбу короля, автор намеренно обращает внимание читателей на идею предопределенности, согласно которой каждое действие человека связано с волей высших сил. Выбор Эдуарда также являлся частью воли Бога, неподвластной человеку. Подобные отсылки отражают культурные и философские представления эпохи Позднего Средневековья.

По мнению Анонима, Эдуард одержал победу не только с помощью грамотно организованной тактики и дисциплинированной армии, но и благодаря тому, что подавал личный пример своим сторонникам: «благодаря преданной, искренней и могущественной помощи его товарищей, он мужественно, стремительно и отважно напал на своих врагов, ринувшись в самую гущу сражения, и собственным примером вселял уверенность в своих товарищей, которые преданно следовали за ним»[492]. Хронист акцентирует внимание на сильных сторонах как самого Эдуарда, так и его сторонников, чтобы показать превосходство над врагом. Это вид конструктивной пропаганды, которая создает положительный образ. Также автор подчеркивает исключительную преданность воинов своему королю, способствующей победе в решающей битве: «[воины] были настолько уверены в нем, насколько это было возможно»[493].

Аноним упоминает и о великодушии Эдуарда Йорка – после одной из битв он «пребывая в Лондоне, тотчас распорядился позаботиться о больных и раненых, бывших с ним в битве при Барнете, которых было великое множество и которые

[491] The King, seeing so far fourth he was in his journey that in no wise he might goo back with that he had begun, and that no good might follow but only of hardies, decreed in himself constantly to pursue that he had begun, and rather to abide what God and fate. Ibid. P. 41.
[492] Ibid. P. 39.
[493] Were as well assured unto him as to them was possible. The History of the Arrival. Ibid. P. 65.

частью оставались в Лондоне, а частью в деревнях» [494]. Да и сподвижники Эдуарда под стать своему королю именуются «истинными слугами»[495], которые выступали за него с «великой радостью»[496].

Аноним восторгается мужеством и стойкостью, с которыми король Эдуард IV преодолевал «великие мучения». Автор несколько раз упоминает о том, что королю не везло в его «миссии»: «король был за пределами своей страны и терпел великие бедствия, трудности и лишения из-за обрушившихся на него несчастий и невзгод» [497].

Эпоху Средневековья нельзя представить без религиозной составляющей. По мнению автора, королю удалось справиться со всеми неудачами лишь благодаря тому, что он молился Богу, Святым, просил у них помощи, его «миссия» была праведным делом. Аноним достаточно подробно описывает ритуальные действия короля: «он часто – особенно, в море, – молился Богу, святой Деве и святому Георгу, и в числе прочих святых особенно молил святую Анну помочь ему, пообещав, что лишь только случится ему увидеть образ святой Анны, он непременно вознесет молитвы и принесет дары во имя и в почитание благословенной святой»[498]. Эти свидетельства из анонимной хроники с точки зрения ее автора и христианской традиции говорят о набожности короля Эдуарда IV. В данном случае важно учитывать исторический контекст. Средневековые правители зачастую демонстрировали свою набожность публично, поскольку это было частью легитимации их власти и заручиться поддержкой среди населения. Проявление религиозности – один из способов укрепить свою репутацию справедливого и мудрого правителя, соответствующего ожиданиям народа и духовенства. Поэтому

[494]The King, being at London, and having knowledge of e all this their demeaning from time to time, anon purveyed for the relieving of his sick and hurt men, that u had been with him at Barnet field, (which were right many in number, what (with those) left at London, and what (with those) in the country) and sent to all parts. Ibid. P. 69, 74.
[495] Ibid. P. 37, 41, 51, 53, 57, 59, 65.
[496] Ibid. P. 51, 62, 96.
[497] Ibid. P. 39, 54, 59.
[498] Specially upon the sea, he prayed to God, our Lady, and Saint George, and, amongst other saints, he specially prayed Saint Anne to help him, where that he promised, that at the next time that it should happen (to) him to see any image of Saint Anne, be should thereunto make his prayers, and give his offering in the honour and worship of that blessed Saint. Ibid. P.54.

с такими качествами представлялся истинным. Что и пытался доказать в своей хронике Аноним применительно к Эдуарду IV.

Приверженность Анонима династии Йорков подтверждает и отсутствие каких-либо комментариев по поводу возможной причастности Эдуарда IV к смерти Генриха VI в Тауэре в мае 1471 года. Аноним с уверенностью утверждает, что Генрих был раздосадован и глубоко опечален новостями об окончательном разгроме его сторонников: «он воспринял их [новости] с такой злобой, гневом и негодованием, что в состоянии чистого неудовольствия и меланхолии умер двадцать третьего дня месяца мая»[499]. Эти слова отражают традиционную линию пропаганды йоркистов, согласно которой Генрих VI якобы умер естественной смертью, будучи морально подавленным.

Историки, писавшие в период Тюдоров, когда влияние семьи Йорков значительно ослабло, скептически относились к этому отчету, полагая, что он служил прикрытием истинных обстоятельств смерти Генриха VI. Они утверждали, что наиболее вероятной причиной его смерти было убийство по приказу нового правителя Англии, Эдуарда IV, который стремился устранить потенциального претендента на престол и закрепить свою победу.

Так, Томас Мор в своем труде «История Ричарда III»[500] определял убийство Генриха VI как акт злодейства, совершенный представителями Йорков. Позднее аналогичные взгляды развивал и Уильям Шекспир[501].

Современные историки относятся к подобным оценкам более осторожно. Так, Джереми Поттер[502] предлагает рассматривать этот инцидент как трагический случай войны, вызванный обстоятельствами конфликта и стремлением сторон сохранить контроль над престолом. Они указывают на отсутствие убедительных

[499] He took it to so great despite, ire, and indignation, that of pure displeasure, and melancholy, he died the twenty third day of the month of May.Ibid.P. 93.
[500] Mori Th. Historiae Richardi Tertii // Thomae Mori Opera Omnia Latina[Электронный ресурс]. Francofurti, Lipsiae, 1689. P. 1–26. URL: http://www. thomasmorestudies.org/OmniaOpera/Historia_Richardi_Tertii.pdf (дата обращения 30.04.2023).
[501] Шекспир У. Генрих VI. Ч. 1-3 // Полное собрание сочинений в 14 т. Т. 2.М.: Терра, 1993.
[502] Potter J. Good King Richard?: an account of Richard III and his reputation, 1483-1983. London : Constable,1983. 24 P.

свидетельств о конкретных виновниках гибели Генриха VI и призывают избегать упрощенных и однозначных оценок. А Дж. Ландер и вовсе не упоминает о смерти Генриха VI[503].

Дэн Джонс, британский историк и популяризатор средневековой истории, посвятил немало страниц своей книги[504] событиям конца XV века, включая трагический эпизод убийства английского короля Генриха VI[505]. Достоверными автор считает сведения, содержащиеся в Хронике Уоркуорта, а также поддерживает гипотезу об убийстве короля из династии Ланкастеров сторонниками Эдуарда IV[506].

В.В. Штокмар, известная отечественная медиевистка, соглашается с фактом убийства Генриха VI, но не указывает на виновного: «Король Эдуард приехал в Лондон 21 мая 1471 г., а через несколько часов после этого Генрих VI умер в Тауэре. Очевидно, он был убит, хотя официально говорится, что он умер «от меланхолии и расстройства»[507].

Тем не менее, насильственное устранение соперника стало важным фактором в формировании общественного мнения относительно репутации династии Йорков. Такое событие неизбежно оставило след в памяти потомков и повлияло на дальнейшие этапы развития английской истории. Эта тема остается предметом изучения и дискуссий среди историков-медиевистов, поскольку ни одна версия не получила однозначного подтверждения или опровержения.

Аноним уверен в успехе «путешествия» короля, он считает, что «Он [король] не забыл отправить своих гонцов с письмами по всем близлежащим странам, особенно к тем, кому он больше всего доверял, чтобы они оказали ему услугу. По правде говоря, пока король всеми способами таким образом готовил новую

[503] Ландер Дж.Р. Войны Роз. Указ. соч. С. 168–172.
[504]Джонс Д. Указ. Соч. 446 с.
[505] Там же. С.301–302.
[506] Там же. С. 140-141.
[507] Штокмар В. Указ. соч. С.114–116

армию»[508]. Снова перед нами пример явного прославления короля, который свидетельствует о дальновидности и мудрости монарха.

Говоря об успешности похода Эдуарда IV, автор подчеркивает превосходные качества его войска, которое соответствовало своему покровителю. В источнике мы встречаем следующую характеристику войска Эдуарда IV: «его [Эдуарда] сопровождало множество добрых, способных и доброжелательных людей»[509]. Окружение Эдуарда IV, по свидетельству Анонима, подобно своему командиру, осуществляет богоугодное дело, обладает как самыми высокими моральными качествами, так и умениями, нужными в бою, поэтому под началом такого короля их, несомненно, ждет успех. Кроме того, Аноним приводит еще одну причину успеха кампании Эдуарда IV по возвращению власти и короны Англии, которая заключается в том, что «Бог всегда любил Йорков»[510]. Такое объяснение автора вполне соответствует средневековому представлению о сакральности фигуры короля, власть которого дана Богом.

Хронист в своих трудах не обошел стороной и сюжеты, связанные с реакцией населения Англии на происходящие события. Данным вопросом активно занимался А. Г. Праздников, исследовавший социальный состав и модели поведения участников Войн Роз. По его мнению, вовлеченность, по крайней мере, части городов и городского населения в династический конфликт была достаточно существенной. Связанные с войнами социальные процессы протекали в экономической и политической сферах, а также на уровне личных связей. Однако в сравнении с другими социальными группами активных участников конфликта горожане составляли меньшинство [511]. Несмотря на немногочисленность горожан среди активных участников конфликта, в анализируемых нами хрониках встречаются свидетельства, отражающие их отношение к монархам, даже объясняются мотивы действий.

---

[508] He forgot not to send from thence his messengers. with writings, all about the countries near adjoining, to such in especiall as he trusted best, that they would do him service. The History of the Arrival. Op. cit. P. 84.

[509] He was notably well accompanied with many good, able, and well-willed men**.** Ibid. P.68.

[510] Ibid. P.54.

[511] Праздников А. Г. Состав и модели . Указ. соч.С.374.

Так, Аноним в своей хронике приводит следующую реакцию горожан на прибытие Эдуарда IV в 1471 году в Англию с целью возвращения своей власти: «Потому в различных частях страны собирались большие толпы людей, готовых с оружием в руках ради себя самих не допустить того, чтобы его лишили государства и короны; они поклялись, что только это желание двигало ими и ничто другое; они ни в коем случае не хотели причинить вред ни ему, ни товарищам его»[512]. Хронист однозначно определяет причину подобного поведения подданых и их реакцию на происходящее: «люди, прежде чтившие принца герцога Йорка, благородной памяти отца его, перенесли теперь свою любовь и почтение на него, так как он также был герцогом Йоркским, и ему переходили все права своего отца»[513]. То есть Аноним предлагает нам свою модель видения: люди готовы были выступить за короля Эдуарда IV, потому что его власть была законной, полученной по праву наследования**.** Фактически автор утверждает, что почти все горожане поддерживают Эдуарда, т.е. автор хроники преувеличивает поддержку общества, что также является методом завуалированной пропаганды, который он применяет неоднократно в своем повествовании.

Таким образом, Аноним – автор Истории прибытия короля Эдуарда IV в Англию, являясь сторонником Йорков, большее внимание уделяет фигуре короля Эдуарда IV – его покровителя. Монарх показан исключительно с положительной стороны, что вполне объяснимо. Автор хроники подробно останавливается на личности короля, доказательствах праведности его действий и законности власти, положительном отношении народа. При этом хронист мало говорит о причинах, по которым Эдуард был свергнут в ходе мятежа и о том, что стало с его противником – Генрихом VI, а лишь упоминает вскользь, либо вовсе умалчивает.

[512] The people of the country, which in great number, and in divers places, were gathered, and in harness, ready to resist him in challenging of the Realm and the crown, were disposed to content themselves, and in no wise to annoy him, ne his fellowship, they affirming that to such intent were [they] coming, and none other. The History of the Arrival. Op. cit. P.39.
[513] For the love and favour that before they had borne to the prince of full noble memory, his father, Duke of York, the people bare him right great favour to be also Duke of York, and to have that of right appertained unto him, by the right of the said noble Prince his father. The History of the Arrival. Ibid. P.40.

Аноним изображает сторонников короля в той же манере, что и самого монарха. В тексте мы можем встретить и подобные характеристики войска Эдуарда IV: «В Лестере к королю прибыло поистине справедливое (подлинно справедливое) общество людей численностью в три тысячи человек, хорошо подготовленных к войне, заслуживающих доверия, которые всецело будут участвовать в его борьбе[Эдуарда IV] , как в лучшем, так и в худшем случае, со всей своей силой и мощью, чтобы верно служить ему.».[514] Здесь мы видим демонстрацию явного морального превосходства над противником – это один из приемов пропаганды.

Среди личностей, оказавших наибольшее влияние на самого Эдуарда и его политику, целесообразно назвать его жену – Елизавету Вудвилл, его братьев – Джорджа Кларенса и Ричарда Глостера, а также графа Уорика – «делателя королей», который был яркой и влиятельной личностью. Следует подробнее остановиться на их роли в событиях Войны Роз. Как этих людей изображает хронист?

Аноним, уже в привычной для него идеализирует сторонников Йорков, хотя герцог Кларенс фактически являлся предателем, вступив в сговор с графом Уориком против своего брата Эдуарда IV.

С целью сглаживания безнравственного поступка Джорджа Кларенса Анонимный автор обращает внимание на его душевные переживания и попытки примириться с братом: «между братьями было достигнуто полное согласие и заключен договор, который упомянутый герцог Кларенс совершенно благородно и честно исполнил. Едва прознав о прибытии короля на север страны, он сразу, как и обещал, и так быстро, как только мог, в сопровождении более четырех тысяч ратников отправился к нему, чтобы помочь ему расправиться со всеми его врагами»[515].

---

[514] At Leicester came to the King right-a-fair (a truly fair) fellowship of folks to the number of three thousand men well habyled (fitted) for the wars, such as were verily to be trusted, as those that would utterly inparte (take part) with him at best and worst in his quarrel, with all their force and might, to do him their true service. Ibid. P. 47.

[515] Was appointed, accorded, concluded, and assured betwixt them; wherein the said Duke of Clarence full honorably and truly acquitted him (self); for, as soon as he was ascertained of the King's arrival in the north parts, be assembled anon such as would do for him, and as soon as he godly (well) might, drew towards the King, him to aid and assist against all his enemies, accompanied with more than four thousand men. Ibid. P.51–52.

Аноним пытается реабилитировать герцога Кларенса, брата Эдуарда IV, показать его с положительной стороны, вероятно, потому что он один из Йорков, а хроника является пройоркистской. Хронист приводит данные свидетельства для укрепления авторитета правящей династии Йорков, что фактически является приемом пропаганды – создание положительного образа. Чтобы «обелить» репутацию Кларенса, хронист пытается убедить читателя своего сочинения в том, что брат совершил предательство не по своей воле, а под воздействием другого человека. А король Эдуард IV предстает перед нами как мудрый лидер, умеющий находить компромиссы и привлекать союзников. Умение договориться с братом, несмотря на разногласия, и использовать его помощь в военном походе, подчеркивает лидерские способности короля.

Аноним открыто винит во всем Уорика, из-за которого Джордж и предал своего старшего брата. Аноним пишет: «когда король был в Голландии, герцог Кларенс, второй брат короля, испытывал страдания от того, что между ним, его братом королем и его братом герцогом Глостером установилась вражда, спровоцированная хитрыми кознями графа Уорика и его сообщников; и всех их отлучили от государства и короны Англии и всего, что к тому принадлежало; и, помимо этого, кровопролитная и отвратительная война разразилась между ними»[516]. Хронист активно применяет эмоционально окрашенные эпитеты для создания негативного образа Ричарда Невилла графа Уорика. Такие словосочетания как «хитрые козни», «отвратительная война» создают атмосферу интриги и недоверия вокруг фигуры Уорика, изображая его как коварного манипулятора, виновника раздоров между членами королевской семьи. Выражение «кровопролитная и отвратительная война» усиливает ощущение ужаса и трагизма от происходящего конфликта, одновременно подчеркивая разрушительность последствий, вызванных интригами Уорика. С помощью подобных приемов Аноним пытается не только создать негативный образ графа Уорика, но и вызвать

[516] Ibid. P. 49.

у читателей сочувствие к брату короля – Джорджу Кларенсу, ставшему жертвой политических интриг.

Аноним снова оправдывает одного из представителей династии Йорков и делает виноватым другого человека, который перешел на сторону Ланкастеров, что также является одним из приемов пропаганды: негативная оценка действий противника.

Говоря о личности короля Эдуарда IV, нельзя не упомянуть его супругу – Елизавету Вудвилл. Она была гораздо ниже его по положению, вдова с двумя детьми, а ее бывший супруг являлся сторонником Ланкастеров [517]. Все эти обстоятельства делали ее крайне неподходящей партией для короля. Однако для Эдуарда эти обстоятельства оказались весьма незначительными.

Елизавета не участвовала в заговорах, не пыталась воздействовать на волю своего супруга, как это делала Маргарита Анжуйская – супруга Генриха VI, явный антипод Елизаветы. Однако отношение правящих кругов и общества к Елизавете нельзя назвать положительным, и все же, ненависть к Маргарите имела более выраженный и однозначный характер. Да и ей фактически пришлось взять власть в свои руки ввиду несостоятельности ее мужа как короля, его фактической неспособности к правлению.

Хронист говорит о Елизавете лишь в контексте происходящих событий, не давая целостную оценку ее личности и действиям. Королева находится в тени своего мужа, автор «Путешествия» уподобляет Елизавету ее мужу –Эдуарду IV. На страницах хроники Елизавета Вудвилл предстает достойной королевой, проходящей тяжелые испытания, как и ее муж, честными способами возвращает власть, принадлежащую ему по закону.

Аноним, говоря о возвращении Эдуарда IV в Лондон, обращает внимание на стойкость королевы даже в самых жестких условиях, ее преданность: «великие беды, несчастья и горести переносила с самым великим смирением, на какое только способно живое существо, и так долго, как никогда еще не приходилось страдать

[517] Элисон ,Уэйр. Ланкастеры и Йорки. Война Алой и Белой розы. Указ. Соч. С.120-125.

ни одной персоне такого высокого положения; и к тому же она в то время принесла в этот мир, к великой радости короля, прелестного сына, принца, которого показала ему при его прибытии и который служил единственным утешением и радостью ей и всем, кто его истинно любил и желал служить»[518]. Хронист подчеркивает величие духа Елизаветы Вудвилл, прибегая к таким выразительным словосочетаниям, как «величайшие беды», «несчастья и горести» и передавая высокую степень страданий, пережитых ею. Выражение «самым великим смирением» отображает героическое терпение королевы, делая ее образ особенно привлекательным для читателей и достойным восхищения. Фраза «так долго, как никому еще не приходилось страдать...» подчеркивает уникальность ситуации, вызывая у читателей чувства сопереживания и уважения по отношению к стойкости королевы перед лицом испытаний.

Подобным образом Аноним пытается обратить внимание читателей на достойное прохождение всех трудностей, которые были уготованы королеве (жене Эдуарда Йорка), при этом использует преувеличение – как один из приемов пропаганды.

Тенденция изображения противников Эдуарда IV с крайне негативной стороны, в отличие от его сторонников, продиктованная пропагандистским характером хроники Анонима, распространяется и на фигуру графа Уорика. К тому же, хронологические рамки хроники соответствуют периоду, когда этот деятель уже находился на стороне Ланкастеров и предпринимал активные действия для возвращения на трон Генриха VI. Поэтому логичнее рассматривать фигуру «Делателя королей», именно исходя из хронологических рамок источника, как сторонника династии не Йорков, а Ланкастеров.

Теперь обратимся к Генриху VI – последнему королю из династии Ланкастеров.

---

[518] In right great trouble, sorrow, and heaviness, which she sustained, with all manner (of) patience that belonged to any creature, and as constantly as hath been seen, at any time, any of so high estate to endure; in the which season, nevertheless, she had brought into this world, to the King's greatest joy, a fair son, a prince wherewith she presented him at his coming, to his hearts singular comfort and gladness, and to all them that him truely loved, and would serve. The History of the Arrival. Op. cit. P.60.

Личность и деятельность этого монарха неоднозначно оцениваются как современниками тех событий, так и современными историками. С одной стороны, его считали простым, кротким человеком, честным и справедливым правителем. Так Джон Блэкман – капеллан Генриха VI, характеризуя данного правителя, сконцентрировал внимание на религиозности короля, щедрости и благочестивости его поступков[519]. Труд Блэкмана долго рассматривался как ненадежный исторический источник, однако с 1980-х годов, благодаря работам Р. А. Гриффитса и Р. Ловатта, работа Блэкмана получила признание. Другой историк – современный популяризатор Войн Роз Дэн Джонс напрямую называет Генриха неспособным правителем [520].

Среди современников, изображавших Генриха VI, был и Анонимный автор хроники «Прибытие короля…», который описывал как самого короля, так и династию Ланкастеров в целом в весьма негативном плане.

На протяжении всего повествования автор хроники именует Генриха VI не иначе как «узурпатором», «несправедливо владеющим регалиями», «прозванным», «названным королем», «называвшегося тогда королем и захватившего регалии», «бастардом»[521]. Также хронист практически не называет Генриха VI по имени, поэтому зачастую только по контексту становится понятно, о ком идет речь. Все эти эпитеты, которые использовал Аноним, применяются для того, чтобы принизить Генриха VI. Соответственно несут в себе и элемент пропаганды – создание негативного образа противника.

Восшествие короля на трон автор определяет как захват власти с помощью «предательских средств своего мятежника Ричарда и его сообщников»[522], часто акцентируя внимание на том, что Генрих, как и его предшественники, использовал «нечестные методы»[523]. Аноним говорит о том, что «люди были вынуждены

[519] Lovatt, Roger. A Collector of Apocryphal Anecdotes: John Blacman Revisited, in A. J. Pollard / ed. Property and Politics // Essays in Later Medieval English History. Gloucester: Alan Sutton, 1984, P. 174–176.
[520] Джонс Д.Война Алой и Белой розы. Указ.соч. С. 37,108–109.
[521] The History of the Arrival. Op. cit. P. 36, 38, 48–50, 60–61, 65, 68, 71, 86, 87.
[522] Ibid. P. 36, 39, 49, 53.
[523] Ibid. P. 53, 59, 68, 72–74.

выступить против истинного короля, которого любили и уважали»[524], т.е. под воздействием принуждения и шантажа шли против Эдуарда IV. Автор хроники пишет, что английский трон принадлежит Йорку «по праву отца»[525], т.е. снова заостряет внимание на законности прав Эдуарда IV на корону. Подобного утверждения о Генрихе VI в тексте хроники мы не найдем. Напротив, автор утверждает, что мнимый король «обманным путем запугивания и шантажа входил в города», а также «захватил королевство», т.е. правил незаконно[526]. Подобных характеристик действий представителя династии Ланкастеров и его приближенных в тексте хроники достаточно много.

Стоить отметить, что Аноним подчеркивает незаконность притязаний на трон всей династии Ланкастеров, а не только Генриха VI. Он также называет узурпаторами Генриха IV и Генриха V, обвиняя их в неповиновении своим суверенам и разжигании вражды[527]. В тексте хронике мы читаем: «узурпатор Генрих Дерби, позже провозглашенный королем Генрихом IV, высадился после своего изгнания в нарушение приказа своего лорда короля Ричарда II, которого позже бесчестно сверг, лишил королевства и регалий и незаконно узурпировал их для себя и своего потомства, и из рода которого происходил и Генрих, захвативший и узурпировавший корону как сын его старшего сына, иногда называемый королем Генрихом V» [528].

Мы видим некие сходства в методах, которыми, по мнению автора хроники, Ланкастеры завоевывали себе власть. Это нарушение приказов суверенов, бесчестные действия, незаконное лишение регалий истинных королей и т.п.

Сподвижников Генриха VI Аноним, подобно ему самому, определяет не иначе, как мятежников, предателей. В отличие от «истинных слуг» Эдуарда Йорка[529]. Также сторонники «бастарда» (Генриха VI) названы «бесчестными

[524] Ibid. P. 36–38, 59.
[525] Ibid. P. 59.
[526] Ibid. P. 38, 48, 58–60.
[527] Ibid. P. 36–39, 92.
[528] Ibid. P. 91.
[529] Ibid. P. 37–39, 47, 51, 53, 57, 59, 66, 69.

предателями, грабителями». Подобный язык автора хроники еще раз отражает его приверженность династии Йорков.

Следует отметить, что Аноним сравнительно редко говорит о действиях самого «узурпатора», чаще мы читаем о действиях его «сообщников», особенно, графа Уорика. Действия графа Уорика описаны достаточно подробно и встречаются часто. Автор открыто выражает свою неприязнь к нему, как к «сообщнику» Генриха VI.

То, что Аноним с неприязнью относится к Генриху VI, подтверждает и отсутствие связной, последовательной характеристики этого монарха. Сведения о его личности мы встречаем лишь короткими «беспорядочными» урывками. Также автор не подводит итогов правления короля, потому что считает его власть «мнимой», «притворной» и «недостойной» [530], т.е. незаконной, а это явная пропаганда в пользу партии Йорков.

Кроме того, Аноним всю кампанию Генриха VI и его сторонников по завоеванию власти определяет не иначе, как «великое коварство, замысленное и задуманное к его [Эдуарда IV] полному уничтожению»[531], а также подчеркивает, что все эти действия происходили «вопреки воле Божьей и вопреки вере и долгу»[532]. Подобное видение и объяснение с отсылкой на решающую роль Божьей воли, преувеличение опасности еще раз подтверждают пропагандистскую направленность данного сочинения.

Подобный характер изображения представителя династии Ланкастеров на протяжении всего повествования сочетается с его постоянным противопоставлением Эдуарду IV «истинному королю» из династии Йорков.

Примечательно, что другой современник Анонима – Роберт Фабиан – автор «Новой хроники» видел в личности и деятельности Генриха VI, как отрицательные стороны, что перекликается с позицией Анонима, так и положительные[533].

---

[530] Ibid. P. 36, 92.

[531] He had suppressed them, that, of so great malice, had procured and laboured at their powers his utter destruction, contrary to God, and to their faiths and liegeances. The pretended authority of King Henry. Ibid. P.49, 67.

[532] Ibid. P.49, 67.

[533] Браун Е.Д. Создание стереотипов правителей. Указ.соч. С. 151 –155.

В первых строках своего труда автор анонимной хроники называет графа Уорика предателем и мятежником, отрицательно оценивает его действия, винит его в наущениях герцога Кларенса против собственного брата (Эдуарда IV)[534]. При этом хронист именует «делателя королей» подобным образом неоднократно, как бы убеждая своего читателя, что Уорик, действительно мятежник, предатель, инициатор заговоров и виновник конфликтов – явная негативная оценка через многократное повторение, а это элемент пропаганды.

Аноним, противопоставляя Генриха VI истинному королю – Эдуарду IV, приводит также и антиподы ближайших сторонников этих королей.

В данном отношении, несомненно, значимой является фигура неоднократно вышеупомянутого графа Уорика, который разнообразными способами пытался привлечь союзников на сторону Генриха VI. Аноним пишет: «граф Уорик, зная о таком его [короля Эдуарда IV] путешествии и прибытии к Лондону, отправил в город письма, веля и приказывая противостоять ему [королю Эдуарду IV] и не дать пройти ему и его людям»[535]. Из приведенной цитаты мы видим, что именно Уорик предпринимал меры для противостояния народа Эдуарду IV, при этом используя приказы и повеления, т. е. добровольно жители столицы не поддержали бы сторонников династии Ланкастеров.

Хронист отмечает, что народ принуждали поддерживать Ланкастеров, а инициатором такой политики выступал сам «делатель королей»: «Уорик находился в пути и быстро приближался к Лондону»[536]. Аноним поясняет, что обычными призывами Уорик не ограничился: «из страха смерти и других больших угроз были принуждены присоединиться к армии бастарда [Эдуарда - сына Генриха VI] , хотя сами противились. Особенно те, которые были стары, неспособны, и из чести они были вынуждены послать других людей воевать или дать деньги для найма воинов»[537]. Аноним стремится показать, что методы сбора войск

[534] The History of the Arrival. Op. cit. P.36.
[535] Ibid. P.57.
[536] Ibid. P.58.
[537] Ibid.

сторонником Ланкастеров были принудительными и несправедливыми. Неоднократно автор хроники заостряет внимание на том, что люди присоединялись к их армии исключительно из-за давления и угроз, а не по своей воле. Вновь мы видим, как Аноним применяет метод повтора.

Акцент на использовании насильственных методов, таких как угроза смертью или обязательство отправки денег на наем солдат, характеризует Уорика с отрицательной стороны, а также усиливает эффект осуждения его действий и располагает аудиторию к противоположной стороне – Йоркам.

В вышеприведенных фрагментах текста хроники неоднократно отражено, как Аноним отчетливо и однозначно рисует негативный образ Уорика. Автор, таким образом, открыто выражает свою неприязнь к нему, как к «сообщнику» Генриха VI.

Бесталанность действующего монарха полностью компенсировалась решительностью графа Уорика, политический вес которого смогла, в свою очередь, в полной мере оценить каждая из двух противоборствующих партий. Его поступки наглядно показали, как активно он готов был защищать кандидата, посаженного им на трон.

Аноним и не сомневается, что именно Уорик, а не сам Генрих VI (по мнению хрониста он являлся узурпатором) руководил всей кампанией по захвату власти и пытался ее удержать. Аноним пишет: «побудил [Архиепископ Йоркский по призыву графа Уорика] Генриха, называвшегося королем, сесть в седло и поехать от Святого Павла через Чип, повернуть к Уолбруку, как обычно шли процессии в Лондоне, и вернуться обратно к Святому Павлу, к епископскому дворцу»[538]. Организация подобной торжественной процессии была важным символическим актом, целью которого было продемонстрировать признание власти Генриха VI народом и подтвердить его статус как законного короля. Маршрут, выбранный для процессии, проходил через центральные улицы

[538] He induced (the Archbishop of York, at the summons of the Earl of Warwick) Henry, who was called king, to mount his horse and ride from St. Paul's through Cheap, turn towards Walbrook, as the processions were wont to do in London, and return back to St. Paul's, to the bishop's palace. Ibid. P.58.

Лондона и церкви, где было многолюдно, что позволяло максимальному количеству горожан увидеть короля.

Автор хроники акцентирует внимание на инициативе Уорика в проведении процессий с участием Генриха VI в городах для привлечения населения. Данный замысел и был реализован с помощью архиепископа Йоркского[539].

По мнению Анонима, Уорик был убит при попытке бегства (такая смерть – недостойная для воина), что также показывает его не с лучшей стороны: «В этой битве был сражен граф Уорик, в бегстве – тот, кто назначен был и поставлен во главе войска»[540]. Аноним говорит о трусости Уорика, что так же может служить приемом пропаганды.

Под сомнение хронист ставит и сам титул Уорика: «Уорик мнимой властью Генриха, тогда называемого королем, был назначен наместником Англии»[541]. Аноним проводит аналогию между незаконным характером власти самого Генриха VI и таким же незаконным назначением Уорика.

Все вышеперечисленное еще раз подтверждает пройоркскую позицию Анонима и пропагандистскую направленность его хроники: тот, кто пошел против истинного короля даже умирает с позором – в момент бегства, а не в честном бою.

Несмотря на столь негативную характеристику графа Уорика, Аноним не считает его главным зачинщиком конфликта.

Йоркистская пропаганда в лице автора «Истории прибытия…» назвала конкретного виновника, точнее виновницу развязывания конфликта – супругу Генриха VI королеву Маргариту Анжуйскую.

Йоркисты обвиняли Маргариту в том, что она «управляла всей Англией… вознамерилась уничтожить законных наследников престола [Йорков] из-за нее Англия была полностью разорена»[542]. Эти обвинения были частью пропагандистской кампании Йорков против королевы Маргариты Анжуйской. При

[539] Ibid. P.56–58.
[540] Ibid.P.65.
[541] Warwick by the pretended authority of Henry, then called King, he was constituted Lieutenantl of England. Ibid. P.47.
[542] Браун Е.Д. Войны Роз. История.Указ.соч. С.139.

этом, нападки на Маргариту не были чем-то новым. Королева была крайне непопулярна как среди простых подданных, так и среди аристократии по ряду причин. Во-первых, она была иностранкой и почти что бесприданницей. Во-вторых, королева нарушала стереотипы поведения своего пола, не соответствовала представлениям о смиренности и податливости. Напротив, она являлась настоящим лидером партии Ланкастеров и возглавила сопротивление Йоркам. В йоркистской версии истории Маргарите отводилась роль губительницы Англии[543].

Однако, интересен тот факт, что Аноним на протяжении всего повествования именует Маргариту королевой, в отличие от ее супруга Генриха VI, который по мнению хрониста – узурпатор, незаконно захвативший власть, как и их сын Эдуард. По свидетельству Анонима был лишь прозван принцем, но фактически им не являлся[544].

Аноним не дает Маргарите какую-то отдельную роль и не жалует ее таким огромным количеством внимания, как Уорика – «Делателя королей».

Временные рамки хроники упускают обстоятельства, при которых Маргарита оказалась во Франции; повествование начинается с ее возвращения в Англию. Хронист четко определяет цель ее прибытия из Франции: «королева Маргарита и ее сын, называемый принцем Уэльским, графиня Уорик, приор Святого Иоанна, лорд Венлок со многими прочими их друзьями и сторонниками, со всеми силами, какие могли собрать, были наготове на побережье, намереваясь отправиться в западные земли; и так они вышли из Лондона и направились к западу, и начали там мутить народ, чтобы собрать как можно больше людей и встретить их по прибытии, сопровождать их, поддержать и содействовать им против короля и его сторонников в споре Генриха, называвшегося тогда королем и захватившего регалии» [545]. В качестве приема пропаганды хронист приводит негативное описание действий противника своего покровителя. Автор подчеркивает, что королева

[543] Там же. С.140.
[544] The History of the Arrival. Op. cit. 49,52,56,73,80, 83,84,94.
[545] Ibid. P.56.

Маргарита и ее сторонники «начали обманывать народ»[546], то есть явно использовали нечестные методы во вред подданным. Также Аноним снова повторяет, что Генрих «назывался королем», т.е. не был законным и захватил регалии. В очередной раз мы встречаем негативное описание действий противоположной стороны.

Свидетельства, предложенные Анонимом, которые объясняют причины приверженности горожан именно Йоркам, одновременно подтверждают и их нежелание примкнуть к кампании сподвижников Ланкастеров по завоеванию власти в 1470 и попыткам окончательно сместить Эдуарда IV. В хронике Анонима мы читаем: «практически никто не пожелал примкнуть к Генриху, поскольку в эти места мятежниками были разосланы специальные люди, которые настраивали народ против Его Высочества (Эдуарда IV), чтобы они не признавали его и не принимали своего Короля»[547]. В этом же предложении содержится информация о об одном из способов получения расположения народа: сподвижники Генриха VI пытались настроить людей против Эдуарда. Однако хронист не уточняет, какие методы использовались.

Аноним, в свойственной ему манере, неоднократно выставляет сторонников Ланкастеров как людей, нечестных, лживых. Однако, делает он это не только с помощью конкретных, прямых указаний на подобные отрицательные качества личности, как встречалось ранее, но и говорит об этом «между прочим». Например, иллюстрируя момент, когда тела погибших знатных сторонников Генриха VI были доставлены к Собору Святого Павла в Лондоне. Автор объясняет повеление короля Эдуарда IV открыто показать народу тела погибших лордов, графа Уорика и его брата тем, чтобы «людей уже не обманывали прельстивыми рассказами»[548]. Хронист поясняет: «многие из них, склонявшиеся на сторону графа Уорика, любили сочинять»[549]. Далее автор предполагает, что

[546] They started deceiving the people. Ibid. P.61.
[547] Almost no one wanted to join Henry, since the rebels had sent special people to these places who were turning the people against His Highness (Edward), so that they would not recognize him and accept their King. Ibid. P.40.
[548] Ibid. P.71.
[549] Ibid. P.68.

именно они бы «насочиняли»: «без всякого сомнения, по всем землям расходились бы слухи о том, что оба они – или, по крайней мере, граф Уорик – еще живы с тем, чтобы такими слухами породить новое беспокойство, мятежи и восстания среди недовольного люда»[550]. Аноним уже в который раз не упускает возможность подчеркнуть, что сторонники Уорика действовали исключительно бесчестными методами: «посредством лживых измышлений и клеветы, которые по лживому и коварному наущению могли бы разойтись и распространиться по всем землям стараниями тех людей, которые имели привычку и часто прибегали к этому бесчестному обычаю»[551]. Язык повествования хроники вновь создавал советующий негативный образ сторонников династии Ланкастеров, особенно активно проявляющего себя, Ричарда Невиилла – «делателя королей».

Таким образом, Аноним описывал Генриха VI и династию Ланкастеров, в отличие от Эдуарда IV и династии Йорков, с негативной точки зрения. Что проявилось в обозначении незаконности власти Генриха и всей династии Ланкастеров, отрицательной характеристике сподвижников этого короля – «мятежников», их нечестных методов борьбы за власть. Также в повествовании отсутствует связанная характеристика Генриха VI, а его притязания на трон и все, что с этим было связано определяется хронистом как нечто противоестественное. Подобный язык повествования хроники доказывает пропагандистскую направленность данного сочинения. Цель которой – обоснование неоспоримости притязаний Эдуарда IV на корону и доказательство того, что именно этот король – единственный законный и достойный правитель, который сможет исправить ошибки предыдущего короля и обеспечить процветание государства.

Эта цель достигается посредством создания положительного образа Эдуарда IV и антипода ему – Генриха VI с помощью различных приемов и особого языка пропаганды.

---

[550] Doubtless, else the rumour should have been sown about, in all countries, that they both, or else at the least, the Earl of Warwick was yet alive, upon (the) cursed intent, thereby to have caused new murmurs, insurrections, and rebellions, amongst indisposed people. Ibid.

[551] Ibid. P.65.

Хронист часто использует метод повтора для усиления пропагандисткой направленности, чтобы убедить читателей своей хроники в незаконности власти Генриха и династии Ланкастеров. А с другой стороны, Аноним постоянно противопоставляет Генриха VI и его сторонников истинному королю – Эдуарду IV. Что проявляется в более подробном описании личности Эдуарда IV с упором на множественные доказательства праведности его действий и законности власти.

Также Аноним использует преувеличение, отмечая безусловную любовь и преданность «истинных слуг» и народа своему истинному королю – Эдуарду IV. Преувеличивает Аноним и «великие несчастья и трудности», с которыми с необыкновенной стойкостью и мужеством справлялся сам король и подобно ему и его сторонники, в том числе и жена – Елизавета Вудвилл. Освещая данные сюжеты, Анонимный автор использует и метод аналогии. Аноним, стремясь показать моральное превосходство Эдуарда IV, а также его сподвижников над своими врагами, часто обращает внимания на трусость последних, предательство друг друга и нечестные методы завоевания власти: запугивание и обман. С этой же целью хронист приводит антиподы основных сподвижников этих королей.

Аноним с целью пропаганды, лишь вскользь упоминает или вовсе умалчивает о негативных моментах, которые связаны с его покровителем – Эдуардом IV. Среди таких сюжетов – причины его свержения и бегства в 1470 году, смерть Генриха VI, судьба многих его ближайших сторонников, многочисленные казни.

Хроника была создана с целью подтверждения легитимации власти Эдуарда IV, вернувшегося в Англию в марте 1471 года, чтобы вернуть себе трон после бегства в Бургундию. Текст хроники был принят Эдуардом IV в качестве официальной версии изложения событий, сопровождавших его восстановление на троне. Краткая версия хроники после написания в конце мая была переведена, разослана по королевству и отправлена за рубеж[552]. Характеризует хронику как пропагандистскую и английский историк Чарльз Росс, написавший биографию

[552] Bruce John. Op. cit. P. 6.

Эдуарда IV[553]. С.Гонт данное произведение обозначила как интеграционную пропаганду, а не агитационную, так как «идеи автора были переданы только через другие хроники и вторичные источники»[554]. Вероятно, историк имела ввиду, что идеи, которые пытались вложить авторы в своих официальных хрониках (в том числе и в Анонимной хронике), не всегда распространялись напрямую, а проходили через фильтр пересказов и адаптации в других источниках.

Можно констатировать, что автор Анонимной хроники обозначил основные методы воздействия на общественное мнение, с целью укрепления власти своего покровителя – Эдуарда IV, убеждая читателей в абсолютной правдивости версии событий, излагаемой им на страницах своего труда.

2. 3. Магистр из Кембриджа – Уоркуорт о Войнах Роз и ее основных участниках.

Династическая борьба второй половины XV века и ее основные участники стали объектом внимания Джона Уоркуорта, отразившего на страницах своей хроники события с 1461 года по 1474 год**.**

Согласно национальному биографическому словарю, Уоркуорт был человеком неизвестного происхождения. Однако выдвигаются предположения, что он уроженец епархии Дарема, в которой он был рукоположен в послушники епископом Греем из Эли в 1468 году[555]. Известно, что хронист учился в Оксфорде, был избран членом Мертонского колледжа в 1446 году и оставался главой колледжа до своей смерти в октябре или ноябре 1500 года. Уоркорт оставил завещания церквям в Леверингтоне и Коттенхеме и монастырям в Эли, Кройленде и Барнуэлле, создав свой собственный колледж, для которого он был крупным благотворителем[556]. Данные факты говорят о состоятельности этого человека.

[553]Ross Charles. Edward IV. Op.cit. P. 275.
[554] Gaunt Sarah K. English Political Propaganda, 1377–1485. Op.cit.P.39.
[555] Gairdner. Op. cit. P. 387.
[556] Warkworth. Op.cit. P. 25.

Среди множества рукописей, которые он передал колледжу, была «Хроника», обычно называемая его именем, с надписью его собственной рукой на обложке тома. В самой хроники автор не приводит никаких свидетельств о себе.

Шекспировед Джеймс Холливел-Филипс, опубликовавший текст хроники, указывает, что ему «не удалось собрать ничего относительно личной истории Уоркуорта, за исключением того, что он был магистром Колледжа Святого Петра с 1473 по 1498 год нашей эры»[557]. Он был большим любителем учебы и литературы. Как представитель интеллигенции и руководства колледжа, Уоркуорт имел доступ к разным источникам. Основной источник – анонимная хроника «Брут», доведенная несколькими продолжателями до 1419 года и дополненная до 1461 года известным издателем Уильямом Кекстоном, напечатавшим ее в 1483 году в Сент-Олбансе[558].

Исходя из содержания хроники и рода деятельности предполагаемого автора, мы также задались следующими вопросами: для кого предназначалась данная хроника, на какую аудиторию была рассчитана, какова была цель ее создания. Однако, к сожалению, ни в тексте самой хроники, ни в комментариях ее издателей не содержится подобная информация. Мы можем лишь предположить, что хроника Уоркуорта предназначалась для узкого круга лиц. Вероятно, данный труд не мог широко распространяться в качестве изложения официальной точки зрения, потому что хронист неоднократно транслирует некоторые негативные оценки правления Эдуарда IV. Такие изречения явно могли составлять угрозу для автора.

В традиции, заложенной предыдущими поколениями средневековых хронистов, Уоркуорт уделяет значительное внимание астрономическим знакам и предзнаменованиям, которые призваны привлечь внимание читателя и подчеркнуть значимость событий, которые описаны в хронике. Например, по свидетельству хрониста, в 1468 году «пылающая звезда» появилась на западе в 1471 году… труп Генриха VI истекал кровью на площади Святого Павла, а затем был выставлен в

[557] Ibid. P. 25.
[558] Сорокина Т.Б. Ревизия хроники … С.146.

«Black Fryries» как доказательство того, что встретил насильственный конец; в январе следующего года была и другая комета – самая чудесная сверкающая звезда»[559]. Метафора «Пылающая звезда» символизирует драматическое событие, дурное предзнаменование. Упоминание известной городской площади Святого Павла подтверждает необходимость придания публичности смерти Генриха VI. Открытая демонстрация тела Генриха VI служила гарантией предотвращения распространения слухов о его возможном спасении, которые могли привести к возникновению волнений против вновь пришедшего к власти Эдуарда IV. Фраза «насильственный конец» подчеркивает беспощадность обстоятельств, приведших к гибели монарха. В конце предложения хронист вновь упоминает о комете – дурном предзнаменовании, что отражает негативное отношение автора к происходящим событиям династической борьбы.

Уоркуорт четко не обозначает свою позицию относительно законности власти Йорков или Ланкастеров. Он лишь отмечает, что король (Эдуард IV) высадился на севере и заявил, что не претендует на корону, а лишь «хочет получить Йоркское герцогство, принадлежавшее ему по праву наследования»[560]. Подобную позицию Эдуарда IV транслировал и Аноним. То есть номинально магистр признает право династии Йорков на трон Англии.

Необходимо уточнить, что Уоркуорт в своей хронике именует королем как Эдуарда IV, так и Генриха VI. Следовательно автор признает того и другого в качестве главы государства.

Что же касается отношения народа к самим королям и их приходу к власти, мнение Уоркуорта также отличается от позиции Анонима, который королем признавал исключительно Эдуарда. Что прежде всего было обусловлено временем создания его труда и социальным положением автора. Хроника Уоркуорта предположительно была составлена в 1484 году, когда у власти находился Ричард III, вступивший на престол после загадочной смерти законных наследников –

[559] Warkworth. Op.cit. P. 25.
[560] Ibid. P. 14.

сыновей Эдуарда IV. В то время Ричард III пытался противостоять восстанию Бекингема и вторжению Генриха Тюдора в Англию.

Уоркуорт упоминает об отношении народа к правлению Эдуарда IV Йорка: «когда король Эдуард IV правил, люди заботились о процветании и мире, но этого не произошло; одна битва за другой, и множество неприятностей и ужасов среди простых людей»[561]. Хронист отмечает, что после неудачного правления неспособного на то короля Генриха VI Ланкастера, народ от нового короля ждал исключительно положительных изменений: «он вернул бы все свои утраченные владения, исправил бы все коррупции в государстве и принес Англии процветание и мир»[562]. Уоркуорт отразил в этих словах настроения англичан и их восприятие династического конфликта.

Разочарование народа в деятельности Эдуарда IV впоследствии отразилось в проявлении сочувствия и сострадания к другому королю – Генриху VI, когда он вновь взошел на трон. Уоркуорт пишет: «Этому были полны радости все его доброжелатели и большая часть людей» [563]. Данная фраза показывает разницу взглядов на возвращение Генриха VI на трон между лондонской купеческой элитой (Бейл и Грегори) и профессором университета. Вероятно, отмеченное автором обстоятельство связано с недовольством действиями предыдущего правителя – Эдуарда IV. Для купцов экономическая политика Эдуарда была выгодной. Король активно поддерживал производство шерстяных изделий, предоставлял налоговые льготы и придерживался политики протекционизма для защиты английской продукции от иностранной конкуренции, что существенно увеличивало доходы купеческого сословия. Уоркуорт же обращает внимание и на негативные черты правления Эдуарда, а именно на его участие в военных кампаниях: неоправданных и пагубных.

Уоркуорт также подчеркивает, что за время правления Эдуарда IV, по мнению жителей, экономика страны пришла в упадок. Обвиняли они в этом самого монарха:

[561] When King Edward reigned, the people expected all the aforesaid prosperity and peace. Warkworth. Ibid. P. 19.
[562] He would regain all his lost possessions, and amend every corruption in the state, and bring the realm of England into prosperity and peace. Ibid. P. 19.
[563] Whereof alle his goode lovers were fulle gladde, and the more parte of peple.. Ibid. P.11.

«король Эдуард был виноват в нанесении вреда торговле, поскольку в его дни они (английские товары) не были в других странах, в том числе в Англии, не пользовались такой репутацией и доверием, как раньше[564]. Примечательно, что по отношению к Генриху VI, хронист, придерживается позиции, что «плохим» и виноватым, например, в потере территорий, был не сам король, а его ближайшие сторонники. В тексте хроники сказано: «Франция, Нормандия, Гасконь и Гаяна были потеряны в его время <...> все из-за его фальшивых лордов, а не из-за него»[565], «среди прочего были причины, которые заставили людей злиться на него, и все из-за его фальшивых лордов, а не из-за него»[566]. Хронист фиксирует типичные представления подданных о действиях своего властителя, характерные для английской общественности того периода. В вышеприведенной цитате хронист дает приближенным Генриха VI явную негативную оценку, в пользу самого монарха – Генриха VI.

Ранее Уоркуорт свидетельствовал, что Эдуард не оправдал ожиданий и надежд, которые на него возлагались народом, и виноват в этом, по сути, был он сам, поэтому возвращение на трон другого короля – Генриха было воспринято более или менее благосклонно. Такими образом, Уоркуорт по-разному определяет виновных в неудачах в ходе правления королей: в одном случае ответственность нес сам Эдуард IV, а в другом – лорды Генриха VI, а не он.

В данном отношении, для хроники, написанной после 1478 года, она предлагает в некоторой степени «ланкастерское» прочтение событий в решающий 1470 год, когда Генрих VI был возвращен на трон графом Уориком в союзе с Маргаритой Анжуйской.

Действительно, хронистом высказывается ряд критических замечаний в адрес Йорков. Вероятно, данная позиция автора хроники обусловлена временем ее

[564] Ibid. P. 11.
[565]Fraunce, Normandy, Gasgoyne, and Guyane was lost in his tyme....and alle bycause of his fals lordes, and nevere of hym. Ibid. P. 12.
[566] No force of the Kynges honour, ne of his wele, ne of the comone wele of the londe, where Kynge Herry trusted to them that thei schuld do, and labour in tyme of innocence evere for the comone wele, whiche thei dyde contrary to his wille. And these were the causes, withe other, that made the peple to gruge ageyns hym, and alle bycause of his fals lordes. Ibid. P.13.

создания, соответствующему непродолжительному правлению Ричарда III, который пытался выставить своего брата Эдуарда IV с отрицательной стороны. А также тем фактом, что автор принадлежал к университетской элите, которая негативно воспринимала саму династическую борьбу[567].

Вероятно, отрицательные отзывы о правлении Эдуарда IV появились еще при его жизни и отображали скрытое недовольство значительной части подданных. Так как в ту эпоху большинство авторов находились под влиянием своих благодетелей[568], следовательно, Уоркуорту приходилось учитывать мнение покровителя, выбирая тон повествования. Тем не менее, абсолютно точно доказать или опровергнуть подобное утверждение довольно непросто.

Мнение некоторых современных историков не сходится с точкой зрения Уоркуорта. Так, например, Джеффри Джеймс полагал, что Эдуард IV пользовался популярностью и благосклонностью как среди простолюдинов, так и представителей высших сословий[569]. При этом мы не можем всецело полагаться на мнение этого историка ввиду недостаточно широкой библиографии в его труде.

Согласно хронике Уоркуорта, король изначально активно применял разнообразные меры, направленные на завоевание симпатий народа и привлечение большего числа сторонников. Хронист говорит про действия Эдуарда IV следующее: «он подтвердил и ратифицировал все блага городам и деревням и даровал многим городам и поселениям больше привилегий, чем было дано раньше»[570]. Естественно, вновь пришедшему к власти королю были необходимы сподвижники и опора среди знати. Для укрепления связей между королевской властью и влиятельными представителями общества «Эдуард раздавал титулы и земли», на что также обращает внимание хронист[571]. Эдуард IV, понимая важность

[567] Кузнецов, Е.В. Общественно-политическая борьба. Указ. соч. С.20-22.
[568]Whittle, A. The Historical Reputation of Edward IV 1461–1725: PhD Dissertation / Andrew Robert Whittle. Norwich: University of East Anglia, 2019. P.65.
[569] James Jeffrey. Edward IV: Glorious Son of York.Op.cit. P. 58–60.
[570] He ratyfied and confermyd alle the ffraunsches yeve to citeis and townes, &c. and graunted to many cyteis and tounes new fraunschesses more than was graunted before. Warkworth. Op.cit. P. 2.
[571] Ibid.

народной поддержки для легитимизации и укрепления своей власти, предоставлял льготы городским общинам.

Фрагменты текста демонстрируют стратегический подход короля, который вновь получил корону. Таким образом, мы наблюдаем пример попытки умелого использования ресурсов власти, направленный на удовлетворение интересов различных слоев средневекового общества, с целью укреплений позиций монарха.

Согласно утверждению Джона Уоркуорта, к 1470 году авторитет Эдуарда IV существенно снизился, так как на протяжении десяти лет он занимался подавлением восстаний и раскрытием предательств вместо того, чтобы «посвятить себя исправлению несовершенств всего хода вещей, тогда существовавших»[572]. Хронист имел ввиду, что Эдуард IV пренебрегал решением существующих проблем государства. В ходе своего повествования Уоркуорт проводит параллель между положением Эдуарда IV перед его вынужденным отъездом в Бургундию и ситуацией с Генрихом VI незадолго до 1460 года, отмечая схожесть обстоятельств, в которых оказались короли.

При том что хронист фактически находит сходство в положении Генриха VI накануне потери короны в 1460 году и Эдуарда IV при возвращении в Англию в 1471 году, просматривается и существенное различие в данном сюжете. В последнем случае мы видим достаточно подробное описание активных действий Йорка, предпринимаемых для укрепления собственного положения, когда подобных свидетельств относительно Генриха VI мы не встретим.

Бесспорно, в период Войн Роз бывали ситуации, когда от городов зависел исход борьбы, что также нашло отражение в Хронике Уоркуорта.

Джон Уоркуорт приводит множество сведений, которые подчеркивают лояльность лондонцев к дому Йорков и их союзникам. Эта стратегия позволяет представить правление Эдуарда IV как легитимное поддерживаемое населением и усилить образ короля в глазах читателей. В частности, хронист говорит о реакции лондонцев на события, которые произошли «в феврале 1461 г. после победы во

[572] Ibid.

второй битве при Сент-Олбансе, когда ланкастерско-шотландская армия подступила к Лондону, горожане отказались ее впустить»[573]. Далее Уоркуорт поясняет: «когда простолюдины узнали, что мэр и олдермены собираются отправить во вражеский лагерь продовольствие для того, чтобы заручиться благосклонностью королевы Маргариты на тот случай, если город все же окажется в ее руках, они не выпустили телеги с ними за ворота»[574].

Хроника Уоркуорта имеет достаточно сухой характер повествования без отсылок на эмоции самого автора.

Практически достаточно равнодушно Уоркуорт говорит о первых годах правления Эдуарда IV. Не обозначая своей позиции, он лишь излагает хронологию событий по определенному шаблону: обозначение года правления Эдуарда IV, далее следует описание происходящего.

Например, Уоркуорт пишет, что «на третий год правления Эдуарда Англию пронизывал сильный мороз и снег, чтобы люди могли пережить тяжелые погодные условия, им была оказана материальная помощь»[575]. Данный эпизод, отраженный Уоркуортом, показывает Эдуарда как правителя с хорошей стороны.

Не обошел хронист в своем повествовании и событие, которое сыграло немаловажную роль в дальнейшей судьбе короля. Речь идет о тайной женитьбе Эдуарда на вдове сэра Джона Грея (сторонника Ланкастеров) – Элизабет Грей (Елизавете Вудвилл), которая станет причиной раскола, как отмечает и сам Уоркуорт, между королем и одним из его сподвижников – графом Уориком. Летом 1464 года Уорик отправился во Францию, чтобы договориться о возможном браке с родственницей короля Людовика XI, Боной Савойской, но в сентябре того же года Эдуард объявил своему двору, что он уже женат. Автор никак не комментирует данный сюжет, лишь предвещает тот факт, что в дальнейшем «Уорик отплатит ему тем же» [576], что в последствие и произойдет – Уорик будет инициатором двух

[573] Ibid. P. 4.
[574]Ibid.
[575] Ibid. P. 3.
[576] Erle of Warwyke toke to hyme in fee as many. Ibid.

заговоров, в ходе которых он пытался посадить на трон вначале младшего брата Эдуарда IV, Джорджа, герцога Кларенса, а затем свергнутого ранее короля Генриха VI.

Далее хронист дает краткую аннотацию событий, которые происходили в каждый год правления Эдуарда. При этом снова никак их не комментирует и не высказывает свое мнение относительно как внутренних реформ, так и вопросов внешней политики. Например, мы узнаем, что в 1464 году Король Эдуард изменил чеканку монет в Англии, благодаря чему «у него были большие доходы»[577]. Действительно, хронист мог напрямую не обозначать свое мнение и не давать оценку происходящему, но сам ход изложения событий мог нести в себе скрытый смысл и создавать нужный образ в голове читателей хроники.

Примечательно, что Уоркуорт в период правления Эдуарда IV фиксирует масштабные аресты и казни обвиненных в измене, среди которых граф Оксфорд, лорд Абрей, его сын, лорд Хангерфорд и множество других, как знатных, так и простых людей. Уорик также непосредственно участвовал в свершении «правосудия» относительно изменников: «Хамфри Невилл, рыцарь, и Чарльз, его брат, были взяты графом Уориком и казнены в Йорке в присутствии короля»[578]. Единственный комментарий автора относительно масштабных арестов и казней, который встречается в большинстве случаев после перечисления виновных, что обвинение было предъявлено королем по праву. Следовательно, и последовавшие за обвинениями наказания, такие как арест, заточение в Тауэр или же казнь назначались справедливо по воли монарха на законных основаниях. Например, в хронике мы читаем: «И в тот же год сэр Томас Хунгерфорд, сын лорда Хунгерфорда, и Герри Кертни, граф Девиншир по праву были взяты в тюрьму и казнены в Солсбери» [579], а также: «так 20 человек дворян и женщин были повешены,

[577] Ibid. P.6.
[578] Ibid.
[579] And the same yere Sere Thomas Hungerforde knyght, sonne to the Lorde Hungerforde, and Herry Curteney, the Erle of Devynschyre of right, were takene for treasoune and behededede at Salisbury. Ibid. P.6.

вытащены, четвертованы и обезглавлены; и после этого их повесили по закону»[580]. Подобная характеристика действий монарха объясняется с точки зрения традиционной концепции королевской власти, согласно которой король всегда действует справедливо и правильно. Такое представление укрепляет идею законности и морального превосходства короля, одновременно оправдывая любые действия, предпринятые представителями династии Йорков против своих врагов.

Хронологические рамки хроники Джона Уоркуорта естественным образом предоставляют возможность включить подробный рассказ о предшественнике Эдуарда IV – короле Генрихе VI, принадлежащем к династии Ланкастеров. Так как изложенные события охватывают значительный временной промежуток, хроника позволяет проследить развитие политических процессов, предшествующих возвышению Эдуарда IV, включая моменты борьбы за власть между двумя враждующими домами. Такой исторический экскурс помогает лучше понять обстоятельства, повлиявшие на судьбу английского трона и формирование характерных черт правления последующих монархов. Хронист воздерживается от комментариев относительно характера власти, как самого Генриха VI, так и его предков (в отличие от Анонима). Уоркуорт дает оценку правления Генриха VI в контексте народных ожиданий и характеризует его как неудачное: «несчастного Генриха одолевали все большие и возрастающие трудности»[581]. Народ возлагал на молодого короля Эдуарде надежду на положительные изменения, что контрастировало с неудачами предыдущего правителя.

Особенного внимания с точки зрения пропаганды заслуживает и рассказ о реставрации династии Ланкастеров – кратковременное возвращение на престол короля Генриха VI в 1470 году.

Уоркуорт последовательно повествует о возвращении к власти представителя династии Ланкастеров без каких-либо комментариев относительно законности происходящего и анализа действий бывших сторонников Йорка. Автор хроники

[580] XX persones of gentylmen and yomenne were hangede, drawne, and quartered, and hedede ; and after that thei hanged uppe hy the law. Ibid. P.9.
[581] Ibid.P.19.

говорит о действиях графа Уорика и брата Эдуарда IV – герцога Кларенса, которые собирали людей с целью свержения Йорка: «в начале месяца октября епископ Винчестерский, с согласия герцога Кларенса и графа Уорика, отправился в Тауэр Лондона, где король Генрих находился в тюрьме по приказу короля Эдуарда, и там его отняли от своих хранителей»[582]. Уоркуорт указывает на неподобающее отношение к Генриху «которого никто не почитал как принца» [583]. Но при этом хронист уточняет, что узник (Генрих VI) «так чисто содержался, как будто был настоящим принцем»[584]. Тем самым автор противоречит своему замечанию, сделанному ранее. Вероятно, Уоркуорт выражал мнение, что Эдуарду, ранее заключившему Генриха в Тауэр, следовало бы относиться более уважительно к Генриху, пока тот находился в тюрьме несмотря на то, что речь шла о противнике в борьбе за трон.

Последовательно Уоркуорт перечисляет действия сподвижников графа Уорика по освобождению Генриха VI : «Его вывели и переодели, и оказали большие почести, и доставили к Вестминстерскому дворцу, и таким образом снова восстановили на троне, и стали так писать во всех высочайших письмах, указах и других бумагах год его правления: “ В 49 год правления Короля Генриха Шестого и первый [год] от восстановления [его] власти в его королевстве”».[585] Из этой цитаты мы видим, что король Генрих не сам вернул себе корону, а его «восстановили», в отличие от Эдуарда, который предприимчиво пытался вернуть себе власть. Анализируя процитированный отрывок, можно заключить, что возвращение Генриха VI на трон произошло не вследствие его личной инициативы, а благодаря усилиям других участников конфликта. Напротив, Эдуард IV предпринимал активные шаги, стремясь утвердиться в роли полноправного монарха. Таким образом, хронист подчеркивает пассивность и слабость характера Генриха и

[582] Ibid.P.11.
[583] Whiche was nozt worschipfully arayed as a prince. Ibid.
[584] So cleanly kept as schuld seme such a Prince. Ibid.
[585] Thei hade him oute, and newe arayed hym, and dyde to hyme grete reverens,and brought hyme to the palys of Westmynster, and so he was restorede to the crowne ageyne, and wrott in alle his lettres, wryttes, and other recordes, the yere of his regne, Anno regni Regis Henrici Sexti quadragesimo nono, et readempcionis sue regie potestatis primo. Whereof alle his goode lovers were fulle gladde, and the more parte of peple. Ibid. P.10.

противопоставляет его энергичному Эдуарду IV. При этом хронист не выражает свое положительное, либо отрицательное отношение к данному сюжету, а лишь отражает факт восстановления Генриха VI на троне с помощью его сторонников.

Хронист без излишних комментариев информирует: «Время короля Эдуарда было закончено, и король Генрих снова был удостоен своей короны и достоинства»[586].

Говоря о реакции подданных на возвращение короля Генриха VI, Уоркуорт подчеркивает, что «большинство граждан Англии были вполне довольны переменами»[587].

Хронист подробно пытается объяснить причины такого отношения к Генриху VI по возвращении на трон: «Причина крылась в том, что был казнен добрый герцог Глостер и отравлен Джон Холланд, герцог Эксетерский, и что герцог Саффолк, лорд Сэй, Дэниел Тревельян и другие зловредные люди, состоявшие при королевской персоне, были непомерно алчны и не заботились ни о чести короля, ни о его благе, ни об общем процветании земли, которую король Генри доверил их заботам, и, пользуясь его неосведомленностью, заботились лишь о собственном кошельке, вопреки его желаниям»[588]. Уоркуорт предполагает, что подданные Генриха VI рассчитывали на лучшее управление государством без вмешательства алчных сановников, ожидая от слабого короля большей справедливости и благополучия. Однако, данное свидетельство, скорее всего, лишь отражает историографическую традицию изображения монархов, когда во всех неудачах правителя обвинялись его приближенные, а не он сам, о чем уже упоминалось ранее в данном параграфе.

Также и другой король, по мнению хрониста, – Эдуард IV не оправдал ожиданий народа: экономика страны пришла в упадок, внешние конфликты не были решены.

Уоркуорт констатирует тот факт, что народ не был доволен ни правлением Генриха VI, ни Эдуарда IV, по причине неудачной политики этих королей. А

[586] Ibid. P.13.
[587] Were fulle gladde to have a chounge. Ibid. P.9.
[588] Ibid.P.1.

именно: при Генрихе были утеряны территории, а при Эдуарде пришла в упадок торговля. В данном отношении мы видим сходство в изображении королей. Перед нами точка зрения Уоркуорта, которая частично находит отражение и у современных историков.[589]

Примечательно, что Уоркуорт в своей хронике детально перечисляет участников событий 1471 года, когда король Эдуард IV прибыл в Англию с целью вернуть себе власть: «с ним был лорд Гастингс и лорд Глостер, Риверс около девяноста англичан и триста фламандцев»[590]. Но автор не описывает само путешествие Эдуарда, не говорит о методах, которые использовал Эдуард, об отношении народа к происходящему, причинах успеха сподвижников Йорка и неудачах Ланкастеров.

Особенно детального анализа требует, вероятно, самое противоречивое событие Войн Роз – смерть короля Генриха VI Ланкастера. Данный эпизод порождает ряд важных вопросов, касающихся как непосредственно момента убийства, так и его последствий для дальнейшей династической борьбы. Вопрос о причинах и обстоятельствах смерти Генриха VI остается открытым и вызывает много споров. О чем мы упоминали ранее. Недостаток надежных источников затрудняет однозначное установление истины.

Во время «второго правления» короля Эдуарда IV хроники создавались в контексте так называемого «Йоркского мифа», в соответствии с которым все деяния династии Йорков должны были представляться исключительно с положительной стороны и способствовать укреплению власти и авторитета Эдуарда IV. А все сюжеты, связанные со смертью короля Генриха VI в Лондонском Тауэре значительно подрывали престиж Йорков[591].

---

[589] Кузнецов Е.В. Некоторые вопросы экономической политики королевской власти в Англии 1461 – 1485. // Средние века. – М., 1962. –Вып. 21. – С.187. Ландер, Дж.Р. Войны Роз… С. 31.

[590] Hade withe hym the Lorde Hastynges and the Lorde Say, and ix. c. of Englismenne and three hundred of Flemmynges with hande-gonnes. Warkworth. Op.cit. P.13.

[591] Griffiths R.A.. Henry VI (1421–1471). Oxford Dictionary of National Biography, Oxford University Press. 2015URL: https://doi.org/10.1093/ref:odnb/12953 (accessed 23 December 2023)

Уоркуорт в своей хронике не указывает конкретной причины смерти Генриха. Он предоставляет информацию как факт: «И в ту же ночь, когда король Эдуард прибыл в Лондон, король Генрих, находившийся в лондонском Тауэре, был уничтожен, 21 день мая, ночью вторника, между 11 и 12 часами, были тогда в Тауэре, герцог Глостер, брат короля Эдуарда, и многие другие»[592]. Уоркуорт намекает на насильственную смерть Генриха VI, предполагая, что упомянутые им лица, находившиеся в Тауэре, могли быть причастны к этому преступлению. Такая интерпретация усиливает впечатление, что хронист хотел избежать прямого обвинения кого-либо и предпочел оставить решение вопроса самим читателям.

Уоркуорт уделяет внимание описанию поступков и действий ближайшего окружения Эдуарда IV в ходе разворачивающихся событий. Читатели получают возможность оценить (не без влияния хрониста) поведение сподвижников Эдуарда IV и понять их влияние на общий ход конфликта[593]. Так, хронист пишет, что в 1469 году брат короля Джордж Кларенс и граф Уорик объединились и захватили короля, казнили отца и брата Елизаветы Вудвилл – жены Эдуарда IV. Ее мать обвинили в сговоре с темными силами, а Эдуарда удерживали и доставили его на некоторое время в замок Уорика, а после – в Йорк[594]. Эдуарду удалось освободиться, подавить восстание и изгнать мятежных родственников во Францию: «И когда герцог Кларенс и граф Уорик услышали, что битва проиграна, они направились на запад к берегу моря и направили сюда корабли; так что герцог и граф были готовы бежать к королю Франции, где их с благоговением приняли»[595]. В данной цитате речь идет о попытке бегства графа Уорика и герцога Кларенса в мае 1469 года во Францию к королю Людовику XI, поддерживавшему Ланкастеров. Людовик полагал, что, воспользовавшись слабостью Англии, ему удастся возвратить земли, утраченные Францией в результате предыдущих военных конфликтов, а также подчинить

[592] And the same nyghte that Kynge Edwarde came to Londone, Kynge Herry, beynge inwarde in presone in the Toure of Londone, was putt to dethe, the xxj. day of Maij, on a tywesday nyght, betwyx xj. and xij. Warkworth. Op.cit. P. 21.
[593]Ibid. P. 7.
[594] Ландер Дж.Р. Войны Роз. Указ. Соч. С.175.
[595] And whenne the Duke of Clarence and the Earl of Warwike herde the felde was loste, and how there cownselle was dyscoverede, thei fledde westwarde to the see syde; so that the Duke and the Erle were fayne to flee to the Kynge of Fraunce, where thei were worschipfully received. Warkworth. Op.cit. P. 9.

Бургундию. Следует обратить внимание на нейтральный характер описания хронистом этих событий. Автор никак не комментирует и не оценивает действия герцога Кларенса и Уорика, не осуждает их поступки, не применяет выразительных средств, которые бы могли показать его отношение к такому повороту событий.

Продолжая рассуждения об изображении хронистом сторонников короля Эдуарда, следует уделить внимание фигуре королевы – Елизаветы.

Данный сюжет Уоркуорт преподносит с фактологической точки зрения: «Королева Елизавета, жена короля Эдуарда, которая находилась в хорошо укрепленном и снабженном продовольствием Лондонском Тауэре, как только услышала, что ее муж и господин бежал, тайно скрылась из Тауэра и нашла прибежище в Вестминстере, со всеми ее детьми, и сама она была беременна, и прямо там и родила сына, которого назвали Эдуардом, принцем Англии; и там она претерпела много невзгод, пока король Эдуард не вернулся к ней»[596]. В отличие от Анонима Уоркуорт не указывает на стойкость и иные выдающиеся качества королевы, не пытается возвысить ее заслуги.

Не остался без внимания хрониста и неоднократно вышеупомянутый Ричард Невилл граф Уорик, чью немаловажную роль в династических войнах сложно недооценить.

Уоркуорт последовательно повествует о событиях, в которых принял участие граф Уорик, говорит об изменениях его взаимоотношений с королем Эдуардом IV, о заговорах, инициатором которых он являлся, мотивах и целях его действий[597].

Согласно свидетельству Уоркуорта взаимоотношения между Уориком и Эдуардом начали ухудшаться после тайной свадьбы короля на Елизавете Вудвилл: «В четвертый год правления короля Эдуарда граф Уорик был послан во Францию для устройства женитьбы короля, на одной светлой даме, племяннице короля

[596] Also Quene Elisabeth, Kynge Edwardes wyf, wiche hade welle vetelede and fortifyed the Toure of Londone, when sche herde that here soevereyne and husbonde was fledde, sche went secretly oute of the toure in to sanctuary at Westmynster, with alle here childrene, and sche hir selff was grete withe childe, and was delyverede ther ryght of a sonne that was callede Prynce Edwarde of Englonde; and ther sche abode stylle in grete troble, tylle Kynge Edwarde came in ageyne tylle hire. Ibid. P. 13.
[597] Ibid.P. 4, 9.

Франции. И пока упомянутый граф Уорик находился во Франции, король женился на Элизабет Грей, вдове, сэра Джона Грея, он был убит в Йоркфилде на стороне короля Генриха; и та же Элизабет была дочерью лорда Риверса; и венчание было предварительно проведено в секретном месте, в первый день мая указанного выше года. И когда Граф Уорик вернулся домой, тогда он был очень недоволен королем; и после этого все больше и больше рос разлад между ним и королем»[598]. Кроме того, хронист приводит краткие сведения о личности избранницы короля – Елизаветы Вудвилл, которая по ряду причин была явно неудачной партией для Эдуарда IV. Во-первых, Елизавета была вдовой Джона Грея, сторонника дома Ланкастеров. Во-вторых, Происхождение семьи Вудвилл считалось недостаточно высоким: несмотря на то, что мать Жакетта Люксембургская принадлежала к высокородному роду, отец Ричард Вудвилл был выходцем из мелких дворянских кругов. В-третьих, подобный выбор лишал Эдуарда IV статуса желанного жениха для европейских династий, стремящихся заключить выгодный политический союз путем брака с английским монархом. В-четвертых, семейство королевы, включающее двух взрослых сыновей от первого брака и множества братьев и сестер, быстро усиливало влияние своего дома, ослабив положение прочих аристократических родов[599]. Во времена Средневековья династические браки заключались, чтобы решить важнейшие внешнеполитические вопросы. Поэтому женитьба Эдуарда на собственной подданной и раздача ее семье почестей, титулов и владений для того, чтобы поднять престиж Вудвиллов, вызвали бурный протест как Уорика, так и других приближенных. Вероятно, Уорик не ожидал, что Эдуард не посчитается с его мнением и проявит самостоятельность в подобном вопросе.

Хронист замечает, что граф Уорик осознавал утрату контроля над юным королем, чье увлечение праздностью и развлечениями в первые годы правления значительно облегчало воздействие на его волю. Уоркуорт предвосхищал будущее предательство ближайшего сподвижника короля и организацию заговоров по

[598] Ibid. P.3.
[599] Граммитт, Д. Война Алой и Белой розы.Указ.Соч.С.135-136.

свержению своего бывшего покровителя – Эдуарда IV: «король изгнал канцлера/епископа, брата графа Уорика и сделал епископом/ канцлером Англии Бата. После этого Граф Уорик ему заплатил столько же»[600].

Хронист последовательно освещает и эпизоды, касающиеся попыток свергнуть Йорка, предпринятых и Уориком в том числе.

В 1470 году Уорик бежал во Францию, заключил союз с Маргаритой Анжуйской – супругой свергнутого короля Генриха VI, т.е. перешел на строну Ланкастеров. Данный факт не остается без внимания хрониста.

В хронике Уоркуорта мы читаем: «они не могли найти другого выхода, кроме как послать к королеве Маргарите и заключить брак между принцем Эдуардом, сыном короля Генриха и другим из упомянутых потомков графа Уорика (прим. Анна Невилл), который был заключен во Франции по доброй воле»[601].

Этот брак был неким подтверждением союза Уорика и Кларенса с Ланкастерами, в результате которого на трон должен был вернуться Генрих VI, а в случае отсутствия у него наследников корона перейдет Джорджу Кларенсу (брату Эдуарда IV). Об этом хронист пишет следующее: «Генрих должен снова радоваться королевскому владению Англии и править так же хорошо, как и раньше, а после него его принц Эдуард (его сын) и его законно рожденные наследники; и если окажется, что у него не будет законных наследников, тогда королевство Англия могло быть передано Джорджу, герцогу Кларенсу, и его наследникам навсегда»[602]. Уоркуорт никак не оценивает такой поступок Уорика несмотря на то, что графу такое соглашение было явно выгодно, ведь Кларенс был женат на его старшей дочери.

---

[600] Thenne the Kyng put oute of the Chaunceler-schepp the Bysshope of Excetre, brother to the Erle of Warwyke, and made the Bysshoppe of Bathe Chaunceler of Englonde. After that the Erle of Warwyke toke to hyme in fee as many. Warkworth. Op.cit. P.3.

[601].Thei coude fynde no remedy but to sende to Quene Margaret, and to make a maryage betwex Prynce Edwarde, Kynge Herry sonne, and an other of the seid Erle of Warwikys doughters, whiche was concluded, and in Fraunce worschippfully wedded. Ibid.P.9.

[602] Kynge Herry schuld rejoyse the kyngdome of Englonde ageyne, and regne as welle as he dyd before, and after hym hys Prynce Edward and his heyres of his body lawfully begotyne; and if it appenede that he disceysed witheoute heyres of his body lawfully gotene, thenne schulde the kyngdome of Englonde remane unto George, the Duke of Clarence, and his heyre[s] for evere more. Ibid. P.10.

Уоркуорт упоминает и другого человека, предавшего короля Эдуарда и объясняет причину, по которой это произошло – земельные владения: «Но упомянутый маркиз Монтегю ненавидел короля и поставил себе целью захватить его; и когда он был в миле от короля Эдуарда, то поведал своим людям, как король Эдуард сначала жаловал ему графство Нортумберлендское и как отнял его, передав Гарри Перси, чей отец пал на бранном поле близ Йорка, и как недавно сделал его маркизом Монтегю, чтобы поддержать этим его положение. Посему он дал знать своим людям, что встанет на сторону графа Уорика, своего брата, и попытается при возможности захватить короля Эдуарда и всех его приверженцев»[603]. Уоркуорт четко обозначает: Монтегю – предатель, т. е. используется прием создания негативного (отрицательного) образа личности.

Таким образом, мы можем резюмировать, что Уоркуорт изображает сторонников Эдуарда IV с нейтральной точки зрения, оперируя фактами без собственных оценочных суждений.

Можно сделать вывод, что хронист не демонстрировал крайне негативную, либо наоборот, «восхваляющую» точку зрения на действия Эдуарда IV и Генриха VI. Он последовательно излагал ход событий и не выражал свою приверженность тому или иному королю. Уоркуорт пытался, некоторым образом, показать отношение народа к политике королей, действиям их сторонников и всему происходившему. При рассмотрении данных сюжетов, хронист использовал тот же стиль, что и при описании самих королей. Оно якобы нейтральное, но с оговорками.

Уоркуорт как академический преподаватель, излагая ход событий, основывался на уже имеющихся источниках и не обозначал собственную позицию посредством комментариев и отсылок, а также не привязывал происходящее к вопросам веры. Данные факты еще раз подтверждают влияние социального положения автора на характер изложения информации в его труде.

[603] Warkworth. Op.cit. P.10.

Подводя итог исследованию нарративных источников, созданных современниками Войн Роз, мы можем сделать вывод, что они в различной степени использовали в своих трудах отдельные элементы пропаганды.

Среди таких современников были: представители лондонской интеллигенции Роберт Бейл, чья хроника была создана не позднее 1461 года и Уильям Грегори, имя которого присвоено хронике, охватывавшей события с 1189 по 1470 год, Анонимный автор хроники «Истории прибытия короля Эдуарда IV в Англию», описывающей события 1471 года, а также Джон Уоркуорт – мастер колледжа Св. Петра в Кембридже, автор хроники, составленной предположительно в 1484 году в Питерхаусе.

Указанные авторы при изложении хода событий, особое внимание уделяли фигурам самих монархов – Эдуарда IV и Генриха VI, но не оставили без внимания и их сподвижников, а также пытались показать отношение народа к политике королей и династическому конфликту в целом. Из всех этих произведений труд Анонима в большей степени носил пропагандистский характер, так как его хроника была создана при дворе Эдуарда IV, принята как официальная и должна была интерпретировать события в нужном для этого монарха контексте, а Уоркуорт стремился изложить как можно больше фактов в нейтральном ключе, Бейл и Грегори выражали свою симпатию Йоркам, а именно королю Эдуарду IV, но и указывали на недостатки в его правлении.

Среди рассмотренных в данной главе источников, действительно, в большей степени пропагандистская направленность прослеживается в Анонимной хронике «История прибытия…», автор которой являлся, по всей видимости, клириком, судя по стилю его речи, объяснению неудач Генриха VI и незаконности его власти божьей волей (данная позиция вовсе отсутствует у Бейла, Грегори и Уоркуорта), а также по подробному и детальному характеру описаний религиозных действий короля Эдуарда IV. В его хронике четко видна приверженность автора к династии Йорков и негативное отношение к династии Ланкастеров, что проявилось в обозначении незаконности власти Генриха, исключительно отрицательной

характеристике, как самого короля, так и его сподвижников – «мятежников». Также, в отличие от Грегори, Бейла и Уоркуорта, Аноним с целью пропаганды лишь вскользь упоминает или вовсе умалчивает о негативных моментах, которые связаны с его покровителем– Эдуардом IV. Подобного приема в других хрониках мы не встретим.

Однако и другие хронисты, но с меньшей долей интенсивности использовали в своих трудах различные методы пропаганды, такие как: метод повтора, противопоставление (Эдуард IV– Генрих VI, их сторонники), преувеличение, аналогия.

В хронике Уоркуорта мы встретим наименьшее количество элементов пропаганды. Автор старается предлагать нам лишь фактологическое изложение происходившего, не рассказывая о выдающихся высоких моральных качествах короля Эдуарда IV, его ближайшего окружения и воинов. В хронике Уоркуорта нашли отражение сюжеты, упущенные Анонимом. Так, хронист фиксирует, что за время правления Эдуарда IV, по мнению жителей, экономика страны пришла в упадок, и обвиняли они в этом самого монарха. По отношению к Генриху VI, хронист, напротив, придерживается позиции, что «плохим» был не сам король, а его ближайшие сторонники.

Несмотря на подобные различия в создании образа короля Эдуарда IV, авторы хроник определяют его действия «правом закона».

Авторы рассматриваемых нами источников интерпретировали события Войн роз, используя различные средства воздействия на общественное мнение, которые прослеживались при изображении хронистами, как самих королей, так и их окружения. Однако применяемые методы имели ряд особенностей. Данное обстоятельство вполне объяснимо различной позицией авторов по отношению к монархам. Отличались и обстоятельства, в которых авторы создавали свои труды: представители лондонской муниципальной элиты – Грегори и Бейл, напрямую не указывали на свою поддержку династии Йорков, однако она четко прослеживалась. Аноним – автор хроники, созданной по заказу Эдуарда IV, открыто выражал свою

приверженность к Йоркам. Уоркуорт – преподаватель колледжа в основном не комментировал события, о которых шла речь в его хронике.

Целевая аудитория рассмотренных в данной главе хроник была различна. Создание анналов среди лондонских интеллектуалов и деловых кругов воспринималось скорее, как увлечение. Поэтому в сохранившихся документах встречается немало заимствованных материалов. Поэтому лондонские хроники, авторство которых приписывается Уильяму Грегори и Роберту Бейлу, не тиражировались целенаправленно. Напротив, анонимная хроника, составленная после возвращения Эдуарда IV в Англию, получила статус официального документа, широко распространившегося для формирования единого представления о восстановлении власти этого короля. Хроника Уоркуорта, вероятно предназначалась для узкого круга лиц, однако точной информации не содержится ни в тексте самой хроники, ни в комментариях ее издателей. Мы можем предположить, что данный труд не мог широко распространяться среди населения в качестве изложения официальной точки зрения, потому что в содержании неоднократно встречаются некоторые негативные оценки правления Эдуарда IV, что могло быть опасным для автора.

Подводя общий итог по данному виду нарративных памятников, мы можем прийти к выводу, что несмотря на особенности содержания, различные хронологические рамки и интересы людей, создавших хроники, данные источники отражают события Войн Роз с точки зрения личной оценки авторов, косвенной или явной пропаганды. Сами же авторы единогласно воспринимали Войны Роз как очень трудное время, период практически постоянных беспорядков, что и отражали в своих текстах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пропаганда в общепринятом понимании – это современное явление, возникшее в результате создания грамотных и политически активных обществ, информированных средствами массовой информации, где правительства все чаще видели необходимость склонять общественное мнение в пользу своей политики[604].

Цель пропаганды, в общем смысле, – привлечение внимания, чтобы представленная информация (или то, что скрывается за ней) вызвала у того, на кого она направлена, внутренний конфликт или наоборот сформировала предвзятое отношение. С помощью пропаганды формируется впечатление, что факты, которые преподносят объекту пропаганды – максимально объективны.

Термин «пропаганда» имел религиозную окраску, сохранявшуюся вплоть до конца XVIII и начала XIX столетий. Однако уже в середине XIX веке наблюдается постепенное проникновение термина в политический контекст. Хотя до Первой мировой войны значение слова оставалось благородным и возвышенным, подразумевающим деятельность сторонников определенной идеи, стремящихся привлечь новых последователей [605]. В науке данный вопрос стал исследоваться лишь с XIX века, а в XX веке информационные войны стали важной составляющей частью политики государств. Естественно, современные информационные войны во многом отличаются от подобных акций прошлого.

Многолетняя внутренняя борьба между феодальными группировками, названная тюдоровскими историками Войнами Роз, наложила отпечаток на развитие общества и оказала влияние на всю последующую историю Англии. Кризис вскрыл самые глубинные противоречия, накопившиеся в социально-политической сфере, обнажил этнические и локальные проблемы феодальной Англии. Страна на некоторое время оказалась в водовороте непрерывных военных столкновений, мятежей и распрей, которые задевали интересы самых различных слоев населения.

---

[604] Тогузаева Е.Н. Пропаганда как общенаучная категория // Право: история и современность. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-kak-obschenauchnaya-kategoriya (дата обращения: 25.05.2025).
[605] Феллоуз, Эрвин У. «Пропаганда»: история слова .Указ.Соч.С. 156.

Современники событий династической борьбы между династиями Йорков и Ланкастеров за трон, начавшаяся с узурпации трона Генрихом IV - основателем династии Ланкастеров в 1399 г. и закончившаяся браком наследников враждовавших домов – Генриха VII и Елизаветы Йоркской в 1486 не думали о том, что все происходящее является единым конфликтом, также они не связывали борьбу между знатью с алой и белой розами. Войны Роз появились благодаря пропагандистам ранних Тюдоров – Генриха VII и Генриха VIII.

В ходе династической борьбы эпохи Войн Роз ключевым участникам необходимо было формировать и транслировать в общество определенный миф, который бы подтверждал их притязания на корону и дискредитировал противников. Это был важнейший инструмент укрепления власти. Поэтому изучение пропаганды в период Войн Роз позволяет расширить представления о механизмах династической борьбы, которые выходили за рамки вооруженных столкновений, понять на сколько осознанно и целенаправленно представители политической элиты использовали инструменты пропаганды. А также определить каким был язык пропаганды, формирующий подобные мифы и стереотипы, формирующие общественное сознание. Эти аспекты и определяют актуальность темы нашего исследования.

Центральные органы власти в лице короля, его канцелярии, ближайшего окружения и парламента являлись создателями документов, отражающих события Войн Роз с точки зрения пропаганды. Необходимость агитации населения королем обычно заключалась в поддержке войны, в то время как агитация знати была связана с обеспечением безопасности их собственных интересов, а в случае с другими группами это обычно была жалоба на управление королевством[606]. Пропаганда интеграции, тем временем, представляет собой более тонкую форму убеждения, часто преследующую долгосрочные цели.

Королевские прокламации, в большинстве представлявшие собой королевские указы, которые было необходимо зачитать вслух, либо разместить в

[606] Gaunt Sarah K. English Political Propaganda.P. 194.

многолюдных местах. В основном прокламации являлись инструментом именно государственной пропаганды, а не со стороны мятежников. Среди рассмотренных нами в рамках данного исследования источников, прокламации имели самую широкую аудиторию распространения. Они также содержали в себе повтор, преувеличение, определенное именование королей и их сторонников, создание определенного образа и т.д. Наличие специальных инструкций по распространению прокламации, содержащейся в ней самой – особенность данного канала пропаганды. Отдельная группа прокламаций включает в себя и указания по уничтожению аналогичных источников с ложными сведениями, распространяющимися от лица противоборствующей династии – проявление контрпропаганды. Именно данный вид письменных источников в качестве пропаганды распространялся на самую широкую аудиторию и оказывал влияние на общественное мнение.

Характерными чертами самой немногочисленной группы источников настоящего исследования, а именно письма королей и лиц из их ближайшего окружения являются: обилие указаний на незаконность власти монарха, ранее находившегося на троне (Генриха VI, Ричарда III); намеренное замалчивание ценных сведений и отсылка к доверенным лицам, передававших их устно. Письма в основном представляли собой некие просьбы о помощи денежной, военной, дипломатической к потенциальным или действующим союзникам, которые излагали сами монархи, либо иные участники Войн Роз (например, граф Уорик). Также письма зачастую были подкреплены обилием благодарностей, естественно с надеждой на дальнейшую поддержку.

Получение одобрения парламента было чрезвычайно важным для королей в условиях династической борьбы, так как посредством данного органа власти можно было легитимизировать свое положение или свергнуть узурпатора, а также заручиться поддержкой самых влиятельных людей королевства. По данной причине в речах, адресованных парламенту напрямую, либо оформленных в виде петиции также содержатся приемы пропагандистского воздействия. Зачастую они

пересекаются с методами из других источников, но в основном представляют собой создание негативного образа соперника и акцентирование на сюжетах о его неудачах во внутренней и внешней политике. Для того чтобы добиться максимального эффекта от речи как оружия пропаганды подбирался спикер, обладавший не только выдающимися ораторскими способностями, но и авторитетом, а речи тщательно составлялись, переписывались несколько раз для получения оптимального текста.

Действительно, самым очевидным пропагандистом в ходе династической борьбы обычно был король и его ближайшие сторонники, именно он выступал в качестве субъекта рассматриваемого нами явления как средства информационной войны. Пытаясь добиться поддержки знати, представителей джентри, потенциальных союзников за рубежом король действовал через письма. При попытках легитимации собственного положения или свержения монарха противоборствующей династии объектом пропаганды для короля становился парламент, на который воздействие оказывалось через речи спикеров. Кроме того, король предлагал свое видение происходящих событий, которое должно быть воспринято его подданными как единственно достоверное. Для реализации данной задачи создавались хроники, в частности Анонимная, которые распространялись по территории страны и за ее пределами в качестве официального изложения событий.

Воздействие на наибольшую целевую аудиторию, в том числе на простой народ, не имевший возможности ознакомиться с содержанием хроник по объективным причинам, достигалось посредством распространения королевских прокламаций. Эти документы, вышедшие под личной печатью короля, развешивались в местах наибольшего скопления людей, либо оглашалось их содержимое для информирования неграмотного населения. Следовательно, перечисленные источники имели прежде всего агитационный характер.

Династическая борьба нашла широкое отражение среди современников, с точки зрения пропаганды. Речь прежде всего идет об источниках личного происхождения, такие как хроники. Авторы, применявшие в своих трудах разные

приемы изложения событий, являлись представителями различных социальных слоев населения, а также сторонниками как династии Ланкастеров, так и Йорков.

Такими современниками являлись: представители образованной элиты Лондона: Роберт Бейл, чья хроника повествует о событиях с 1189 года по 1460 год и Уильям Грегори, имя которого приписывается хронике, ведущей описание до 1470 года, Анонимный автор хроники «Истории прибытия короля Эдуарда IV в Англию», являющийся прямым свидетелем излагаемых им событий, а также Джон Уоркуорт – мастер колледжа Св. Петра в Кембридже., автор хроники, освещающей события в период 1461–1474 годов.

Центральными фигурами для хронистов стали короли – Генрих VI и Эдуард IV, при этом авторы не упустили из виду и сторонников этих монархов.

Различная интенсивность пропагандистского воздействия хроник обусловлена временем их появления, социального положения и позицией создателей относительно приверженности Ланкастерам или Йоркам.

Ярко выраженную пропагандистскую направленность имеет Анонимная хроника, которая является фактически официальным изложением событий, ибо была написана при дворе Эдуарда IV. Она наполнена множеством приемов, с помощью которых автор пытается убедить своих читателей в достоверности предлагаемого материала и указывает на спасительный характер миссии по возвращению трона законного короля Эдуарда IV, всячески восхваляя монарха и его сподвижником. Полным антиподом выступает «узурпатор» Генрих VI и его сторонники.

В отличие от Анонима, шериф У. Грегори и городской нотариус начала правления Эдуарда IV Роберт Бейл, напрямую не обозначают свою приверженность к кому-либо из монархов, однако, судя по восхвалению личностных качеств Эдуарда IV, оправданию его жестких действий, частичному замалчиванию сюжетов, показывающих его правление с негативной стороны, и напротив, характеристика Генриха VI как «неспособного монарха», авторы выражали

симпатию Йоркам, что можно расценить как элемент пропаганды в пользу династии, получившей власть.

Уоркуорт – преподаватель из Кембриджа воспроизводил историю, опираясь на доступные источники, избегая собственных оценочных суждений. Данный автор четко не выражает своей приверженности к династии Йорков или Ланкастеров и пытается сохранять нейтралитет. Так хронист, с одной стороны, отмечал негативные черты правления Эдуарда IV: экономический кризис, а с другой оправдание его репрессивную политику. По Генриху VI акцент сделан на ответственности придворных, а не самого монарха. Уоркуорт не связывал события династической борьбы с религиозными аспектами, что демонстрирует влияние его социальной принадлежности на отображение позиций враждующих семейств.

В целом хроники имели достаточно ограниченный характер воздействия в качестве пропаганды. Изначально хроники создавались для освещения событий и распространялись на относительно узкую аудиторию. Их авторы в большей части выражали свою позицию по отношению к монархам и их действиям. Хроники не моли стать инструментом массовой пропаганды, а служили больше средством изложения точки зрения их авторов на происходящие события.

Обе стороны конфликта использовали различные приемы пропаганды для влияния на общественное сознание и манипулирования целевой аудиторией:

– повтор, преувеличение, составление негативного образа противника и т.д. Несмотря на применение, зачастую, одних и тех же приемов пропаганды, действия династии Йорков, особенно Эдуарда IV в данном ключе были более активны. Йорки для закрепления легитимности власти своей династии использовали призывы к справедливости и взывали к патриотическим чувствам подданных. Они критиковали режим Ланкастеров за плохое управление и злоупотребление властью

В качестве средств пропаганды выступали перечисленные выше: источники личного происхождения (хроники, письма королей и их сторонников), королевские прокламации, речи, адресованные парламенту.

Аудитория, на которую предполагалось распространить нужную королю информацию зависела от его личных целей, но так или иначе они сводились к поиску союзников, получению благоприятного расположения и помощи.

Определить эффективность пропаганды как средства влияния на общественное мнение династической борьбы эпохи Войн Роз очень затруднительно, так как методы, применяемые для определения эффективности пропаганды, применяемые в современности, не могут быть спроецированы на эпоху Средневековья. Однако следует отметить, что идея «Божественности королевской власти», которая была оформлена в религиозную оболочку, была важной составной частью всей пропаганды данной эпохи. Поэтому мы можем увидеть наличие различных элементов пропаганды в Войнах Роз (субъект, методы, средства, объект).

Династический конфликт между группировками английской знати, известный в историографии как Войны Роз, бесспорно, является одним из значимых событий позднесредневековой Англии. Важной частью политических процессов, происходивших в рамках данной борьбы, являлась пропаганда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

Хроники

1. Bale's Chronicle. Six town chronicles of England, ed. by Ralph Flenley. – Oxford: Clarendon Press, 1911. – 216 p.
2. Bruce, John. Historie of the Arrivall of Edward IV in England and the Finall Recouerye of His Kingdoms from Henry VI A. D. M.CCCC.-LXXI. Printed for the Camden society London. – University of California Libraries, 1838. – 84p.
3. Chronicle of London by William Gregory, scinner / ed. by James Gairdner // The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century. – London: Printed for the Camden Society, 1876. – P. 55–239.
4. Hall Edward. The union of the two noble and illustre families of Lancaster and York. L.: J. Jonson, 1809. – 1340 p.
5. The History of the Arrival of King Edward IV in England and the Finall Recoverie of his Kingdoms from Henry VI.(1843)// The chronicles «White Rose of York». – Harvard College Winder Library Cambrige, 1998.– P.35–101.
6. Warkworth, J. A Chronicle of the First Thirteen Years of the Reign of King Edward IV / ed. J. A. Halliwell. L., 1839. – 79 p.
7. Coventry Leet Book or Mayor's Register, 1420–1555. Part 1 / ed. by M.D. Harris. – London: Early English Text Society, 1907. – 580 p.
8. The Great Chronicle of London, ed. A. H. Thomas and I. D. Thornley. – London and Aylesbury: George W. Jones, 1938. – 502 p.
9. York House Books/ A. Sutton for Richard III & Yorkist History Trust, – 1991. Vol. I, –830 p.

Делопроизводственные документы

10. Calendar of State Papers and Manuscripts relating to English Affairs existing in the Archives and Collections of Venice and in other libraries of northern Italy. Vol. 1. 1202-1509. / ed. by R. Brown. – London, 1864. – 856 p.

11. Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office. Vol. 6 (1454–1461). – London, 1947. – 590 p.
12. Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office. Edward IV. Vol. 2 (1468–1476). – London, 1953. – 664 p.
13. Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office. Vol. 1. Edward I 1272–1279. – London, 1900. – 808 p.
14. Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office. Edward IV. Edward V and Richard III (1476–1483). – London, 1954. – 576 p.
15. Rotuli Parliamentorum ut et petitiones, et placita in Parliamento tempore Edwardi RI ad finem Henrici R. VII. – London: Goldsmith Kress Library of Economic Literature, Research Publications, – 1767.– Vol. V. – 651p.
16. Rotuli Parliamentorum ut et petitiones, et placita in Parliamento tempore Edwardi RI ad finem Henrici R. VII. – London: Goldsmith Kress Library of Economic Literature, Research Publications, – 1767. –Vol. VI. – 576p.

Эпистолярные источники

17. Letters of the Kings of England, now first collected from Royal Archives, and other authentic sources, private as well as public /e.d. by J. O. Halliwell.–1848.–Vol.1. – p.453.
18. Original letters, illustrative of English history : including numerous royal letters : from autographs in the British Museum, the state paper office, and 1 or 2 other collection / with notes and illustration by Sir Henry Ellis. : Richard Bentley. – 1866. –Volume 1.– 381 p.
19. Paston Letters. 1422–1509 / ed. by J. Gairdner.– London: Exeter. –1904. Vol. 1. –556 p.
20. Plumpton correspondence: a series of letters, chiefly domestic, written in the reigns of Edward IV, Richard III, Henry VII and Henry VIII / ed. by T. Stapleton. – London, 1839. – 471p.

21. Stonor Letters & Papers 1290–1483. Vol. 1–2 / ed. by C.L. Kingsford. L., 1919. – 238p.

Законодательные источники

22. Fortescue, J. On the Laws and Governance of England, ed. Shelley Lockwood, Cambridge University Press:– Cambridge, 1997,– 216 p.

23. Statutes of the Realm of England. / ed. by A. Luders, T. Tomlins. L., 1810–1828. Vol. 1 – 11. Vol. 2. 1816. –754 p.

24. The Parliament rolls of medieval England, 1275-1504 / ed. Chris Given-Wilson. – Woodbridge : Boydell press ; London : Nat. arch., 2005. –Vol. X– XV.

II. Исследования

25. Armstrong, C.A.J. Some Examples of Speed and Distribution of News During the Wars of the Roses" in R.W Hunt and W.A Pantin (ed.) Studies in Medieval History Presented to F.W Powicke. – Clarendon Press: Oxford, 1948. – P.429-454.

26. Barron, C. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200-1500. – Oxford University Press: Oxford, 2004.– 496p.

27. Broertjes, A. Winning the people's voice: usurpation, propaganda and state-influenced history in fifteenth-century England: This thesis is presented for the Doctor of Philosophy of the University of Western Australia / Broertjes, A. – UWA., 2006. – 328 p.

28. Brown, J. A. C. Techniques of Persuasion from Propaganda to Brainwashing.– Harmondsworth: Penguin, 1963. – 325p.

29. Butt, R. A history of parliament : the Middle Ages.– London, 1989.– 515 p.

30. Carpenter, Ch. The Wars of the Roses. Politics and the Constitution in England, 1437–1509. – Cambridge, 1997. – 312p.

31. Colley, T. Strategic Narratives and War Propaganda / Baines, P., Nicholas O'Shaughnessy, and Nancy Snow, eds. The Sage Handbook of Propaganda. – London: SAGE, 2020. –P.38-54.

32. Cooper, J.P.D Propaganda and the Tudor State: Political Culture in the West Country, Clarendon Press: Oxford, 2003. – 283p.
33. Doig, James. A.. Political Communication and Public Opinion in Lancastrian England 1399–1450. – Wales: Univeristy of Swansea, 1993. – 258 p.
34. Doig, James. Propaganda, Public Opinion and the Siege of Calais in 1436 in Rowena Archer (ed.) Crown, Government and People in Fifteenth Century England. – St Martins Press: New York, 1995. –P.79-106
35. Ellul, J. Propaganda; the formation of men's attitudes. – New York: Knopf,1965. –360 p.
36. Gaunt, Sarah K. English Political Propaganda, 1377–1485. Doctoral thesis, The University of Huddersfield, 2018. – 217 p.
37. Grummit, D. The Establishment of the Tudor dynasty // Companion to Tudor Britain / ed by R. Tittler, N. Jones. – Oxford: Blackwell Publishing, 2004.– 588 p.
38. Gillingham, J. Wars of the Roses: Peace and Conflict in 15th Century England. – Hardback, 1981. – 229 p.
39. Goodman, A. The Wars of the Roses: Military activity and English society (1452–1497). – L.: Harper, 1981. – 294 p.
40. Gransden, A. Historical Writing in England ii c. 1307 to the Early Sixteenth Century. – Ithaca: Cornell University Press, 1982. – 692 p.
41. Grummitt, D. A short history of the Wars of the Roses. –London: I. B. Tauris, 2014. – 494 p.
42. Harris, E. Kay. «Censoring Disobedient Subjects: Narratives of Treason and Royal Authority in Fifteenth Century England» in Douglas L. Biggs, Sharon D. Michalove and A. Compton Reeves (ed.) Reputation and Representation in Fifteenth Century Europe, Brill: Leiden and Boston, 2004. – 392 p.
43. Harvey, I.M.W. «Was There Popular Politics in Fifteenth Century England?» in R.H. Britnell and A.J. Pollard, The McFarlane Legacy: Studies in Late Medieval Politics and Society, Alan Sutton: Stroud, 1995. – 218 p.

44. Hicks, Michael. English Political Culture in the Fifteenth Century, Routledge: London and New York, 2002. – 261 p.
45. James, Jeffrey. Edward IV: Glorious Son of York. – Stroud: Amberley Publishing, 2015. – 288 p.
46. Jones S.R. Civic Literacy in Later Medieval England in: Writing and the Administration of Medieval Towns.– :Brepols Publishers, Belgium, 2014.–P. 219-230.
47. Kekewich, M. The politics of fifteenth-century England : John Vale's book. – London, 1995.– 312 p.
48. Kinghorn, A. M. The Chorus of History. Literary-historical Relations in Renaissance Britain. – London: Barnes and Noble, 1971. – 356 p.
49. Kingsford, C. Chronicles of London. – Oxford: Clarendon Press, 1905. – 368 p.
50. Kingsford, M. A English Historical Literature in the Fifteenth Century. – New-York: B. Franklin, 1963. – 429 p.
51. Lambert, Richard. Propaganda. –London: Thomas Nelson and sons, 1938. –168 p.
52. Lander, J. War: of the Rose. – Gloucestershire: Sutton Publishing, 2000. –282 p.
53. Lindenbaum, S. London Texts and Literate Practice, in: Cambridge History of Medieval English Literature, ed. D. Wallace. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 284-309.
54. Macfarlane, Alan. A guide to English historical records , – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 134 p.
55. McLaren, M.R. The London Chronicles of the Fifteenth Century. A revolution in English Writing. – Cambridge: D.S.Brewer, 2002. –294 p.
56. Political culture in late medieval Britain / ed. by Linda Clark, Christine Carpenter.– Woodbridge, Rochester, NY, 2002. –202 p.
57. Pollard, A.J. The Wars of the Roses.– N.Y.: St. Martin press, 1988. – p. 138.
58. Potter J. Good King Richard?: an account of Richard III and his reputation, 1483-1983. London : Constable,1983. – 328 p.

59. Richmond, C. The Paston Family in the Fifteenth Century: The First Phase. – Cambridge: Cambridge Universiyu Press. 1990. – 291 p.
60. Ross, Charles. Richard III. – Berkeley: University of California Press, 1981. – 265 p.
61. Ross, Charles. Edward IV. – Berkeley: University of California Press, 1974. – 479 p.
62. Roskell, J. S. Parliament and politics in late medieval England. – London: Hambledon Press,1981. – 436p.
63. Rowland, D. The Publication and Reception of Local and Parliamentary Legislation in England, 1422– 1485. – London: University of London, 2017. – 344p.
64. Smith, Bruce Lannes, Harold D. LASSWELL, and Ralph D. Casey. Propaganda, Communication and Public Opinion. Vol. 2314. Princeton University Press, 1946.-435p.
65. Stevenson, K. Power and Propaganda : Scotland 1306-1488. Edinburgh UK : Edinburgh University Press, 2014.240 p.
66. Strohm, Paul. England's Empty Throne: Usurpation and the Language of Legitimation 1399-1422, Yale University Press: New Haven, 1998. – 274 p.
67. Stubbs, W. The Constitutional History of England in Its Origin and Development. – London: Clar. press, 1875. – 322 p.
68. The Church, Politics and Patronage in the Fifteenth Century England / Ed. by B. Dobson. Gloucester—N.Y., 1984. – 245 p.
69. The English parliament in the Middle Ages / e. d. R.G. Davies, J.H. Denton, Myers, editors. – Manchester : Manchester University Press, –1981.– P. 141–184.
70. The McFarlane legacy: Studies in Late Medieval politics and society. ... Ed.by Britnell Richard, Pollard A. J. Издательство: Stroud: Sutton, 1995. – 218 p.
71. Taylor, Philip M. Munitions of the Mind: A History of Propaganda from the Ancient World to the Present Era. – Manchester : Manchester University Press, 2003. –353 p.

72. Wagner, J. A. Encyclopedia of the Wars of the Roses. – Santa Barbara, Calif: ABC-CLIO, 2001. – 367 p.
73. Ward,M. The livery collar: politics and identity in fifteenth-century England.– Woodbridge: Boydell Press, 2016. –271p.
74. Watts, J. Henry VI and the Politics of Kingship. – Great Britain:Cambridge University Press, 1996. – 420 p.
75. Wedgwood J., Holt A. History of Parliament. Biographies of the Members of the Commons House. 1439—1509. L., 1936. – 984 p.
76. Whittle, A. The Historical Reputation of Edward IV 1461–1725: PhD Dissertation / Andrew Robert Whittle. – Norwich: University of East Anglia, 2019. – 359 p.
77. Wolffe, B. Henry VI / The English Monarchs series. – New Haven and London: Yale University Press. 2001. – 432 p.
78. Бархатова, О. Н. Переписка Пастонов как источник по социально-экономической и политической истории Англии XV века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – Москва, 1975. –194 с.
79. Басовская, Н.И. Человек в зеркале истории [Отравители. Безумцы. Короли].– М.: АСТ, 2012. – 240 с.
80. Браун, Е.Д. Войны Роз. История. Мифология. Историография. – СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 208 с.
81. Браун, Е.Д. Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз . – М .: Вече, 2016. – 432 с.
82. Волковский, Н. Л.. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон». 2003.– 736 с.
83. Граммитт, Д. Война Алой и Белой розы. Краткая история / Пер. с англ. А. З. Колина. – М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2020. – 494с.
84. Грин, Д. Р. История Англии и английского народа : [пер. с англ.] / Д. Р. Грин. – М.; Жуковский : Кучково поле, 2005. – 896 с.
85. Гутнова Е.В. Английское феодальное государство в XIV–XV вв. // Средние века. 1987.Вып. 50.

86. Данилевский, И. Н. Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники Рос. истории: Учеб. пособие для студентов вузов / И.Н.Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т "Открытое о-во". М. : РГГУ, 2000. - 701с
87. Джонс, Д. Война Алой и Белой розы: Крах Плантагенетов и воцарение Тюдоров /Дэн Джонс. – Пер. с англ. – М. : Альпина нон-фикшн, 2023. – 446 с.
88. Золотов, В.И. Английское общество накануне «Войны Роз» – Брянск: Брянский гос. пед. ун-т., 1996. –108 с.
89. Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья.– М: Квадрига, 2010.– 664 с.
90. Кантемирова Т.А., Кузнецов Е.В. Восстание в Англии, 1450-1451 гг. под руководством Джека Када и Уильмана Парминтера Учебное пособие для спецсеминаров по истории на вечернем и заочном отделениях / Сост. Т.А. Кантемировой и Е.В. Кузнецовой; Горьковский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Горький 1966.– 71 с.
91. Кирюхин Д.В. Стратегия репрезентации королевской власти в культурной и интеллектуальной жизни английского двора в 1485–1533 гг.: дис. канд. ист. наук. Н.Новгород, 2014. –178 с.
92. Меркулова Т.Б. Север Англии в политической жизни страны второй половины XV века. Автореф. дис. .канд. ист. наук.– Н. Новгород, 1999.– 21 с.
93. Минеева, Т.Г. Политика и власть. Англия трех Генрихов (1399—1471). – Н. Новгород: ННГУ, 2001.– 189 с.
94. Минеева Т.Г. Развитие государственно-правовых институтов в Англии XIV—XV вв. Автореф. дисс... д-ра юр. наук.– Н. Новгород, 2011. –60 с.
95. Мортон, А.Л. История Англии.– М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – 464 с.

96. Норвич, Д.Д. История Англии и шекспировские короли. Перевод с англ. И.Лобанова. – М. АСТ, 2013.– 414 с.
97. Ланглуа, Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. пер. с французского А. Серебряковой; Государственная публичная историческая библиотека России. — 2-е изд. / под ред. и со вступительной статьей Ю. И. Семенова. — М. , 2004. — 305 с.
98. Ландер, Дж.Р. Войны Роз.пер. с англ. А. А. Кралиной. – СПб.: Нестор-История , 2013. – 280 с.
99. Поулсен, Ч.Английские бунтари / Ч. Поулсен ; пер. с англ. С. В. Кибирского ; пед., предисл. и коммент. С. Н. Бурина. –М.: Прогресс, 1987. – 278с.
100. Праздников, А. Г. Люди войн Алой и Белой Розы. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века. – СПб.: Евразия, 2023.– 560 с.
101. Праздников, А. Г. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века : дис. ... док. истор. наук : 07.00.03 / Праздников Андрей Геннадьевич. – Нижний Новгород, 2021. – 711 с.
102. Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей. Человек в истории.– М.: Наука, 1990. – 222 с.
103. Тревельян, Дж.М. Социальная история Англии – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 608 с.
104. Устинов, В. Йорки против Ланкастеров . – М.: Вече, 2016. – 429с.
105. Чернова, Л.Н. Власть и общество: российский и зарубежный исторический опыт: монография / под ред. В.Н. Данилова, Л.Н. Черновой. - Саратов; Издательство «Саратовский источник», 2023.– С. 45–83.
106. Чернова, Л.Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV-XVI веков. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 366 с.

107. Чернова Л.Н. Правящая элита Лондона XIV-XVI веков: механизм властвования, социальная идентичность, частная жизнь. Saarbrücken: LambertAcademic Publishing, 2011. –508 с.

108. Чернова Л.Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков: олдермены в контексте экономической, социальной и политической практики. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2005. – 440 с.

109. Уильям Шекспир. Генрих VI / Пер. Е. Бируковой // Уильям Шекспир. Полное собрание сочинений в восьми томах. М., 1957. Т. I.

110. Штокмар В.В. История Англии в средние века. – СПб.: Алетейя, 2005.– 203 с.

111. Элисон ,Уэйр. Ланкастеры и Йорки. Война Алой и Белой розы. – Пер. с англ. Вера Ахтырская. – СПб.:Азбука, 2025. – 640 с.

III. Статьи

112. Allan, A. «Yorkist Propaganda: Pedigree, Prophecy and the «British History» in the Reign of Edward IV in Charles Ross /ed. Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England, Alan Sutton: – Gloucester, –1979. – P. 171–192.

113. Allan, A. Royal Propaganda and the Proclamations of Edward IV// Bulletin of the Institute of Historical Research. – 1986.– Vol. 59. – P. 146–154.

114. Armstrong, C.A.J. The Inaugaration Ceremonies of the Yorkist Kings and their Title to the Throne// Transactions of the Royal Historical Society, Fourth Series. – 1948. – Vol.30. P. 51-75.

115. Barron, C. London and the Crown 1451-1461// J.R.L. Highfield and Robin Jeffs (ed.) The Crown and Local Communities, Alan Sutton: Gloucester, –1981. P. 88-109

116. Bolton, J.L. The City and the Crown 1459-1461 // London Journal. – 1986. – Vol.12. –P. 11- 24.

117. Butcher, R. Propaganda in the Prepared Parliamentary Speeches of 1455–1461// The Ricardian. London, – 2004. –Vol. 14. – P. 37–53.

118. Doig, James. A. Political Propaganda and Royal Proclamations in Late Medieval England // Historical Research. –1998.– vol. 71 (176). – P. 253–280.

119. Doig, James Propaganda and Truth: Henry V's Royal Progress in 1421// Nottingham Medieval Studies, –1996. Vol.40. – P. 167-179.

120. Elton G. R. The Rolls of Parliament, 1449–1547 // The Historical Journal. – 1979. – Vilume. 22. Issue 1. –P. 1–29.

121. Erler, M. The Guildhall Library, Robert Bale and the writing of London history// Historical Research. – 2016.–Vol. 89. – P. 176 – 186.

122. Gairdner, J. Gregory William // Dictionary of National Biography. London: Smith, Elder & Co, –1890. –Vol. 23. – P. 103–104.

123. Fuchs,R. P. Zwischen Dynastie und Nation: Die Wars of the Roses als europäischer Bürgerkrieg// : Duncker & Humblot GmbH. –2013. Vol 40 (1). –P. 109–111.

124. Gransden, A.Propaganda in English Medieval Historiography// Journal of Medieval History.–1975. – Vol. 1.– P. 363-381.

125. Green, R. The Short Version of The Arrival of Edward IV// Speculum. – 1981. –Vol. 56 (2). P. 324–36.

126. Griffiths, R.A. Henry VI (1421–1471). [Электронный ресурс] // Oxford Dictionary of National Biography, Oxford University Press. – 2015. – URL: https://doi.org/10.1093/ref:odnb/12953 (дата обращения 23.12. 2023).

127. Jones, Michael K. Edward IV, the earl of Warwick and the Yorkist Claim to the Throne // Historical Review. –1997. Vol.70 (173). – P. 342-352.

128. Kingsford, C. Robert Bale, the London Chronicler // The English Historical Review. Oxford University Press. – 1916. – Vol. 31 (21). – P.128–137.

129. Kjær, L. Power, Propaganda, and Medieval Historiography // Journal of Medieval History. Northeastern University, London, UK – 2025. – Vol. 4. P. 466-484.

130. Lewis, P. S. War Propaganda and Historiography in Fifteenth Century France and England // Transactions of the Royal Historical Society, –1965.– Fifth Series (15).– P.1-21.

131. Lovatt, Roger. A Collector of Apocryphal Anecdotes: John Blacman Revisited, in A. J. Pollard / ed. Property and Politics // Essays in Later Medieval English History. –Gloucester: Alan Sutton, 1984, – P. 172–97.

132. Lovatt, Roger. John Blacman: Biographer of Henry VI / R.H.V Davis and J.M Wallace-Hardill (ed.) The Writing of History in the Middle Ages: Essays Presented to Richard William Southern, Clarendon Press: Oxford, 1981. –P. 415-444.

133. Mate M. The Economic and Social Roots of Medieval Popular Rebellion: Sussex in 1450–1451 // The Economic History Review. New Series. Vol. 45. № 4. 1991. – P. 661–676.

134. McLaren, M.R. Reading, Writing and Recording. Literacy and the London Chronicles in the Fifteenth Century/ London and the Kingdom: Essays in Honour of Caroline M. Barron , ed. M. Davies and A. Prescott. – Donington : Shaun Tyas.– 2008.–P. 346-366.

135. Radulescu, R. Yorkist Propaganda and The Chronicle from Rollo to Edward IV// Studies in Philology.– 2003. – Vol. 100 no. 4.– P. 401-424.

136. Rees, J. Emotions, speech, and the art of politics in fifteenth-century York: House Books, mystery plays and Richard duke of Gloucester // Urban History. – 2017. Vol. 44 (4). – P. 586– 603.

137. Richmond, C. Hand and Mouth: Information gathering and use in England in the later middle ages // Journal of Historical Sociology. – 1988. Vol.1.– P. 172–192.

138. Richmond, C. Propaganda in the Wars of the Roses // History Today. – 1992. – Vol 42. – P. 12–18.

139. Ross, Charles. Rumour, Propaganda and Popular Opinion During the Wars of the Roses in Ralph Griffiths /ed. Patronage, the Crown and the Provinces in Later Medieval England Alan Sutton: – Gloucester, 1981. – P. 15–32.
140. Rosser, G. Myth, image and social process in the English medieval town // Urban History. – 1996. – Vol.23. –P. 5-25.
141. Smith, A. Litigation and Politics: Sir John Fastolf s Defense of His English Property // Property and Politics. Essays in Later Medieval English History / Ed. by A.J. Pollard. N.Y., 1984. P. 58—74.
142. Thomson J. The Continuation of «Gregory's Chronicle»: A Possible Author? // The British Museum Quarterly.– London, 1972. –Vol. 36.– P. 92–97.
143. Thomson, J. A. F. Warkworth's Chronicle' Reconsidered // The English Historical Review. – Oxford University Press, 2001. – Vol. 116. – P. 657–664.
144. Watts, John. De Consulatu Stiliconis: Texts and Politics in the Reign of Henry VI // Journal of Medieval History, 16:3, 1990. P. 251-266.
145. Watts, John. «The Pressure of the Public on Later Medieval Politics» in Linda Clark and Christine Carpenter (ed.) The Fifteenth Century IV: Political Culture in Late Medieval Britain, Boydell Press: Woodbridge 2004. P. 159–180.
146. Wood C. T. Queens, Quaens, and Kingship: An Inquiry into Theory of Royal Legitimacy in Late Medieval England and France // Order and Innovation in the Middle Ages.Princeton, 1987. – P. 409–31.
147. Бароне, В.А. Антианглийские пропагандистские сочинения и книжная культура во Франции в первой половине XV века // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXII Международной научной конференции. – М., 2019. – С. 62–65.
148. Бароне, В.А. Антианглийские пропагандистские сочинения и книжная культура во Франции в первой половине XV века // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXII Международной научной конференции. – М., 2019. – С. 62–65.

149. Бароне, В.А. Договор в Труа глазами авторов французской пропагандистской литературы первой половины XV в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – М., 2017. – №10. – С. 64–73.

150. Басовская, Н.И. Политическая борьба в Англии и Франции первой половины XV в. и Столетняя война // Идейно-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984. – С. 120—140.

151. Браун, Е. Д. Войны роз в «Комической истории Англии» Гилберта Эббота (1847–1848)// Люди и тексты. Исторический альманах. – 2024. – №17. – С. 56–94.

152. Браун, Е.Д. Войны Роз: сравнительный анализ подходов российской и англоязычной историографии // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история» – М., 2010 .– С. 243 –257.

153. Браун, Е. Д. История или политика? Представления о Войнах Роз в Великобритании XVII–XVIII вв. //Шаги (Steps). 2023. – №2.– С. 148–170.

154. Браун Е. Д. История или политика? Уорик Создатель Королей в исторической памяти англичан // Политика истории: К 70-летию доктора исторических наук Марины Павловны Айзенштат / Отв. ред. М. С. Бобкова. М.: ИП Смирнова М. А.,– 2021. – С. 68–83.

155. Браун, ЕД. Особенности семейных архивов и частной переписки в Англии XV в. (на материалах семейных архивов Пастонов, Стоноров и Пламптонов) И Делопроизводство. Информационно практический журнал. –М., 2001. – № 1. – С. 69—72.

156. Браун ЕД. Представления о королевской власти англичан XV в. (на материале коронации Ричарда III) // Зеркало истории: личность в истории. Сб. статей участников кружка истории Древности и Средневековья.– М., 2000.– С. 67—77.

157. Браун, Е. Д. Пророчества, проклятия и божья кара. мистическая трактовка войн роз в тюдоровской историографии // ЛиТ. Исторический

альманах, 2022. – №15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prorochestva-proklyatiya-i-bozhya-kara-misticheskaya-traktovka-voyn-roz-v-tyudorovskoy-istoriografii (дата обращения: 26.09.2024).

158. Браун, Е.Д. Создание мифа о Войнах Роз: (от Ричарда Йорка до Шекспира) // История: электронный научно-образовательный журнал. – М.: ИВИ РАН, 2012. – Вып. 3 (11). – С. 204 – 217. URL: https://history.jes.su/s207987840000371-7-1/ (дата обращения: 26.09.2023).

159. Браун, Е.Д. Создание стереотипов правителей в «Новых хрониках Англии и Франции» Роберта Фабиана // Люди и тексты. Исторический альманах, – 2012. – С. 161 – 183.

160. Демидова Е. Е. Мифы о власти и власть мифа: когнитивный аспект // Мифлогос. 2022. – № 4. – С. 122–134. URL: https://doi.org/10.35103/SMSU.2022.14.15.056 (дата обращения: 28.01.2024).

161. Евсеев, В.А. Политическая борьба эпохи войны Роз в законодательстве английского парламента // Британия: история, культура, образование. – Ярославль, 2018. – Вып. 4. – С. 132–137.

162. Золотов В.И. К.Б. МакФарлайн и современные подходы к изучению социальной истории Англии XV в. // Проблемы социальной истории Европы: от античности до нового времени. – Брянск, –1995. –С. 118—134.

163. Золотов, В. И. К вопросу о местном управлении в законодательстве первых парламентов Генриха VI (1422—1433) // Англия в XIV—XVII вв.– Горький, 1974. – Вып. 2.– С. 120-135.

164. Золотов В.И. Снова о социальных аспектах «Войны Роз» // Историческая мысль и история идей. Брянск, –1998. Вып. 6.– С. 79–88.

165. Карепова, С.Г., Некрасов, С. В., Пинчук, А. Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. – ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления«НИНХ». –2020. – Вып.4. – С. 212-229.

166. Кирюхин, Д.В. Развитие эпистолярного жанра при дворе первых Тюдоров // Преподаватель XXI век. – 2016. – №4. – С.378–385. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-epistolyarnogo-zhanra-pri-dvore-pervyh-tyudorov (дата обращения: 23.12.2023).

167. Кирюхин, Д.В. Репрезентация власти первых Тюдоров в рамках новой политической истории // Вестник Мининского университета. – Нижний Новгород, – 2016. №1-2 (14). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-vlasti-pervyh-tyudorov-v-ramkah-novoy-politicheskoy-istorii (дата обращения: 10.12.2025).

168. Кузнецов Е.В. Борьба магнатских партий в Англии в 50-е гг. XV в. Политическая программа Йоркской партии // Ученые записки Горьковского государственного университета. – Горький, 1959. – Вып. 46. – С. 123—144.

169. Кузнецов, Е.В. Была ли битва при Босворте концом «Войны Роз»? (Из истории борьбы Генриха VII с заговорами английских феодалов) // Ученые записки Горьковского университета. Средние века и древний мир. – 1965. – Вып. 67. – С.138–158.

170. Кузнецов Е.В. Некоторые вопросы экономической политики королевской власти в Англии 1461 – 1485. // Средние века. – М., 1962. –Вып. 21. – С.185–200.

171. Кузнецов, Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в. (к проблеме возникновения английского абсолютизма). – М.: Наука, 1958. – 274 с.

172. Медовкина Л. Ю. Эволюция информационных войн от древности к современности / Л. Ю. Медовкина // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2017– Вып. 3. – С. 15–24.

173. Минеева Т.Г. Нарративные источники по истории позднесредневековой Англии // XII Чтения памяти профессора Сергея Ивановича Архангельского : Материалы междунар. конф., 20-21 апр. 2001 г.. – С.159–169.

174. Мухин М. А. Образ короля Эдуарда IV в труде Бернара Андре «История жизни и достижений Генриха VII» // Ars Historica : сборник научных статей. / сост., науч. ред. Т. С. Минаева. Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. – 2020 – Вып. 12.– С. 12– 16.

175. Портнов А. А. Джон Пастон и Войны Роз // Человеческий капитал. 2022. – Вып. 1 (157). – С 35-45.

176. Портнов, А.А. Политика Эдуарда IV в свете английского парламентского законодательства // Genesis: исторические исследования. – 2024. – № 9. – С. 17–31.

177. Портнов, А. А. Политическая Борьба Эпохи Войн Роз в Свете Английского Парламентского Законодательства. Человеческий капитал. – 2023. – №. 1(169). – С. 93–103.

178. Портнов А.А. Северо-восток Англии в эпоху Войн Роз (на примере семьи Пастонов) // Genesis: исторические исследования. 2024. № 6. – С. 1-15.

179. Праздников, А. Г. Английское общество в период реставрации Генриха VI (1470 - 1471 гг.) / А. Г. Праздников //Вопросы истории. – 2010. –N. 10.– С. 163.

180. Праздников А. Г. Война в пространственно-временном континиуме хроник Лондона XV в. // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта: материалы Третьих международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и Научной конференции «Мир и война: море и суша» (Санкт-Петербург — Кронштадт, 21-24 октября 2007 г.) / Отв. ред. И. О Ермаченко. — М.; СПб.: ИВИ РАН, 2007. С. 82-84.

181. Праздников, А.Г. Войны Роз и развитие английских городов второй половины XV в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2014. – Вып. 6 (29). URL: https://history.jes.su/s207987840000792-0-1/ (дата посещения:12.01.2025).

182. Сорокина, Т.Б. Восстание на Севере Англии в 1489 году // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.– 2019. –№ 4. – С. 44–51.

183. Сорокина, Т.Б. Ревизия хроники Уоркуорта в современной английской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3 (1). – С. 145 – 147.

184. Сорокина, Т.Б. Тюдоровский миф в английской историографии // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Арзамас, –2018. – вып.13. – С. 27-34.

185. Ставицкий А. В. Мифологические структуры в свете обшей теории мифа: основные подходы, варианты, параметры // Мифологос. 2022. – № 1.– С. 153–169. URL: https://doi.org/10.35103/SMSU.2022.93.73.012 (дата посещения:15.03.2024).

186. Ставицкий А. В. Общая теория мифа о структуре его функционирования // Мифологос. 2022.– № 1. – С. 56– 74. URL: https://doi.org/10.35103/SMSU.2022.43.42.005 (дата посещения:15.03.2024).

187. Тогузаева, Е.Н. Пропаганда как общенаучная КАТЕГОРИЯ // Право: история и современность. – 2022. – №1. – С. 24– 34. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-kak-obschenauchnaya-kategoriya (дата обращения: 25.05.2025).

188. Феллоуз, Эрвин У. «Пропаганда»: история слова / Эрвин У. Феллоуз.– Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2009. – №29. – С. 155-159.

189. Чернова, Л.Н. Городское самоуправление средневекового Лондона: принципы формирования и функционирования (XIII–XV вв.) // Англия и Европа: от средних веков к новому времени. Сб. статей к юбилею Сергея Егоровича Федорова / под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Алетейя, –2023. –С. 43–82.

190. Чернова, Л. Н. Королевские хартии и прокламация Лондону (XVI в.) / Пер. с англ. и коммент. Е. В. Двойниной и Л. Н. Черновой // Средневековый город. Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, – 2007. – Вып. 18.– С. 240–251.

191. Штофлер, Л. Л. Информационная война как радикальная форма политической борьбы // Гуманитарий Юга России. – 2018. –Том. 7. № 4. – С. 158–174.